
JULIE VALE
Нището личното

Julie Vale

Ничего личного

«Автор»
2026

Vale J.

Ничего личного / J. Vale — «Автор», 2026

В свои тридцать один Джулс Моретти уверена, что жизнь удалась: успешная карьера в индустрии красоты, замечательная команда и все шансы получить долгожданное повышение. Но благодаря корпоративным интригам вместо новой должности Джулс получает испорченную репутацию и статус безработной. А самое заманчивое предложение поступает от AURELLE, компании ее заклятого конкурента.Кэмерон Хейз не скрывает своего ликования по поводу увольнения Моретти, пока не узнает, что его лучший друг пригласил ее работать к ним. И теперь женщину, которую он с удовольствием доводил до бешенства последние четыре года, ему предстоит видеть каждый рабочий день.Джулс намерена восстановить свою репутацию, Кэм — доказать, что нанять ее было большой ошибкой. К счастью, оба достаточно взрослые, чтобы не смешивать работу с личной жизнью. В конце концов, четыре года они успешно убеждали друг друга, что между ними ничего личного.

© Vale J., 2026
© Автор, 2026

Julie Vale
Ничего личного

Пролог

Тем, кто рос на ромкомах
двухтысячных, влюблялся в
их истории и каждый раз знал, чем
все закончится, но все равно ждал
первого поцелуя так, будто видел
его впервые.
Julie Vale, 2026

Все персонажи и события данного произведения вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данного произведения не может быть воспроизведена или распространена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

В индустрии красоты существовала одна маленькая ложь, которую все давно привыкли называть маркетингом: люди покупают продукт. Разумеется, это было неправдой. Люди покупали обещание — и чем красивее оно звучало, тем охотнее соглашались забыть, что перед ними всего лишь стеклянная баночка крема за сто восемьдесят долларов, хотя на соседней аптечной полке стояла другая, способная увлажнить человеческую кожу ничуть не хуже. Никому в действительности не требовался пятнадцатый оттенок красной помады, флакон духов стоимостью в половину бруклинской аренды или сыворотка в матовом стекле с пипеткой, будто внутри находилось лекарство сразу от старения, одиночества и неудачного первого брака.

Зато человеку можно было продать идею о том, кем он станет, когда принесёт эту баночку домой и однажды утром откроет её перед зеркалом. Он станет увереннее, красивее и моложе. Будет чувствовать себя желанным, свободным и, возможно, наконец похожим на ту версию самого себя, которая всегда существовала где-то рядом, но до сих пор не знала, как выйти наружу.

Маркетинг начинался именно там — в едва заметном пространстве между тем, что человеку было нужно, и тем, чего ему по-настоящему хотелось. И если сделать свою работу достаточно хорошо, однажды он переставал замечать разницу. Джулия Моретти умела делать это чертовски хорошо. Она никогда не считала маркетинг искусством заставлять людей покупать ненужные вещи, хотя именно так любил описывать её профессию отец за воскресным столом. После этого мать неизменно просила его не оскорблять работу дочери хотя бы до десерта, а сама Джулс отодвигала тарелку, вскидывала руки и следующие пятнадцать минут с такой страстью объясняла обоим, почему маркетинг — это не манипуляция, а язык, что к концу её речи остывала паста и начинал сомневаться даже отец.

Джулс верила: хороший бренд не придумывает желание, а находит то, что уже живёт внутри человека, и придаёт ему форму — цвет, запах, музыку, лицо и историю, в которой покупатель неожиданно узнаёт самого себя. Именно поэтому она могла два часа спорить из-за оттенка коробки, отказаться от кампании стоимостью в несколько миллионов долларов из-за одной неверной фразы и однажды заставила команду переснять почти готовый ролик только потому, что женщина в нём смотрела на себя в зеркало так, словно ждала от собственного отражения разрешения быть красивой. — Она не должна спрашивать у зеркала, достаточно ли

хороша, — объясняла Джулс, стоя посреди монтажной и размахивая руками так, что находившиеся поблизости люди предусмотрительно убрали со стола чашки.

— Она уже знает ответ, и именно в этом заключается вся разница. *Dio mio*, мы продаём женщине уверенность или всё-таки пытаемся убедить её, что чувствовать себя уверенной можно только после покупки нашего продукта? Потому что во втором случае я не хочу иметь к этой рекламе никакого отношения.

За девять лет работы в VELA люди усвоили простое правило: не стоит отвечать Джулии Моретти, пока её руки находятся выше уровня плеч. Обычно это означало, что аргумент ещё не закончен, а попытка вмешаться лишь подарит ему дополнительные десять минут жизни.

VELA принадлежала к тем компаниям, чьё название давно не нуждалось в пояснениях. За двадцать семь лет небольшой нью-йоркский бренд уходовой косметики превратился в международный дом красоты, выпускавший парфюмерию, декоративную косметику и средства для ухода, а его магазины были устроены так, что даже освещение заставляло человека нравиться себе чуть больше, чем пять минут назад на улице. VELA продавала чувства. Её кампании были тёплыми, чувственными, временами дерзкими и почти всегда рассказывали о человеке, а не о продукте. Женщина в рекламе VELA могла смеяться с размазанной помадой, танцевать босиком на кухне, стареть, злиться, соблазнять, уходить, возвращаться и вообще вести себя так, словно баночка крема не являлась главным событием её биографии. Во многом это было заслугой Джулс.

Она пришла в компанию двадцатидвухлетней выпускницей с огромной папкой идей, слишком громким голосом и бесстрашной уверенностью человека, который ещё не успел узнать, сколько раз корпоративный мир попросит его стать тише, сдержаннее и, по возможности, удобнее. Девять лет спустя Джулс руководила маркетингом одного из ключевых направлений VELA и всё ещё не стала удобнее. Особенно гордился этим Генри Уитмор — человек, который когда-то её нанял. Генри занимал должность исполнительного вице-президента VELA достаточно долго, чтобы помнить времена, когда компания умещалась на двух этажах и слово «инфлюенсер» ещё не встречалось в квартальных бюджетах. Ему было пятьдесят восемь, он носил безукоризненные тёмные костюмы, зачёсывал назад серебристые волосы и обладал редким талантом выслушать двадцатиминутную эмоциональную речь Джулс, не перебив её ни разу, а затем задать единственный вопрос, после которого ей приходилось переделывать половину презентации.

Когда-то Генри был её начальником, потом стал наставником, а в какой именно момент превратился в человека, которому Джулс звонила раньше собственного отца, когда получала повышение, проигрывала большой контракт или собиралась совершить что-нибудь профессионально безрассудное, она уже не помнила. Генри научил её не бояться комнат, в которых она оказывалась самой молодой. Он научил её никогда не путать уверенность с громкостью, хотя, по его мнению, успехи Джулс в усвоении этого урока оставались весьма умеренными. И главное — именно он однажды сказал ей вещь, которую она запомнила гораздо лучше половины университетских лекций:

— Если в какой-нибудь день ты войдёшь в переговорную и обнаружишь, что все присутствующие с тобой согласны, Джулия, не спеши радоваться. Это будет означать, что либо ты наняла трусов, либо сама перестала говорить что-нибудь по-настоящему интересное.

На этой фразе Джулс построила практически всю свою карьеру, поэтому трусов в её нынешней команде не было. Зато была Мия Чен, бренд-стратег, способная терпеливо выслушать самый пламенный монолог начальницы и совершенно невозмутимо сообщить, что идея прекрасна, но бюджет, к сожалению, не разделяет общего восторга. Был Томас Рид, креативный директор направления, худой, вечно слегка растрёпанный и патологически неспособный появиться на встрече без кофе. Была Нора Ким, отвечавшая за digital и социальные сети и понимавшая алгоритмы значительно лучше, чем человеческие мотивы. И был молодой мене-

джер Лео Мартинес, работавший в команде меньше года и всё ещё старательно записывавший едва ли не каждую фразу Джулс во время совещаний.

Однажды Томас не выдержал, наклонился к нему через стол и доверительно предупредил:

— Когда она переходит на итальянский, можешь закрывать блокнот, Лео. С этого момента рабочая информация заканчивается и начинается то, что отдел кадров предпочёл бы никогда не переводить.

Джулс, разумеется, услышала. Она вообще обладала удивительной способностью слышать всё, что произносилось в пределах двадцати футов и хотя бы отдалённо касалось её самой.

— Я перехожу на итальянский исключительно тогда, когда английскому языку недостаёт выразительности, чтобы передать уровень происходящего идиотизма, — сообщила она, медленно поворачиваясь к Томасу. — Это не эмоциональная реакция, а вынужденная лингвистическая мера.

Мия даже не подняла глаз от ноутбука.

— В понедельник ты назвала принтер *figlio di puttana*, а потом пригрозила выбросить его из окна.

— Он съел мою презентацию за семь минут до заседания совета, поэтому, если уж мы обсуждаем этот неприятный инцидент, давайте не будем делать вид, будто агрессором была я.

— Он зажевал три листа, Джулс, — напомнила Мия всё тем же бесстрастным тоном.

— Именно. Три листа, над которыми я работала до двух часов ночи. Считаю, что моя реакция была более чем пропорциональна нападению. Томас торжественно поднял чашку с кофе, словно произносил тост. — Никто с тобой не спорит. Мы слишком хорошо обучены и, если быть до конца честными, немного напуганы.

Именно так работала VELA — по крайней мере, именно такой её знала Джулс, однако на другом конце Манхэттена находилась компания, смотревшая на индустрию красоты совершенно иначе. AURELLE.

Если VELA спрашивала человека, что он хочет почувствовать, AURELLE прежде всего интересовалась, что именно он купит. Там любили цифры, конверсию, повторные покупки, тестирование и поведенческие модели. Новый оттенок не выпускали до тех пор, пока не становилось известно, кто его приобретёт, где увидит рекламу, сколько секунд задержит на ней взгляд и с какой вероятностью через четыре месяца закажет второй. AURELLE не стремилась быть романтичной — она стремилась быть правой, и хуже всего было то, что ей это раздражающе часто удавалось. Особенно после того, как одним из главных людей, отвечавших за коммерческую стратегию компании, стал Кэмерон Хейз.

Кэм относился к собственной правоте примерно так же, как большинство людей относилось к гравитации: он признавал теоретическую возможность исключений, однако не видел ни одной разумной причины ожидать их в повседневной жизни. Высокий, широкоплечий, со светлыми волосами тёплого пшеничного оттенка и той редкой разновидностью мужской красоты, которая без потерь переживала ранние перелёты, плохое освещение и случайные фотографии, Кэм выглядел слишком хорошо для человека, которому это доставляло настолько нескрываемое удовольствие.

Он любил безупречно сшитые костюмы, дорогие часы и собственное отражение ровно настолько, чтобы никогда не унижаться до ложной скромности. Если кто-нибудь называл его самовлюблённым, Кэм обычно не спорил, а лишь уточнял формулировку, потому что сам предпочитал считать себя объективным. Впрочем, внешность была далеко не самым раздражающим его качеством. Гораздо хуже оказалось то, что он действительно был чертовски хорош в своей работе. Кэм верил: потребителя можно сколько угодно очаровывать красивой историей, но в конце месяца кто-нибудь всё равно откроет таблицу и спросит, сколько единиц товара было продано.

Именно на этом они с Джулс впервые и столкнулись.

Это случилось не в баре и не на вечеринке, не под дождём и не при других обстоятельствах, которые годы спустя можно было бы романтически переосмыслить как судьбу. Их война началась на отраслевой конференции в Чикаго, перед четырьмя сотнями человек и экраном размером с небольшую квартиру. Джулс тогда было двадцать семь, Кэму — тридцать. Они знали имена друг друга, знали компании, которые представляли, и до той минуты не испытывали друг к другу практически никаких чувств. Затем ведущий панели совершил ошибку, спросив, что важнее для запуска нового косметического продукта: эмоциональная ценность бренда или точность рыночного прогнозирования.

Джулс ответила первой. Она говорила о том, что рынок красоты перенасыщен продуктами с почти одинаковыми функциями, поэтому человек выбирает не формулу, а историю, к которой хочет принадлежать. Сначала её голос звучал спокойно, но уже через минуту она увлеклась, постепенно забыла о микрофоне и стала всё активнее помогать себе руками. Кэм сидел на соседнем кресле. Поначалу он просто слушал, однако вскоре на его губах появилась улыбка — спокойная, ленивая и совершенно неуместная. Джулс заметила её примерно на третьей минуте и совершила свою первую ошибку.

— Судя по вашему лицу, мистер Хейз, вы уже подготовили возражение, — произнесла она, повернувшись к нему. — Возможно, поделитесь им с залом, чтобы мне не приходилось заканчивать выступление под аккомпанемент вашей загадочной улыбки?

Кэм немного развернулся в её сторону. Он сидел расслабленно, положив одну руку на колено, и совершенно не походил на человека, которого только что публично вызвали на спор. Напротив, он выглядел так, словно конференция наконец начала оправдывать стоимость перелёта.

— Пока я всего лишь слушаю, мисс Моретти, — ответил он с невозмутимой вежливостью. — Мне стало интересно, чем закончится эта история, и я бы не хотел мешать кульминации.

По залу прокатился смех, а Джулс слегка прищурилась, уже понимая, что этот мужчина ей не нравится.

— Это не история, мистер Хейз. Это стратегия бренда, хотя я допускаю, что в AURELLE эти понятия давно перестали различать.

— В таком случае у меня действительно появились вопросы, и теперь их даже больше, чем минуту назад.

— Разумеется, появились. Было бы странно ожидать от вас молчания после такого выразительного вступления.

Кэм взял микрофон и прежде, чем заговорить, посмотрел на неё с тем спокойным вниманием, которое раздражало сильнее открытого высокомерия. — Всё сказанное вами звучит красиво, Моретти, и я говорю это совершенно серьёзно. Если бы мы обсуждали, почему человек влюбляется в бренд, я, возможно, даже не стал бы спорить. Проблема начинается в тот момент, когда за эту любовь приходится платить компании. Эмоциональная связь великолепна, пока она приводит к покупке, но если этого не происходит, вы всего лишь построили очень дорогие отношения с человеком, который после всей вашей музыки, истории и тщательно подобранного освещения уходит домой с продуктом конкурента.

Джулс медленно повернулась к нему всем корпусом, забыв и о ведущем, и о четырёх сотнях наблюдавших за ними людей.

— Вы правда считаете, что лояльность можно построить исключительно на конверсии? Потому что тогда мы с вами, мистер Хейз, по всей видимости, говорим не только на разных языках, но и о совершенно разных людях.

— Нет, я считаю, что бизнес желательно строить на выручке, — ответил Кэм, и когда зал снова рассмеялся, его улыбка стала чуть шире. — Лояльность тоже приветствуется, особенно если она не существует исключительно в презентации маркетингового отдела.

Джулс улыбнулась ему в ответ той безупречно любезной улыбкой, которой итальянские женщины, вероятно, награждали мужчин за несколько секунд до объявления кровной вражды.

— *Che sorpresa*. Мужчина из AURELLE пришёл на панель о брендинге, чтобы сообщить всем присутствующим, что компании нужны деньги. Надеюсь, организаторы предусмотрели отдельное выступление, на котором вы объясните нам, что вода мокрая.

— Рад быть полезным. Если останется время, могу также рассказать о гравитации, хотя вижу, что с очевидными вещами вы предпочитаете спорить самостоятельно.

— Тогда позвольте и мне оказать вам небольшую услугу. Люди возвращаются не потому, что ваша таблица правильно предсказала их поведение, а потому, что однажды продукт стал частью того, как они видят себя. Цифры могут показать вам покупку, но не всегда способны объяснить, почему человек её совершил.

Кэм чуть наклонил голову, и на несколько мгновений в его взгляде появилось нечто похожее на искренний интерес.

— А вот это уже действительно хороший аргумент.

Джулс моргнула, не ожидав от него даже такого скромного подобия согласия, но быстро взяла себя в руки.

— Я знаю, мистер Хейз. Именно поэтому мне позволили сидеть на этой сцене и говорить в микрофон.

— Отлично. А я уже начал опасаться, что мне придётся сообщить вам об этом самому.

Зал снова рассмеялся, а Джулс посмотрела на Кэмерона Хейза и впервые совершенно ясно подумала, что он невыносимый человек. Кэм, судя по выражению его лица, примерно в тот же момент решил, что Джулия Моретти станет чрезвычайно интересным человеком для победы.

После конференции запись их панели разошлась по профессиональным изданиям, а организаторы отраслевых мероприятий быстро поняли одну простую вещь: если посадить Моретти и Хейза рядом и задать достаточно спорный вопрос, модератор практически больше не нужен. Их начали приглашать вместе, и они спорили о персонализации, инфлюенсерах, скидках, упаковке, исследованиях, luxury-сегменте и эмоциональном брендинге. Однажды они потратили двенадцать минут на обсуждение того, может ли намеренно неудобный флакон духов считаться хорошим дизайном. Джулс утверждала, что может, если он настолько красив, что человеку захочется оставить его на туалетном столике даже после того, как духи закончатся. Кэм поинтересовался, продаёт ли она парфюм или вазу, а затем заметил, что компании было бы выгоднее сразу выпустить цветы и избавить покупателя от промежуточного этапа. Она назвала его варваром, неспособным оценить красоту, если к ней не прилагается квартальный отчёт. Он поблагодарил её за неожиданно поэтичный комплимент. Их противостояние постепенно превратилось в часть индустрии, почти в традицию, которую публика ждала на каждой новой конференции. Но настоящая война началась позже, из-за Harrington.

Контракт с Harrington Beauty Group должен был стать одним из крупнейших партнёрств VELA за последние несколько лет, и за четыре месяца работы Джулс успела изучить будущих партнёров с той пугающей обстоятельностью, с какой некоторые люди изучали собственных супругов перед разводом. Она знала их аудиторию, основные рынки, слабые места и планы международного расширения. Помнила результаты последних рекламных кампаний, могла без подготовки назвать процент повторных покупок в каждой возрастной группе и даже выяснила, какую именно формулировку финансовый директор Harrington терпеть не мог видеть в презентациях. Последнее казалось несущественной деталью лишь тем, кто никогда не пытался полу-

чить одобрение человека, способного отклонить многомиллионное предложение из-за словосочетания «неограниченный потенциал».

В пятницу утром команда VELA закончила финальный вариант презентации, а к вечеру Джулс позволила себе открыть бутылку просекко, которая несколько недель ждала своего часа в дверце холодильника. Это ещё не было празднованием победы — во всяком случае, именно так она объяснила себе, наливая второй бокал, — но всё в последней встрече указывало на то, что контракт практически принадлежал им.

В понедельник ровно в девять семнадцать Генри попросил её зайти к нему. Уже по выражению его лица Джулс поняла, что просекко следовало оставить в холодильнике. Генри дождался, пока за ней закроется дверь, снял очки и положил их поверх лежавших на столе бумаг. Этот жест она знала слишком хорошо: так он поступал, когда собирался сообщить что-нибудь неприятное и заранее готовился выдержать её реакцию.

— Сегодня утром Harrington прислали окончательное решение, — произнёс он, и одной этой осторожной фразы оказалось достаточно, чтобы всё внутри Джулс неприятно сжалось. — Они выбрали предложение AURELLE. Несколько секунд она молча смотрела на Генри, будто разум ещё мог обнаружить в его словах ошибку, неправильное ударение или хотя бы лазейку, позволявшую истолковать услышанное иначе. Затем медленно опустилась в кресло напротив его стола.

— Нет, — наконец произнесла она с такой уверенностью, словно отклоняла не решение совета Harrington, а неудачный вариант рекламного слогана.

Генри вздохнул и потёр переносицу.

— Джулия, я понимаю, что ты расстроена, но решение уже принято.

— Я услышала слова, Генри, и даже поняла, в каком порядке ты их произнёс. Проблема в том, что я категорически не согласна с реальностью, в которой Harrington добровольно выбрали AURELLE.

— Боюсь, реальность крайне редко интересуется нашим согласием, иначе мировая история выглядела бы значительно приятнее.

— Но мы были впереди, — возразила Джулс, подавшись к нему через стол. — После последней встречи они сами сказали, что наша концепция сильнее и что именно такой эмоциональной перестройки не хватает их бренду. Это не моя интерпретация и не приступ профессионального оптимизма, Генри. Я слышала их совершенно отчётливо.

— Я тоже их слышал, потому что, как ты, возможно, помнишь, сидел за тем же столом.

Её руки взлетели вверх прежде, чем она успела остановиться.

— Тогда объясни мне, как, во имя всего святого, они умудрились выбрать компанию, которая считает человеческие эмоции досадной погрешностью в отчёте о продажах?

Генри, как обычно, позволил ей договорить. За годы совместной работы он понял, что перебивать Джулс в подобном состоянии было всё равно что пытаться остановить итальянский экспресс, встав на рельсы и вежливо подняв ладонь. — Хейз изменил предложение в последние сорок восемь часов, — сообщил он, когда она наконец замолчала. — AURELLE снизили риски первого этапа, привязали часть условий к конкретным результатам и предложили Harrington модель, которую их совет директоров счёл более безопасной. Наша концепция им действительно понравилась больше, но в конечном счёте они выбрали предсказуемость.

Джулс неподвижно смотрела на него, пока отдельные части услышанного складывались в особенно неприятную картину. — Значит, Хейз, — медленно произнесла она.

Это прозвучало уже не как фамилия, а как диагноз, причём хронический и, вероятнее всего, неизлечимый. В уголках губ Генри появилось едва заметное движение, которое при других обстоятельствах можно было бы принять за улыбку.

— Да, Джулия. Именно Хейз.

— Я его ненавижу, — заявила она со спокойствием человека, который только что пришёл к окончательному и хорошо обоснованному выводу.

— Нет, ты злишься, потому что он сумел тебя обойти.

— Генри, пожалуйста, не пытайся объяснить мне мои собственные чувства. Я итальянка, и это практически единственная область, в которой считаю себя безусловным экспертом. К тому же обычная злость прошла бы после хорошего обеда, а то, что я испытываю к Кэмерону Хейзу, слишком устойчиво, чтобы зависеть от уровня сахара в крови.

— Тогда объясни, почему это поражение задело тебя сильнее предыдущих. Джулс резко поднялась с кресла и начала ходить перед его столом, потому что сидеть неподвижно, пока где-то в Манхэттене Кэм Хейз наслаждался собственной победой, казалось ей физически невозможным.

— Потому что он сейчас будет этим наслаждаться, — сказала она, поворачиваясь к Генри. — Я знаю его лицо, когда он выигрывает. Ты ведь тоже его видел? У него появляется совершенно особенное выражение человека, который только что получил официальное письменное подтверждение собственной исключительности. *Madonna santa*, он не просто обрадуется контракту. Он будет счастлив именно потому, что контракт должен был достаться нам, а теперь сможет до конца года рассказывать всем, как спас Harrington от опасного влияния человеческих эмоций и красивых презентаций. Генри некоторое время наблюдал за ней, сцепив руки перед собой, а затем заговорил тем спокойным тоном, который обычно означал, что сейчас последует одна из его наставнических речей.

— В таком случае постарайся запомнить это чувство как можно лучше.

Джулс остановилась и недоверчиво посмотрела на него.

— Зачем мне его запоминать? Я надеялась избавиться от него примерно к обеду, а после бокала вина окончательно забыть, что Harrington когда-либо существовали.

— Потому что сегодня ты проиграла действительно хорошему сопернику, а подобные поражения приносят гораздо больше пользы, чем постоянные победы над людьми, которые изначально тебе не ровня. Хейз увидел слабое место нашего предложения и воспользовался им раньше, чем мы успели что-либо изменить. Ты можешь ненавидеть его за это сколько угодно, но сначала пойми, что именно он сделал лучше.

Джулс посмотрела на него с искренним возмущением.

— Иногда твои наставнические речи приходятся настолько чудовищно не вовремя, что я начинаю подозревать в этом особый талант.

— Именно поэтому ты их запоминаешь, — невозмутимо ответил Генри. Он, разумеется, оказался прав и это раздражало почти так же сильно, как Кэмерон Хейз.

К одиннадцати часам Джулс вернулась в отдел, и никто не стал спрашивать, чем завершилось заседание совета Harrington. По её лицу всё было понятно без дополнительных пояснений. Томас молча протянул ей кофе, предусмотрительно заказанный в том самом месте, где не путали миндальное молоко с овсяным. Мия закрыла таблицу, с которой работала, а Лео посмотрел на Джулс с таким потрясением, словно лично потерял несколько миллионов долларов и теперь пытался понять, продадут ли за это его имущество.

Джулс поставила чашку на стол и обвела взглядом команду.

— Сегодня утром Harrington сообщили, что отдают контракт AURELLE, поэтому можете перестать смотреть на меня так, словно кто-то умер. Никто не умер, хотя я пока не исключаю, что к концу дня у меня появятся новые планы. — Они объяснили своё решение? — спросила Мия, первой оправившись от новости.

— Их совет выбрал более безопасную финансовую модель, потому что AURELLE в последний момент снизили риски первого этапа и привязали часть условий к результатам. Наша концепция им понравилась больше, но, как выяснилось, недостаточно, чтобы ради неё проявить хотя бы минимальную храбрость.

Нора осторожно повернула к Джулс ноутбук.

— Изменения в предложении AURELLE делал Кэмерон Хейз?

Джулс медленно посмотрела на неё.

— Нора, если ты сейчас произнесёшь его фамилию ещё раз, я не смогу отвечать за последствия, а у нас и без того слишком напряжённые отношения с юридическим отделом.

— Я всё поняла и больше не стану задавать вопросов, содержащих букву «х». По столу прошёл тихий смешок, но Джулс не позволила ему превратиться в сочувствие. Она выпрямилась, взяла чашку и заставила себя говорить спокойно, хотя где-то внутри всё ещё хотелось разбить что-нибудь дорогое и желательно принадлежавшее AURELLE.

— Мы четыре месяца работали над этим проектом, и я не позволю никому из нас сделать вид, будто всё это время было потрачено зря. Сегодня мы подробно разберём их предложение, найдём каждое место, где они оказались сильнее, и сделаем так, чтобы в следующий раз у них не осталось подобной возможности. Можете пять минут позлиться, а если Томас сумеет найти что-нибудь крепче кофе, я готова великодушно увеличить этот срок до десяти, но после этого мне понадобятся цифры, честные выводы и новая стратегия.

Томас задумчиво приподнял брови.

— У меня в нижнем ящике лежит бутылка виски, которую подарил клиент после рождественской кампании. Если твоё предложение всё ещё действительно, я готов проявить командный дух. Джулс посмотрела на часы, а потом снова на него.

— Сейчас одиннадцать утра, Томас. Мне казалось, даже в нашем отделе существуют определённые границы.

— Ты сама обозначила критерий, но ничего не сказала о допустимом времени, поэтому с формальной точки зрения моё предложение полностью соответствует поставленной задаче. Впервые за всё утро Джулс улыбнулась.

— Ладно, оставь его до вечера. Если день продолжит развиваться в том же направлении, к шести часам мы сочтём эту бутылку частью антикризисной стратегии.

И именно в этот момент двери отдела раздвинулись, пропуская курьера с тележкой, на которой стоял большой деревянный ящик шампанского. Причём не просто шампанского, а очень дорогого шампанского — Джулс узнала марку с расстояния в несколько метров и немедленно почувствовала приближение беды. Разговоры вокруг стихли, а курьер, сверившись с накладной, оглядел собравшихся.

— Мне нужна Джулия Моретти. Здесь сказано, что доставка предназначена лично для неё.

У Джулс возникло настолько отчётливое дурное предчувствие, что на мгновение ей захотелось заявить, будто женщина с таким именем уволилась ещё в пятницу и переехала в Европу.

— Это я, — всё же ответила она. — Скажите, пожалуйста, кто решил, что мне необходимо столько шампанского в одиннадцать часов утра?

— Отправитель указан на карточке, — сообщил курьер, указывая на плотный белый конверт, прикреплённый к ящику.

Мия заметила его первой, следом посмотрели Томас и Нора, а Лео даже немного вытянул шею, забыв о необходимости изображать профессиональную сдержанность. Джулс медленно приблизилась к ящику, сняла конверт и вынула карточку. На ней аккуратным шрифтом были напечатаны всего две строки: *«За достойную борьбу. Ничего личного. К. Хейз.»*

В кабинете воцарилась такая тишина, что стало слышно, как за стеклянными перегородками кто-то несколько раз нажал на кнопку кофейного автомата.

Томас первым решился нарушить молчание.

— Пожалуй, я всё-таки принесу виски, потому что эта ситуация явно переросла возможности кофе.

— Нет, — отозвалась Джулс, не отрывая взгляда от карточки.

Она прочитала послание ещё раз, словно за прошедшие несколько секунд слова могли измениться, а затем повторила это в третий раз, уже не из недоверия, а для того, чтобы как следует запомнить формулировку. — Нет, виски нам больше не понадобится, — произнесла она наконец с пугающим спокойствием.

Мия насторожилась. За годы работы с Джулс она успела понять, что громкий итальянский обычно был гораздо безопаснее тихого.

— Почему мне кажется, что это спокойствие не означает ничего хорошего? Джулс аккуратно положила карточку на стол и разгладила её ладонью. — Потому что теперь мне нужен список всех проектов, в которых VELA пересекается с AURELLE в ближайшие шесть месяцев. Тендеры, рекламные площадки, новые рынки, совместные мероприятия и любые переговоры, где обе компании хотя бы теоретически могут оказаться в одной комнате.

Нора уже открывала ноутбук.

— Таких проектов довольно много. Если брать даже предварительные переговоры, список получится внушительным.

— Прекрасно. Я всегда считала, что разнообразие делает жизнь интереснее.

— Джулс, — осторожно начала Мия, — прежде чем мы превратим квартальный план в военную карту, возможно, стоит немного успокоиться и вспомнить, что это всего лишь один проигранный контракт.

Джулс повернулась к команде, и на её лице появилась та самая улыбка, после которой сотрудники VELA обычно либо получали повышение, либо лишались выходных.

— Кэмерон Хейз хочет соревнования? *Benissimo*. Я слишком хорошо воспитана, чтобы разочаровывать человека, который потратил столько денег на шампанское. Поэтому мы дадим ему именно то, о чём он попросил, и сделаем это так убедительно, что в следующий раз он дважды подумает, прежде чем присылать мне поздравительные открытки.

В это же время, в двадцати минутах езды от офиса VELA, Кэмерон Хейз стоял у окна переговорной AURELLE и слушал, как финансовый директор обсуждает следующие этапы работы с Harrington. За стеклом медленно двигался Манхэттен: жёлтые такси ползли между перекрёстками, люди спешили по тротуарам, а сентябрьское солнце отражалось от окон соседних башен. Кэм вполуха следил за разговором, просматривая лежавший перед ним план интеграции, когда телефон в кармане коротко завибрировал. Сообщение пришло от его ассистента: *«Шампанское доставлено»*.

Кэм посмотрел на экран, представил, как Джулия Моретти открывает конверт посреди своего отдела, и не смог сдержать довольной улыбки. Джек Уоррен, сидевший по соседству, заметил её почти сразу. Он отложил ручку и несколько секунд изучал друга с выражением человека, который заранее не одобрял всё, что сейчас услышит.

— Что именно ты сделал, Хейз? И не отвечай, что ничего, потому что у тебя появляется такое лицо исключительно после особенно прибыльной сделки или поступка, совершённого ради собственного удовольствия.

Кэм погасил экран и спокойно убрал телефон в карман.

— Я действительно не сделал ничего заслуживающего подобного допроса. Всего лишь отправил Моретти небольшой подарок в знак признания достойного соперника.

— Насколько небольшим был этот подарок и почему мне уже кажется, что в отделе кадров не оценят твоё представление о профессиональной этике? — Ящик шампанского. Хорошего, разумеется. Проигрыш и без дешёвого алкоголя достаточно неприятен.

Джек некоторое время молча смотрел на него, ожидая, что Кэм засмеётся и признается в шутке. Когда этого не произошло, он медленно откинулся на спинку кресла.

— Позволь убедиться, что я всё правильно понял. Ты отправил шампанское женщине, у которой меньше трёх часов назад увёл контракт стоимостью в несколько миллионов долларов?

— Формулировка «увёл контракт» звучит так, будто он когда-либо принадлежал ей. Мы оба сделали предложение, Harrington выбрали лучшее, и теперь Моретти получила прекрасный повод выпить за ценный профессиональный опыт.

— Это либо самый странный флирт, который я видел в своей жизни, либо совершенно недвусмысленное объявление войны.

Кэм рассмеялся, искренне развеселившись предположению.

— Поверь мне, с Моретти это совершенно точно не флирт. Для флирта обычно требуется хотя бы минимальное желание понравиться другому человеку, а мы оба давно оставили эти попытки.

— Тогда зачем ты это сделал? Победа уже принадлежит тебе, контракт подписан, совет доволен, а финансовый директор впервые за полгода выглядит почти счастливым. Любой разумный человек на твоём месте просто наслаждался бы результатом.

Кэм неторопливо поправил манжету и взял со стола папку Harrington. — Хороший соперник заслуживает знать, когда проиграл. К тому же Моретти наверняка собиралась потратить весь день на поиски дипломатичной формулировки, объясняющей, почему это поражение на самом деле является скрытой победой VELA. Я решил сэкономить ей время.

Джек покачал головой, однако в его глазах уже появилось невольное веселье.

— Ты отвратительный победитель, Кэм. В твоём присутствии человеку хочется потребовать матч-реванш, даже если он понятия не имеет, во что вы играли.

— Зато я последователен, а последовательность, как тебе известно, вызывает у рынка доверие. — Что ты написал на карточке?

Кэм направился к двери, давая понять, что разговор для него окончен, но Джек не собирался отпускать его так легко.

— Хейз, я всё равно узнаю, поэтому можешь хотя бы один раз в жизни избавить меня от необходимости проводить расследование.

Кэм остановился, оглянулся через плечо и позволил появиться на лице той самой самодовольной улыбке, которую Джулс в другом конце Манхэттена в эту минуту описывала гораздо менее приличными словами.

— Ничего особенного. Я всего лишь напомнил ей, что это — ничего личного. Для Кэма эти слова были шуткой. Для Джулс — оскорблением. Для их коллег они стали началом одного из самых занимательных профессиональных противостояний нью-йоркской индустрии красоты.

В последующие годы эти два слова появлялись после проигранных тендеров, перехваченных рекламных площадок, громких запусков и особенно болезненных квартальных отчётов. Иногда их произносил Кэм, иногда Джулс, однако всякий раз они означали приблизительно одно и то же: сегодня победа досталась мне, поражение — тебе, и я искренне надеюсь, что ты сумеешь пережить это с остатками достоинства. Тогда ни один из них ещё не подозревал, насколько неудачное название они выбрали для собственной войны. Потому что однажды Джулия Моретти и Кэмерон Хейз обнаружат, что между ними уже давно не осталось ничего, что можно было бы назвать всего лишь бизнесом, однако до этого дня им предстояло провести несколько лет, с огромным удовольствием разрушая планы, перехватывая контракты и портя

друг другу настроение. А началось всё с ящика дорогого шампанского и двух слов, которым со временем предстояло утратить свой первоначальный смысл: «Ничего личного».

Примечание к главе

Их первое настоящее столкновение — отраслевой форум, четыре сотни зрителей и один вопрос о том, что важнее: чувства или цифры. Джулс ещё не знает, что спокойная улыбка Кэмерона Хейза будет раздражать её следующие годы, а Кэм — что эмоциональная итальянка напротив станет его любимым соперником.

Визуализация «С чего началась война»: ссылка на Pinterest

Глава 1. Предрешено

Саундтрек главы:
Love Lost — The Temper Trap

В то сентябрьское утро Нью-Йорк проснулся раньше будильников. Солнце поднялось над Ист-Ривер большим золотистым пятном, скользнуло по стеклянным башням Мидтауна и добралось до жилых улиц, где пожарные лестницы отбрасывали на кирпичные стены тонкие полосатые тени. Было непривычно тепло даже для начала осени: деревья уже тронула первая желтизна, витрины приготовились продавать пальто и кашемировые шарфы, однако горожане всё ещё выходили из домов в лёгких платьях, рубашках с закатанными рукавами и солнечных очках, не желая признавать, что лето вообще способно закончиться.

На углу пожилой флорист выставлял на тротуар вёдра с астрами и поздними пионами. Через дорогу женщина пыталась одновременно застегнуть куртку на сонном мальчике, удержать бумажный стаканчик и объяснить таксисту, что школьный рюкзак не считается отдельным пассажиром. Из открытого окна второго этажа доносился семейный спор о пропавшем пенале, возле кофейни уже собралась очередь, а мужчина в сером костюме бежал за автобусом, размахивая портфелем с таким отчаянием, словно внутри лежало не начало рабочего дня, а вся его дальнейшая судьба.

Город был шумным, тёплым и немного растрёпанным. В нём хлопали двери, звенели велосипедные звонки, шипели кофемашины, спорили водители и смеялись люди, которым ещё не сообщили, что через несколько часов этот день станет для них важным. Над всем этим из радиоприёмника цветочного киоска звучала *Love Lost*, и бодрая мелодия делала даже утреннюю пробку похожей на начало истории, в которой всё непременно закончится хорошо.

На восемнадцатом этаже дома на Верхнем Ист-Сайде песня играла и в квартире Джулии Моретти. Музыку включил запрограммированный проигрыватель ровно в шесть тридцать, за несколько секунд до того, как поднялись светлые шторы. Солнечный свет медленно прошёл по кремовому ковру, скользнул по идеально чистому стеклянному столу и остановился на диване, где не осталось ни вмятины, ни забытой книги, ни пледа, который мог бы напомнить, что накануне вечером здесь кто-то сидел. Джулс появилась из спальни уже одетой, с телефоном у уха и золотой серьгой в руке. Она пересекла гостиную быстрым уверенным шагом, одновременно выслушивая голосовое сообщение Мии, просматривая ночные цифры предварительных заказов и пытаясь застегнуть серьгу, не выпуская из пальцев стакан с кофе. У большого зеркала в прихожей она задержалась лишь затем, чтобы поправить ворот шёлковой блузки и убедиться, что винная помада переживёт хотя бы дорогу до офиса. Она остановилась ровно на две секунды, поправила ворот свободной шёлковой блузки и прищурилась, заметив едва различимую складку на тёмных брюках.

— Если ты собираешься испортить мне жизнь, — предупредила Джулс собственное отражение, разглаживая ткань ладонью, — выбери хотя бы день, в который у меня нет четырёхсот гостей и международной трансляции.

Телефон завибрировал новым сообщением.

Мама: Ты поела?

Следом пришло второе.

Мама: Кофе не считается.

И почти сразу третье.

Сестра: Не отвечай. Она почувствует слабость.

Джулс улыбнулась, открыла холодильник и несколько секунд смотрела на минеральную воду, лимон и одинокую коробку клубники, словно надеялась, что полноценный завтрак появится там под давлением её авторитета. Потом достала ягоду, отправила семье фотографию в качестве документального подтверждения приёма пищи и закрыла дверцу. Мать ответила изображением святого, сестра — смеющимся смайликом.

Через пять минут Джулс уже выходила из дома. Швейцар пожелал удачи с презентацией, продавец кофе через дорогу поднял для неё заранее приготовленный стакан, а у тротуара распахнулась дверца жёлтого такси. Всё утро двигалось с той редкой, почти подозрительной точностью, которая обычно убеждала человека, что мир наконец решил сотрудничать. Пока машина ехала по залитым солнцем улицам, радио сообщало о погоде, пробках на мостах и бейсбольном матче, который половина города собиралась посмотреть, а вторая половина — использовать как оправдание для раннего ухода с работы. *— Доброе утро, Нью-Йорк! На календаре пятница, двенадцатое сентября, а за окном двадцать восемь градусов — потому что осень, очевидно, решила взять ещё одну неделю отпуска. К полудню город прогреется почти до тридцати, дождя не ожидается, зато ожидаются туристы и люди, которые уверены, что могут остановиться посреди тротуара без последствий. А теперь гороскоп для тех, кому проще доверить будущее звёздам, чем собственной переписке. Овны, постарайтесь хотя бы до обеда не превращать чужой важный день в соревнование. Вы всё равно это сделаете, но небеса ценят попытки… […] Рыбы, сегодня вам представится возможность доказать, что вы готовы к следующему большому шагу. Не сомневайтесь: окружающие давно видят в вас того человека, которым вы только собираетесь стать.*

Джулс попросила прибавить громкость именно на прогнозе для Рыб, хотя никогда не призналась бы в этом ни одному человеку, способному использовать информацию против неё. За окном мелькали цветочные лотки, собачники, школьные автобусы и женщины с кофе, которые поправляли помаду в отражениях витрин. Нью-Йорк выглядел так, будто его специально подготовили для начала новой жизни: вымыли окна, включили правильный свет и оставили в воздухе достаточно летнего тепла, чтобы никто не задумался, как быстро способна измениться погода.

Когда такси остановилось перед стеклянной башней VELA, Джулс расплатилась, вышла на тротуар и на секунду подняла лицо к солнцу. Где-то высоко, за сияющими окнами тридцать второго этажа, её уже ждали кампания No. 9, команда, важнейший запуск сезона и кабинет, который в понедельник почти наверняка станет её.

За девять лет работы в VELA Джулия Моретти усвоила три вещи.

Первая: если знаменитость говорила, что абсолютно влюблена в продукт, это ещё ничего не значило. Настоящая любовь начиналась там, где её агент переставал просить дополнительный процент за публикацию в социальных сетях.

Вторая: письмо из юридического отдела, начинавшееся словами «небольшое уточнение», никогда не содержало ничего небольшого и почти наверняка означало, что пятнадцать человек зря потратили предыдущие три недели.

И третья, самая важная: никогда не верить человеку, который за несколько часов до большого запуска говорил, что всё идёт по плану.

— Всё идёт по плану, — сказал Лео.

Джулс остановилась посреди маркетингового этажа VELA. За панорамными окнами тот же город, который двадцать минут назад казался ей началом прекрасной истории, теперь сверкал с безмятежностью человека, ещё не подозревавшего, что внутри стеклянной башни кто-то только что произнёс самые опасные слова в корпоративном языке. Внутри VELA было не намного спокойнее. На стенах висели увеличенные кадры кампании No. 9: Эвелин Роуз в чёрном платье стояла перед зеркалом, но смотрела не на собственное отражение, а прямо в объектив. На длинных белых столах лежали образцы флаконов, карточки с финальными формулировками, распечатанные тайминги вечера и коробки, которые кто-то должен был забрать час назад. Телефоны звонили. Принтер работал без остановки. Два стажёра тащили через этаж огромную композицию из белых цветов, явно не представляя, куда именно её нести.

Посреди всего этого стояла Джулия Моретти. Она проводила стажёров взглядом, медленно положила руку на бедро, и уже по этому движению ближайшие сотрудники поняли, что чей-то тщательно составленный план сейчас будет разобран на части. Вторая рука медленно поднялась.

— Лео, ты работаешь в моей команде несколько лет, и мне хватило времени, чтобы выяснить две вещи: ты записываешь почти каждое моё слово и начинаешь говорить вот этим спокойным голосом перед катастрофой. Сейчас твой блокнот закрыт, а голос звучит так, будто ты собираешься объяснить мне правила эвакуации, поэтому давай ещё раз, но без формулировки, после которой обычно покидают здание.

Лео Мартинес крепче сжал телефон, словно надеялся, что это поможет удержать ситуацию под контролем. Блокнот, с которым он прежде не расставался ни на одном совещании и куда заносил всё — от срочных распоряжений до случайно обронённых Джулс идей, — лежал закрытым на ближайшем столе. Одно это выглядело убедительнее любого признания и заставляло насторожиться сильнее, чем выражение его лица.

— Каким ещё голосом? — спросил он, хотя по тому, как осторожно прозвучал вопрос, было ясно: ответ ему уже известен.

— Тем самым, которым ты разговариваешь со мной всякий раз, когда собираешься сообщить о надвигающейся катастрофе, — пояснила Джулс, медленно прищурившись.

— У меня нет какого-то специального голоса для катастроф, — возразил Лео с оскорблённым достоинством человека, которого только что обвинили в профессиональной предсказуемости.

Сидевшая за соседним столом Мия Чен подняла голову от монитора и, не прекращая печатать, совершенно невозмутимо заметила:

— Есть. Причём весьма узнаваемый.

Лео обернулся к ней так резко, будто предательства со стороны Джулс ещё можно было ожидать, а от Мии — решительно нет.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Перед плохими новостями ты начинаешь говорить медленнее, понижаешь голос и перестаёшь что-либо записывать. Последнее особенно тревожно, потому что обычно ты записываешь даже просьбы не записывать. — Я всего лишь положил блокнот на стол, — попытался оправдаться Лео, но прозвучало это не слишком убедительно.

Мия на мгновение оторвала взгляд от экрана и посмотрела сначала на него, а затем на одиноко лежавший блокнот.

— Твой стол находится здесь, а блокнот — в трёх метрах от тебя. В твоём случае это уже почти официальный сигнал бедствия.

Лео проследил за её взглядом и несколько секунд рассматривал блокнот так, словно только сейчас заметил эту неопровержимую улику. После этого он устало выдохнул, провёл ладонью по подбородку и наконец перестал притворяться.

— Хорошо, признаю: возможно, у нас действительно возникла проблема. Джулс подняла обе ладони, призывая прекратить обсуждение особенностей его поведения. Внутри уже неприятно сжималось предчувствие, но голос оставался твёрдым.

— Basta, Лео. Просто скажи, что случилось.

Он молча протянул ей телефон. С его лица исчезла даже та напряжённая улыбка, которой он обычно пытался смягчать плохие новости, и этого оказалось достаточно, чтобы остатки шутливого настроения рассеялись по всему отделу. — Дело в Эвелин. Около двадцати минут назад несколько аккаунтов опубликовали личные фотографии Эвелин. Для актрисы, за каждым появлением которой следили миллионы людей, утечка уже через несколько минут превратилась в международную новость.

Джулс не сразу протянула руку за телефоном. Пальцы замерли в нескольких сантиметрах от экрана, словно она всё ещё могла отказаться увидеть то, что уже произошло.

— Что именно ты имеешь в виду под личными фотографиями?

Лео посмотрел на неё без привычной деликатности — слишком усталый и встревоженный, чтобы подбирать слова. В этом взгляде и содержался ответ. — Нет, — выдохнула Джулс, почувствовав, как внутри поднимается холодная, почти ослепляющая ярость.

— К сожалению, да.

Телефон всё-таки оказался у неё в руке. Сначала Джулс увидела заголовок — нарочито громкий, дешёвый и составленный так, будто чужое унижение было всего лишь удачно подвернувшейся сенсацией. Потом взгляд опустился ниже, к фотографии. Эвелин стояла спиной к зеркалу, совершенно обнажённая. Кадр явно не предназначался ни для рекламной кампании, ни для журнала, ни вообще для чьих-либо глаз, кроме тех, кому она сама могла захотеть его показать. Домашний свет, неидеальный ракурс, телефон в руке, беспорядок на краю кадра — всё в этой фотографии принадлежало частной жизни. Именно её интимная обыкновенность делала публикацию особенно мерзкой: кто-то превратил момент доверия в зрелище и теперь позволял тысячам незнакомых людей рассматривать его, обсуждать и оценивать. Под снимком стремительно рос счётчик комментариев. Новые сообщения появлялись быстрее, чем Джулс успевала различать отдельные слова, но ей хватило нескольких, чтобы желудок болезненно сжался.

Она больше не стала листать и с такой силой заблокировала экран, будто могла одним нажатием заставить фотографию исчезнуть из интернета. — Figlio di puttana, — процедила она, и в тихо произнесённом ругательстве прозвучало больше ярости, чем в крике.

Нора Ким развернулась к ним от второго монитора. На одном экране у неё уже был открыт список публикаций, на другом непрерывно обновлялась лента упоминаний.

— Пока основная версия — бывший муж, хотя юристы ещё не подтвердили источник утечки. Я отслеживаю самые ранние публикации, фиксирую ссылки и собираю список аккаунтов для блокировки и последующих требований об удалении.

Джулс вернула телефон Лео, словно ей физически неприятно было держать в руках предмет, на котором оставался этот снимок.

— Где сейчас Эвелин?

— У себя дома. Рядом с ней агент, адвокат, стилист и ассистентка. Я уже говорил с Дэниелом, и он предлагает отменить её сегодняшнее появление, а затем выпустить заявление о вторжении в частную жизнь.

Джулс несколько секунд смотрела на него, ожидая продолжения, однако его не последовало.

— А чего хочет сама Эвелин?

Лео замолчал. Его взгляд скользнул к лежавшему в стороне блокноту, затем снова вернулся к Джулс.

— Насколько я понимаю, об этом у неё пока никто не спросил. Последние слова ещё не успели раствориться в воздухе, а Джулс уже потянулась за сумкой, висевшей на спинке кресла.

— Тогда именно с этого мы и начнём.

— Джулс, до выхода на дорожку осталось восемь часов, — напомнил Лео, хотя прекрасно понимал, что остановить её этим не получится.

— Я умею считать и даже способна делать это в состоянии ярости, — отрезала она, забрасывая ремень сумки на плечо.

— Нам всё равно нужно решить, что в этой ситуации делает VELA.

Джулс резко повернулась, и одного её взгляда оказалось достаточно, чтобы Лео остановился посреди следующей фразы. Вокруг стало заметно тише:

сотрудники продолжали сидеть за компьютерами, однако теперь уже никто не притворялся, будто не слушает.

— Прямо сейчас VELA не делает из случившегося ничего, — произнесла Джулс отчётливо, сдерживая желание повысить голос. — Мы не публикуем постов, не придумываем «смелых» хештегов и не пишем срочный текст о женской свободе, который через три часа будет выглядеть так, словно мы увидели обнажённую фотографию нашей амбассадорки и первым делом решили посчитать охваты. Если Эвелин захочет остаться дома, она останется дома, а мы перестроим весь вечер и как-нибудь это переживём. Если она захочет прийти, то придёт на своих условиях. Но сначала я поговорю с ней как с человеком, и только после этого мы будем решать, что говорить и делать от имени бренда. Несколько секунд никто не отвечал. Затем Мия без лишних вопросов открыла расписание Джулс и принялась быстро просматривать встречи.

— Тогда я перенесу твою встречу с Мартином.

— Не переноси полностью, сдвинь на пять часов. К этому времени я должна успеть вернуться.

— В четыре у тебя назначена примерка, — напомнила Мия, уже внося изменения в календарь.

— Пусть платье привезут сюда.

Мия впервые за весь разговор задержала пальцы над клавиатурой и подняла на неё невозмутимый взгляд.

— Твоё платье?

— Нет, Мия, платье мэра Нью-Йорка. Разумеется, моё.

Мия спокойно кивнула и продолжила редактировать расписание так, словно распоряжения подобного рода поступали к ней каждый вторник.

— Томас тебя убьёт, если узнает, что ты снова собираешься краситься в машине.

Джулс на ходу поправила сумку и направилась к лифтам.

— Томас последние четыре года угрожает мне смертью из-за макияжа, типографики, неправильно подобранных оттенков белого и одного несчастного логотипа в Детройте. Как видишь, наши отношения прекрасно переживают угрозы.

С другого конца этажа немедленно донёсся возмущённый голос:

— Ложь и провокация!

Джулс обернулась. Томас стоял возле огромного макета флакона No. 9, уперев руки в бока, и смотрел на происходящее с выражением человека, который лично отвечал за эстетическое состояние западной цивилизации и только что обнаружил новый заговор против неё.
— Правда! — отозвалась Джулс, не сбавляя шага.

— И даже не думай красить губы в машине! В прошлый раз ты испортила контур и обвинила в этом дорожное покрытие Манхэттена!

— Я итальянка, Томас. Мы умеем красить губы в любых обстоятельствах, это у нас генетическое!

— Ты родилась в Нью-Джерси!

Двери лифта уже начали раскрываться, когда Джулс вскинула руку, словно этот факт не имел к разговору никакого отношения.

— Это всего лишь досадная географическая формальность!

Лео успел вернуться за блокнотом и теперь догонял её, пытаясь на ходу записывать изменения в графике и не столкнуться ни с одним из столов. Когда он влетел в лифт следом за Джулс, страницы уже были испещрены быстрыми пометками.

— Мне всё-таки записать, что примерка переносится, или после распоряжения насчёт платья мэра этот пункт можно считать утратившим актуальность?

Джулс нажала кнопку первого этажа, а затем повернулась к нему, всё ещё слишком злая, чтобы улыбнуться, хотя уголок её губ едва заметно дрогнул. — Лучше запиши, что до моего возвращения никто в этом офисе не произносит слово «охваты» рядом с именем Эвелин. И проследи, чтобы это правило поняли все, включая тех, кто сейчас делает вид, будто нас не слушает. За спиной Лео кто-то поспешно опустил голову к монитору, кто-то не выдержал и рассмеялся, а Томас успел в последний момент крикнуть, чтобы она хотя бы не пыталась наносить тушь на поворотах. Двери закрылись под смех половины отдела, но стоило лифту тронуться, как лицо Джулс снова стало серьёзным. Она крепче сжала ремень сумки и посмотрела на сменяющиеся цифры этажей, мысленно подбирая не слова для заявления и не формулировки для прессы, а единственный вопрос, который следовало задать Эвелин раньше всех остальных: чего хочешь ты?

Перед домом Эвелин в Трайбеке дежурили четырнадцать фотографов, и Джулс успела пересчитать их ещё из машины. Они теснились у парадного входа, переговаривались, проверяли камеры и то и дело вскидывали головы при виде каждого приближавшегося автомобиля, словно ожидали не напуганную женщину, чью частную жизнь выставили на всеобщее обозрение, а знаменитость, обязанную явиться к ним ради удачного кадра.

— Не останавливайтесь перед входом, пожалуйста, — попросила Джулс водителя, продолжая наблюдать за толпой через затемнённое стекло. — Проезжайте дальше. Я зайду через гараж, пока они не поняли, кто сидит в машине.

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида и осторожно покачал головой. — Боюсь, мисс Моретти, возле гаража тоже стоят двое. Они появились там несколько минут назад и, судя по всему, уходить не собираются.

Джулс наклонилась вперёд и, проследив за его взглядом, действительно заметила двух мужчин с камерами у бокового въезда.

— Madonna mia, — пробормотала она, устало прикрыв глаза. — У этих людей вообще есть семьи, дома и хоть какие-нибудь занятия, не связанные с преследованием чужих машин?

Через несколько минут водитель остановил машину у служебного въезда. Джулс выбралась наружу, прикрыв лицо волосами, и почти сразу услышала за спиной щелчки затворов. Один из фотографов выкрикнул её имя, второй попытался спросить, появится ли Эвелин на презентации No. 9, однако Джулс не обернулась. Она только быстрее прошла к двери гаража и скрылась внутри прежде, чем вопросы сменились чем-нибудь ещё более мерзким.

В квартире Эвелин царила та особенная тишина, которая возникает, когда в одном помещении собирается слишком много людей, одинаково боящихся произнести неправильные слова. Никто не сидел без дела, телефоны не переставали вибрировать, ноутбуки оставались открытыми, но даже самые привычные звуки здесь казались приглушёнными, словно дом инстинктивно пытался защитить хозяйку хотя бы от лишнего шума. Агент Эвелин ходил между окном и кухней, прижимая телефон к уху и вполголоса споря с кем-то из представителей площадки. Адвокат расположился за обеденным столом перед ноутбуком, где один за другим открывались документы и скриншоты публикаций. Стилист раскладывал на диване платья и

аксессуары, хотя делал это без обычной деловитой суеты, будто сам не был уверен, понадобится ли сегодня хоть что-нибудь из принесённого.

Дверь Джулс открыла молодая ассистентка Эвелин. Девушка выглядела так, словно за последние несколько часов успела поплакать, выпить слишком много кофе и возненавидеть человечество в целом. Она почти шёпотом сообщила, что Эвелин находится в гостиной, после чего отступила в сторону, пропуская гостью внутрь.

Эвелин сидела на полу возле дивана, запахнувшись в мягкий серый халат. Без макияжа она казалась гораздо моложе своих тридцати трёх лет; волосы были собраны на затылке кое-как, покрасневшие глаза опухли, а телефон лежал экраном вниз на ковре, словно она боялась даже случайно увидеть очередное уведомление.

Джулс не стала спрашивать, как она себя чувствует. Этот вопрос был бы одновременно бессмысленным и жестоким, потому что ответ читался в каждой детали — от дрожащих пальцев до напряжённых плеч. Она просто поставила сумку возле кресла, подошла ближе, опустилась на колени и обняла Эвелин. Первые несколько секунд та оставалась неподвижной, будто ещё не решила, имеет ли право принять предложенное утешение. Потом её руки крепко сомкнулись вокруг талии Джулс, лицо уткнулось ей в плечо, и из груди вырвался неровный вдох.

— Мне так стыдно, — прошептала Эвелин, с трудом выговаривая каждое слово.

Джулс сразу отстранилась, но лишь настолько, чтобы увидеть её лицо.

— Нет, tesoro. Даже не позволяй этой мысли поселиться у тебя в голове. — Джулс, там эти фотографии, и теперь их видели…

— Мне всё равно, сколько человек их видело, потому что стыдиться должен тот, кто сделал это с тобой, — перебила она мягко, но настолько твёрдо, что Эвелин замолчала. — Тебе сейчас может быть больно, страшно или мерзко. Ты можешь плакать, кричать, разбивать тарелки и мечтать уничтожить его машину, чего я как ответственный представитель бренда юридически не рекомендую, хотя как женщина эмоционально поддерживаю всей душой. Но стыд здесь не твой, и я не позволю тебе взвалить его на себя только потому, что кто-то решил превратить собственную подлость в твоё унижение.

Эвелин провела ладонью по мокрой щеке и опустила взгляд.

— Ты видела только одну фотографию, а там есть и другие. Намного больше. Джулс посмотрела на телефон, лежавший на ковре, и осторожно отодвинула его ногой подальше, почти под диван.

— В таком случае сегодня интернет официально лишается права голоса. Он уже доказал, что не умеет пользоваться им ответственно.

К ним подошёл Дэниел, агент Эвелин. Он выглядел измотанным, галстук был ослаблен, а телефон всё ещё оставался зажатым в руке.

— Нам необходимо принять решение по поводу сегодняшнего вечера, и, помоему, совершенно очевидно, что Эвелин не должна появляться на дорожке.

Джулс медленно подняла голову.

— Почему ты считаешь это очевидным?

— Потому что возле дома уже собралась пресса, а возле площадки к вечеру будет втрое больше журналистов. Первый вопрос каждого из них окажется не о No. 9 и не о кампании, а о фотографиях. Мы можем выпустить заявление о нарушении частной жизни, отменить её появление, а через несколько дней организовать контролируемое интервью, когда ситуация немного уляжется.

— Дэниел, я услышала твоё мнение, но сейчас спрашиваю не тебя.

Он нахмурился, не сразу поняв, к чему она ведёт, и Джулс снова повернулась к Эвелин. Голос её стал тише, потому что решение не должно было прозвучать как очередное требование, замаскированное под заботу.

— Скажи мне, чего хочешь именно ты.

Эвелин долго молчала. За окном доносился далёкий шум города, на кухне едва слышно гудел холодильник, а в гостиной никто даже не пытался притвориться, что занят своими делами.

— Я не знаю, — наконец призналась она, сжав край халата.

— Это тоже допустимый ответ. Ты не обязана принимать идеальные решения через несколько часов после того, как с тобой так поступили. Эвелин кивнула, но спустя мгновение всё-таки продолжила:

— Если я останусь здесь, у меня будет ощущение, будто он снова что-то решил за меня. Словно сначала он выбрал, что люди увидят, а потом заставил меня спрятаться из-за этого дома.

Тишина стала ещё плотнее. Дэниел опустил взгляд, адвокат перестал печатать, а стилист замер возле дивана, держа в руках плечики с платьем. — Тогда не оставайся, — спокойно сказала Джулс. — Если ты хочешь выйти, мы сделаем всё, чтобы ты вышла.

— Но как мне появиться там после того, как половина страны увидела меня голой?

— Во-первых, половина страны тебя не видела, потому что интернет всегда врёт о собственном размере и значимости. Во-вторых, даже если бы это действительно произошло, никто из этих людей всё равно не получил права решать, куда тебе теперь можно выходить, как одеваться и должна ли ты прятаться.

Эвелин внимательно посмотрела на неё, и в её измученном лице впервые появилось что-то, кроме боли. Через несколько секунд уголки губ едва заметно дрогнули.

— Ты всегда разговариваешь подобным образом?

— Когда я злюсь, всё бывает гораздо хуже. Моя мать утверждает, что в такие моменты у меня появляется итальянский акцент, которого, если опираться на факты, у меня технически быть не должно.

Эвелин издала первый за всё утро настоящий смешок. Он получился тихим и немного хриплым, но Джулс всё равно восприняла его как маленькую победу.

Она поднялась с пола, разгладила юбку и деловито оглядела комнату. — Прекрасно. Теперь мы переходим ко второму по важности вопросу: ты сегодня что-нибудь ела?

Эвелин растерянно моргнула, явно не ожидая столь резкой смены темы.

— Ты спрашиваешь о еде прямо сейчас?

— Именно о ней, причём я имею в виду нормальную человеческую еду, а не кофе, витамины или один случайный миндаль, найденный на дне сумки.

— Кажется, утром я съела йогурт, но сейчас мне совсем не хочется.

— Я не спрашивала, хочется ли тебе есть. Я спрашивала, ела ли ты, и ответ про один йогурт меня совершенно не устраивает.

Не дожидаясь возражений, Джулс направилась на кухню, открыла холодильник и замерла перед его содержимым. Несколько секунд она молча рассматривала две бутылки воды, банку горчицы, упаковку ягод и одинокую половину лимона, после чего медленно повернулась к остальным.

— Господи, Эвелин. Твой холодильник выглядит так, будто ты собиралась тайно покинуть страну, но в последний момент забыла забрать лимон. — Я много снимаюсь и почти никогда не ужинаю дома, — попыталась оправдаться та.

— Даже напряжённый съёмочный график не объясняет полного отсутствия пармезана. На некоторые вещи цивилизованное общество не может закрывать глаза.

Дэниел устало потёр лицо обеими ладонями.

— Джулия, я не уверен, что ты осознаёшь масштаб происходящего. У нас кризис.

— Именно поэтому нам и нужна еда. Люди принимают ужасные решения на пустой желудок, а сегодня нам предстоит принять слишком много важных решений, чтобы проверять эту теорию на практике.

Она уже открывала приложение доставки и быстро просматривала ближайшие рестораны.

— Закажем пасту, салат и хлеб. Если кто-нибудь не ест мясо, сообщите сейчас, потому что через минуту я перестану учитывать индивидуальные предпочтения.

Адвокат осторожно поднял руку, не отрываясь от ноутбука.

— Я вегетарианец.

— Прекрасно, тогда вам достанутся баклажаны. Если среди присутствующих есть аллергики, сейчас самое подходящее время раскрыть эту тайну.

Через пятнадцать минут кризис никуда не исчез. Фотографы по-прежнему стояли у дома, количество публикаций росло, а адвокат продолжал отправлять требования об удалении снимков. Однако теперь в квартире пахло томатами, базиликом, чесноком и тёплым хлебом, что, по мнению Джулс, делало большинство мировых проблем хотя бы немного менее оскорбительными. Эвелин удалось съесть несколько ложек пасты. Остальные тоже постепенно расселись вокруг стола и кухонного острова, впервые за последние часы перестав говорить одновременно. Именно во время еды Джулс заметила платье, висевшее отдельно от остальных нарядов. Оно было тёмно-синим, безупречно скроенным и почти монашески закрытым: высокий воротник, длинные рукава, плотная ткань и юбка, доходившая почти до пола. В любой другой вечер платье могло бы показаться элегантным и благородным. Сегодня оно выглядело безопасным и именно поэтому было совершенно неправильным.

— Это платье вы выбрали для сегодняшнего выхода? — спросила Джулс, откладывая вилку.

Стилист проследил за её взглядом и кивнул.

— Да, это финальный вариант. Мы утвердили его ещё несколько дней назад. Она поднялась, подошла ближе и внимательно осмотрела наряд, хотя решение уже приняла.

— Тогда нам придётся выбрать что-нибудь другое, потому что сегодня она его не наденет.

— Что именно тебя не устраивает? — спросил стилист, тоже поднимаясь с места.

— В любой другой ситуации оно было бы прекрасным, но сегодня этот образ будет выглядеть так, словно мы пытаемся спрятать тело Эвелин. Будто произошло нечто постыдное, после чего она обязана закрыться от подбородка до щиколоток и попросить прощения за то, что вообще существует.

Дэниел тяжело вздохнул и отодвинул тарелку.

— Возможно, именно сегодня закрытое платье окажется не худшим решением. Оно хотя бы не даст прессе дополнительного повода.

Джулс повернулась к нему, скрестив руки на груди.

— Сегодня оно будет выглядеть не как осторожность, а как извинение. Эвелин нечего скрывать и не за что извиняться, поэтому я не собираюсь отправлять её на дорожку в одежде, которая говорит обратное.

Эвелин долго смотрела на тёмно-синее платье, а затем тихо призналась: — У меня появилось то же ощущение, как только я его увидела. Будто я должна закрыться, чтобы всем вокруг стало удобнее.

Джулс кивнула и замолчала, уже перебирая в голове возможные варианты. То, что она начала думать, всегда было заметно по рукам: сначала ладони легли на талию, затем одна поднялась к лицу, пальцы несколько раз щёлкнули в воздухе, а спустя мгновение Джулс принялась ходить между кухней и гостиной, словно движение помогало ей быстрее собрать разрозненные идеи в единый образ.

— Нам нужен старый Голливуд, но без костюмированной театральности. Никакой нарочитой сексуальности, мести и отчаянного «посмотрите, мне всё равно», потому что тебе не всё равно, Эвелин, и это совершенно нормально.

Образ должен быть очень простым, почти в духе Мэрилин, но современным:

мягкий шёлк, оттенок шампанского или тёплой слоновой кости, чистые линии и полностью открытая спина. Вырез должен начинаться примерно здесь… Она провела ладонью вдоль собственной спины, показывая нужную глубину, затем покачала головой и опустила руку ещё ниже.

— Хотя нет, гораздо глубже. Если мы это делаем, то не должны останавливаться на полпути.

Выражение лица стилиста постепенно изменилось. Сначала он слушал её с осторожным сомнением, но теперь уже смотрел в сторону развешанных нарядов, мысленно перебирая привезённые варианты.

— Кажется, у меня есть один образец, который может подойти.

— Где он находится и почему до сих пор не лежит перед нами?

Через несколько минут на диване появилось платье цвета шампанского. Мягкий шёлк переливался в дневном свете, подчёркивая простоту кроя, а глубокий вырез на спине делал его одновременно смелым и удивительно изящным.

Эвелин осторожно провела пальцами по ткани.

— Оно очень открытое, особенно со спины.

— Да, и именно поэтому решение должно принять только ты.

Джулс снова присела перед ней, чтобы их лица оказались на одном уровне. — Если сейчас тебе хочется закрыться от всего мира, мы берём тёмно-синее платье, и я не позволю никому тебя за это осудить. Я говорю совершенно серьёзно: смелость не обязана выглядеть как обнажённая спина, и ты никому не должна доказывать, что тебя не ранили. Но если ты спрашиваешь, что сделала бы я после того, как какой-то мужчина решил, будто может распоряжаться моим телом и выбирать, кто имеет право его видеть…

Она задумалась на мгновение, а затем с совершенно невозмутимым видом пожала плечами.

— Я бы вышла к ним так, словно все эти люди никогда в жизни не видели настолько прекрасной задницы и им чертовски повезло, что сегодня представилась такая возможность.

Эвелин ошеломлённо уставилась на неё. Стилист не выдержал и прыснул со смеху, ассистентка прикрыла рот ладонью, а даже адвокат наконец поднял голову от ноутбука.

— Джулс! — воскликнул Дэниел, с трудом сохраняя возмущённое выражение лица.

— Не понимаю, что именно тебя смущает. Я говорю исключительно о визуальной стратегии и возвращении контроля над публичным образом. Эвелин начала смеяться. Сначала тихо и осторожно, словно разучилась это делать, но затем закрыла лицо ладонями и рассмеялась так искренне, что через несколько секунд к ней присоединились все находившиеся в комнате. Напряжение не исчезло полностью, однако впервые за весь день перестало казаться чем-то, что невозможно пережить. Когда Эвелин наконец опустила руки, её глаза снова были мокрыми, но выражение лица изменилось. В нём попрежнему оставалась боль, однако теперь рядом с ней появилась решимость. — Я хочу надеть это платье. Не ради фотографов и не для того, чтобы комуто что-то доказать. Я просто не хочу позволять ему выбирать за меня даже то, во что мне сегодня одеваться.

Джулс улыбнулась и посмотрела на часы.

— Perfetto. Теперь, когда главное решение принято, мы можем перейти к нашей первой настоящей проблеме.

Эвелин удивлённо подняла брови.

— Разве всё остальное до этого не считалось настоящими проблемами? — Всё остальное было катастрофой, а с катастрофами я прекрасно умею работать. Проблема заключается в том, что до дорожки осталось восемь часов, платье велико тебе в груди, мало в бёдрах и примерно на четыре сантиметра короче, чем позволит мне пережить Томас.

Стилист внимательно оглядел подол, мысленно оценил длину и поднял указательный палец.

— На шесть сантиметров. Возможно, на шесть с половиной, если она наденет утверждённые туфли.

Джулс прикрыла глаза и медленно выдохнула, уже представляя реакцию Томаса.

— Великолепно. Значит, помимо кризиса, толпы фотографов и войны с интернетом, нам предстоит за восемь часов убедить шёлк нарушить законы геометрии. Наконец-то задача, которую я понимаю.

Следующие пять часов квартира Эвелин одновременно напоминала ателье, штаб кризисного управления и чрезвычайно шумную итальянскую кухню, хотя единственной итальянкой среди присутствующих была Джулс, а единственным человеком, который действительно пытался накормить остальных, — курьер из ресторана на углу.

Сначала приехали две портнихи с огромными сумками, набитыми нитками, булавками и инструментами, названия половины из которых Джулс не знала. Спустя сорок минут к ним присоединилась третья — невысокая женщина с сантиметровой лентой на шее и таким строгим выражением лица, будто её вызвали не подогнать платье, а лично восстановить мировой порядок. Следом кто-то привёз три запасных наряда. Первое платье превратило Эвелин в чрезвычайно сексуальную невесту, которая сбежала с собственной свадьбы и теперь собиралась соблазнить водителя лимузина. Второе заставило адвоката снять очки, долго протирать их салфеткой и наконец поинтересоваться, существует ли юридически закреплённое определение слова «платье». Третье оказалось почти идеальным — мягким, изящным и достаточно смелым, — если не считать того, что при каждом шаге ткань собиралась на спине, словно пыталась самостоятельно покинуть тело Эвелин.

Вокруг неё непрерывно двигались люди. Стилист менял туфли и украшения, портнихи закалывали шёлк на талии, ассистентка отвечала на звонки, а Дэниел то и дело исчезал в коридоре, чтобы поспорить с очередным журналистом или представителем площадки. Джулс держалась рядом и периодически пыталась поправить то подол, то бретель, пока старшая портниха в четвёртый раз не перехватила её руку.

— Пожалуйста, больше ничего не трогайте, иначе мне придётся пришить к платью и вас, — предупредила она с той суровой невозмутимостью, которая не оставляла пространства для возражений.

Джулс немедленно отдёрнула пальцы и прижала ладонь к груди, изображая глубоко оскорблённую невинность.

— Я ничего не трогала, а всего лишь внимательно смотрела, как продвигается работа.

Портниха выразительно перевела взгляд на её руку.

— Вы смотрите руками, а это заметно усложняет процесс.

— Ничего не могу с собой поделать, потому что я эмоциональный человек и привыкла участвовать во всём лично.

— Тогда эмоционируйте, пожалуйста, откуда-нибудь оттуда, — произнесла женщина и указала булавкой в сторону кухни.

Джулс несколько секунд смотрела на неё, явно не привыкшая к тому, что кто-то распоряжается ею с подобной уверенностью, а затем повернулась к Эвелин в поисках поддержки.

— Мне только что официально запретили участвовать в собственном кризисе.

Надеюсь, все понимают, насколько серьёзный прецедент мы создаём.

Эвелин, стоявшая на небольшом подиуме с поднятыми руками, улыбнулась значительно свободнее, чем несколько часов назад.

— Мне она нравится, и я считаю, что нам следует оставить её хотя бы до конца вечера.

— Прекрасно. Теперь я окончательно убедилась, что сегодня все объединились против меня.

Впрочем, распоряжение портнихи Джулс исполнила. Спустя час она уже сидела на краю кухонного стола, поджав под себя одну ногу. Туфли лежали на полу — после двенадцати часов на каблуках победа безоговорочно осталась за ними. В одной руке Джулс держала вилку и ела остывшую пасту прямо из картонной коробки, а второй придерживала телефон, по громкой связи разговаривая с Лео.

— Мы не называем имя бывшего мужа до тех пор, пока адвокаты не подтвердят источник утечки, — повторила она, стараясь говорить медленнее, хотя терпение уже начинало заканчиваться. — Мы также не публикуем фотографии платья заранее и не превращаем появление Эвелин в тизер рекламной кампании. И ещё передай отделу коммуникаций, что выражение «возвращение контроля над нарративом» запрещено на ближайшие двадцать четыре часа.

На другом конце линии послышался шелест бумаг, а затем осторожный голос Лео:

— Эту формулировку уже использовали по меньшей мере три издания, поэтому команда решила, что она подходит для заявления.

— Именно по этой причине я её и запрещаю. Если фраза уже появилась в трёх материалах, то к вечеру она будет звучать так, будто её придумал один уставший робот и разослал всем журналистам по подписке. Лео что-то записал, после чего задал следующий вопрос:

— Что в таком случае говорить журналистам, которые спрашивают, появится ли Эвелин на презентации?

Джулс замерла с вилкой в руке и посмотрела в гостиную. Эвелин стояла на небольшом подиуме перед зеркалом, пока портниха закалывала шёлк на талии и исправляла линию подола. Спина оставалась полностью открытой, волосы были подняты наверх, а плечи, ещё недавно ссутуленные и напряжённые, теперь держались ровно. Страх никуда не исчез — Джулс видела его в том, как Эвелин время от времени сжимала пальцы, — однако рядом с ним появилась решимость.

— Скажи им, что Эвелин сегодня будет, — произнесла она.

В трубке возникла короткая пауза.

— Значит, она всё-таки приняла решение?

Джулс не сводила взгляда с Эвелин, которая в этот момент встретилась с ней глазами через зеркало.

— Да, Лео. На этот раз решение приняла именно она.

К семи двадцати вечера пройти по тротуару перед площадкой VELA было почти невозможно. Вспышки камер превращали улицу в непрерывное белое мерцание, за металлическими ограждениями теснились фотографы, журналисты и поклонники Эвелин, а рядом с ними останавливались случайные прохожие. Большинство из них не понимало, что именно происходит, но справедливо предполагало: если на Манхэттене в одном месте собралось столько камер, событие наверняка заслуживает хотя бы нескольких минут чужого внимания. Джулс стояла сбоку от дорожки и время от времени поглядывала на подъезжающие машины. На ней было чёрное платье с открытыми плечами, золотые серьги мягко поблёскивали в свете софитов, а винная помада после срочного вмешательства Томаса снова выглядела безупречно. Кудри за почти двенадцать часов рабочего дня стали чуть менее послушными, чем утром, несколько прядей выбились у лица, и эта едва заметная небрежность шла ей гораздо больше идеальной укладки.

Когда у входа остановилась знакомая чёрная машина, шум вокруг усилился. Камеры повернулись в её сторону, журналисты придвинулись ближе к ограждениям, но задняя дверь не открылась. Джулс подождала несколько секунд, затем сама подошла к автомобилю. Охранник хотел опередить её, однако она остановила его жестом, взялась за ручку и приоткрыла дверь. Эвелин сидела внутри, сжимая маленький клатч обеими руками. В приглушённом свете салона её лицо казалось почти бескровным, а взгляд был прикован к толпе за окном.

— Привет, bella, — тихо сказала Джулс, наклоняясь к ней. — Я решила встретить тебя лично, потому что там слишком много людей с камерами и слишком мало людей с нормальными человеческими лицами.

— Их сотни, — прошептала Эвелин, не отрывая взгляда от вспышек. — В квартире мне казалось, что я готова, но сейчас я смотрю на них и чувствую, что меня вот-вот стошнит.

— Тогда мы не выходим и уезжаем отсюда прямо сейчас, — ответила Джулс без малейшего колебания. — No. 9 переживёт один вечер без тебя, VELA переживёт перестроенную программу, и даже я переживу, хотя Томас наверняка превратит это в драму из трёх актов. Ты никому здесь ничего не должна, поэтому достаточно одного твоего слова, и водитель тронется с места.

Эвелин наконец посмотрела на неё, словно ожидала уговоров, напоминаний о контракте или хотя бы осторожной попытки убедить её потерпеть несколько минут ради запуска.

— Ты действительно позволишь мне уехать после всего, что мы сделали? — Мне не принадлежит право позволять или запрещать тебе что-либо. Мы подготовили платье, собрали команду и разработали план, но последнее решение всё равно остаётся за тобой. Если ты хочешь вернуться домой, никто не посмеет назвать это слабостью.

Эвелин снова посмотрела через стекло. Вспышки продолжали разрываться в темноте, фотографы перекрикивали друг друга, а её имя прокатывалось над толпой волнами. Она закрыла глаза, медленно вдохнула и так же медленно выдохнула, после чего расправила плечи.

— Нет, я не хочу уезжать. Я хочу выйти, даже если мне страшно.

Джулс улыбнулась и протянула ей руку.

— Тогда плечи назад, bella. Выходи и заставь их пожалеть, что природа дала им только две руки для аплодисментов.

Эвелин рассмеялась, и хотя смех всё ещё прозвучал немного нервно, напряжение в её пальцах ослабло. Она вложила ладонь в руку Джулс и вышла из машины. Шум изменился мгновенно. Платье цвета шампанского мягко облегало её тело, повторяя движение при каждом шаге. Спереди оно выглядело сдержанным и почти классическим, но открытая спина спускалась настолько низко, что любая попытка прочитать этот образ как желание спрятаться становилась нелепой. В нём не было ни вызова, ни отчаянного стремления что-то доказать — только спокойное право Эвелин самостоятельно выбирать, как именно сегодня будет выглядеть её тело.

Однако главным оказалось не платье. Эвелин дошла до центра дорожки, остановилась и медленно повернулась к фотографам. На одно мгновение Джулс увидела, как дрогнули её пальцы, но затем Эвелин подняла подбородок и улыбнулась — не вызывающе и не демонстративно, а спокойно и уверенно, словно напоминая всем присутствующим, что перед ними находится не жертва чужого поступка, а женщина, которая сама решает, каким будет следующий кадр. Журналисты поначалу выкрикивали вопросы о No. 9, кампании и запуске, но довольно скоро один из них всё-таки спросил о фотографиях. Агент напрягся, охрана приготовилась вмешаться, однако Эвелин не посмотрела ни на Дэниела, ни на Джулс. Она сделала шаг к микрофонам.

— Мне не стыдно за моё тело, — произнесла она так ровно, что даже голоса вокруг начали стихать. — Мне стыдно за человека, который решил, будто имеет право показать его

без моего разрешения. Между этими вещами существует огромная разница, и я не собираюсь позволять кому-либо убедить меня в обратном.

На несколько секунд возле дорожки стало почти тихо. Затем Эвелин улыбнулась шире, оглянулась через плечо и добавила:

— Но раз уж сегодня все проявляют настолько пристальный интерес к моей заднице, остаётся надеяться, что хотя бы платье пришлось ей по вкусу. Толпа взорвалась сначала смехом, а затем аплодисментами. Кто-то из фотографов одобрительно крикнул, журналисты снова заговорили одновременно, а Эвелин рассмеялась вместе с ними, впервые за весь день не пряча лица.

Стоявший рядом с Джулс Лео шумно выдохнул и прижал ладонь к груди. — Господи, я не был готов к тому, что этот вечер заставит меня настолько сильно поверить в человечество.

Джулс быстро моргнула и отвернулась, делая вид, что проверяет порядок выхода следующих гостей.

— Даже не думай начинать этот разговор, потому что я прекрасно контролирую свои эмоции.

— Ты плачешь, Джулс, и никакой контроль уже не сможет скрыть этот факт. — Это всего лишь аллергия, — заявила она, осторожно касаясь уголка глаза, чтобы не испортить макияж.

— Интересно, на что именно у тебя могла начаться аллергия посреди дорожки?

— На мужское предательство. Очень распространённая итальянская аллергия, которая особенно обостряется под воздействием камер и дорогого парфюма.

Лео улыбнулся, но благоразумно больше ничего не сказал.

Внутри атриум VELA сиял медовым светом. Под высоким стеклянным потолком словно парили увеличенные копии лепестков, в прозрачных вазах стояли белые цветы, а аромат No. 9 — бергамот, жасмин и тёплая древесина — был распылён настолько тонко, что гости замечали его лишь после того, как начинали искать источник. На огромных экранах сменяли друг друга кадры кампании, и, когда Эвелин вошла в зал, диджей включил музыку. Мелодия поднялась над голосами, смешалась с аплодисментами и тёплым вечерним воздухом, проникавшим с открытой террасы.

От подготовленной речи Эвелин отказалась. Вместо неё она сказала несколько простых фраз о No. 9, поблагодарила команду, которая работала над запуском, а затем отдельно произнесла имя Джулс. Для самой Джулс это стало неожиданностью, однако, судя по реакции сотрудников, никто больше не был удивлён. Люди вокруг немедленно зааплодировали, Мия свистнула громче половины зала, Нора подняла телефон, показывая стремительно растущие цифры предварительных заказов, а Томас отвернулся и сделал вид, что вытирает глаза исключительно из-за агрессивной системы кондиционирования. К половине девятого количество заказов превысило прогноз на девятнадцать процентов. К девяти часам короткий ролик с дорожки набрал несколько миллионов просмотров, причём пользователи чаще цитировали не название парфюма и не шутку Эвелин о платье, а её слова о стыде, который принадлежал не ей. Ни VELA, ни Джулс не добавили к публикациям рекламной ссылки. Джулс запретила даже упоминать о возможности использовать возникший интерес для продвижения, и именно поэтому люди начали самостоятельно искать No. 9, переходить на сайт и оформлять заказы. Впервые за весь день бренд получил внимание, не пытаясь присвоить себе чужую историю.

Совет директоров появился возле сцены почти в полном составе. Председатель подошёл к Джулс первым, пожал ей руку обеими ладонями и в присутствии журналистов назвал человеком, который определяет будущее VELA. Финансовый директор, ещё три недели назад споривший с ней из-за каждой дополнительной строки в бюджете запуска, сообщил, что поддержит её план первых ста дней. Один из независимых директоров поинтересовался, действительно

ли она собирается отменить ежемесячные многочасовые совещания после переезда в новый кабинет.

— Я собираюсь отменить только те совещания, на которых никто не принимает решений, — ответила Джулс. — Поэтому, боюсь, под угрозой окажется большая их часть.

Директор рассмеялся так добродушно, словно должность уже принадлежала ей и теперь оставалось обсудить лишь первые распоряжения. Самым странным было даже не это, никто больше не произносил осторожного «если». Все говорили «когда». Когда Джулс поднимется на тридцать второй этаж. Когда в понедельник объявят решение. Когда она соберёт новую исполнительную команду. Когда VELA впервые за десять лет возглавит человек, выросший внутри её маркетингового отдела и знающий компанию не по отчётам, а по людям, запускам, удачам и кризисам, которые приходилось переживать вместе с ней. Джулс слышала эти фразы, улыбалась и отвечала на поздравления, но не позволяла себе поверить окончательно. За девять лет в VELA она слишком хорошо научилась отличать обещания от решений совета директоров, а праздничные речи — от подписанных документов. Лео нашёл её возле сцены почти через час. Он нёс огромный букет белых пионов и едва удерживал его обеими руками, а под мышкой у него была зажата временная табличка для

двери с надписью: «ДЖУЛИЯ МОРЕТТИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР». Джулс посмотрела сначала на цветы, затем на табличку и немедленно покачала головой, хотя улыбка уже выдала её раньше, чем она успела изобразить возмущение.

— Надеюсь, вы ничего не оплачивали из бюджета отдела, потому что решение ещё не принято и мне совершенно не хочется начинать предполагаемое повышение с финансового нарушения.

— Я сохранил чек, — заверил её Лео. — Томас распорядился вернуть цветы, если совет совершит нечто статистически невероятное, а Мия предложила оставить табличку в качестве доказательства для судебного иска.

Мия, стоявшая рядом с Норой, немедленно повернулась к ним. — Я говорила не о судебном иске, а о коллективном психологическом давлении. Это разные стратегии, и моя пока остаётся полностью законной. — Формулировка всё равно прозвучала достаточно юридически, чтобы я решил ничего не уточнять, — признался Лео.

Томас подошёл к Джулс и обнял её одной рукой, осторожно стараясь не помять платье, не задеть букет и не испортить причёску, которую сам восстанавливал менее двух часов назад.

— В понедельник ты официально станешь самым страшным человеком в этом здании. Я бы сказал, что горжусь тобой, но сначала хочу получить письменную гарантию того, что ты не заставишь меня переделывать фирменный стиль в первые сто дней.

— Никаких гарантий я тебе не дам, особенно после того, как ты использовал шрифт, который мы договорились никогда больше не использовать.

— В таком случае ограничусь поздравлением с запуском и отложу признание в гордости до лучших времён.

Нора протянула Джулс телефон, на экране которого продолжал обновляться отчёт.

— Мы уже на двадцать один процент превысили прогноз, и показатели продолжают расти. Вероятность того, что после сегодняшнего вечера совет выберет кого-то другого, настолько мала, что я даже не стала включать её в модель.

Мия с притворным изумлением посмотрела на неё.

— И это говорит женщина, которая включает в финансовые модели вероятность отключения электричества во всём штате и падения спутника на склад в Нью-Джерси.

— Отключение электричества происходит значительно чаще, чем профессиональное самоубийство совета директоров, — невозмутимо объяснила Нора.

Джулс рассмеялась, прижала букет к груди и впервые за весь вечер позволила себе ненадолго забыть о цифрах, журналистах и предстоящем голосовании. Она просто смотрела на

людей, рядом с которыми прошли последние годы. На Мию, способную превратить её самые безумные идеи в работающую стратегию и организовать любое чудо так, будто оно всегда стояло в календаре. На Нору, доверявшую цифрам гораздо больше, чем человеческим обещаниям, но сегодня готовую подкрепить этими цифрами её будущее. На Томаса, пережившего вместе с ней десятки запусков, сотни споров и один логотип в Детройте, который они оба поклялись больше никогда не вспоминать. На Лео, который по-прежнему записывал гораздо больше, чем требовалось, но уже научился смеяться прежде, чем получал официальное разрешение. Все они знали, к чему приближался этот вечер.

Девять лет работы не заканчивались счастливой случайностью или удачным запуском. Они складывались из сотен дней, когда Джулс приходила в офис раньше остальных, из кампаний, которые приходилось спасать за несколько часов до выхода, из решений, за которые она отвечала даже тогда, когда их принимали другие. Теперь все эти годы сходились в одной точке — в аплодисментах, белых пионах у неё в руках и временной табличке, которую Томас уже пытался незаметно приложить к ближайшей двери, проверяя, достаточно ли хорошо она будет смотреться. Когда остальные разошлись к гостям, Лео остался рядом. Он всё ещё придерживал табличку под мышкой и смотрел на Джулс с выражением, в котором привычная осторожность смешивалась с искренней радостью.

— В понедельник в девять утра состоится встреча в большой переговорной. Я знаю, что приглашение уже появилось в твоём календаре, но хочу убедиться, что ты не собираешься притворяться, будто это очередное обычное совещание. — Пока совет не проголосовал и решение не объявлено официально, оно именно таким и остаётся. Я слишком давно работаю в VELA, чтобы праздновать то, чего ещё не произошло.

Лео задумчиво покачал головой.

— Я здесь несколько лет и уже успел заметить, что люди в VELA способны спорить обо всём: о бюджетах, оттенках белого, длине презентаций и даже о том, считается ли сообщение после одиннадцати вечера рабочим поручением. Однако о том, кто должен получить кабинет на тридцать втором этаже, сейчас не спорит никто.

— Совет директоров вполне может оказаться исключением из этого удивительного единодушия.

— Тогда им придётся приложить по-настоящему выдающиеся усилия, чтобы одновременно разочаровать всё здание. Даже для совета директоров это слишком амбициозная задача.

Джулс попыталась встретить его слова привычной иронией, напомнить о статистике, процедурах и корпоративной политике, однако улыбка появилась раньше, чем она успела придумать подходящий ответ.

Лео поправил сползавшую табличку, а затем заговорил уже без шутки: — Ты готова, Джулия. Даже если сама пока отказываешься это признать, все остальные давно видят в тебе человека, которым ты только собираешься стать. Он не уточнил, к чему именно она готова, потому что этого и не требовалось. За стеклянными стенами атриума мерцал вечерний Манхэттен, вокруг звучали голоса людей, а в руках Джулс тяжело и сладко пахли белые пионы. Где-то наверху, на тридцать втором этаже, всё ещё пустовал кабинет, который сотрудники уже мысленно называли её именем. До понедельника оставалось меньше трёх дней.

Джулс заметила Кэма ещё у входа и немедленно поняла, что три недели назад совершила серьёзную ошибку, когда собственноручно одобрила приглашения для руководства AURELLE. Тогда это казалось красивым жестом профессиональной уверенности: VELA устраивала один из главных запусков года и не боялась видеть в зале представителей своего ближайшего конкурента. Теперь же, наблюдая за Кэмероном Хейзом, она начинала подозревать, что великодушие было сильно переоценённой добродетелью.

Он вошёл в зал без малейшей неловкости человека, появившегося на территории соперника. Напротив, Кэм держался так, словно организаторы весь вечер ждали именно его и только теперь мероприятие можно было считать официально открытым. За первые несколько минут он успел поприветствовать редактора *GQ*, обменяться рукопожатием с одним из директоров крупной розничной сети, рассмешить женщину из *Vogue* и забрать с подноса официанта канапе, которое, судя по удовлетворённому выражению его лица, теперь тоже следовало записать в актив AURELLE.

Кэм вообще умел появляться на публике с непоколебимой уверенностью, что ему там будут рады, и самое отвратительное заключалось в том, что обычно его ожидания полностью оправдывались. Он был слишком общительным, чтобы казаться надменным, слишком весёлым, чтобы его самоуверенность воспринималась как холодность, и слишком хорошо понимал силу собственного обаяния, чтобы прикладывать какие-либо усилия для её доказательства. Если кто-то не находил его очаровательным, Кэм, вероятно, считал это занятной особенностью конкретного человека, а не поводом пересмотреть мнение о себе. Увидев Джулс, он улыбнулся так, словно вечер наконец предложил ему достойное развлечение.

— Porca miseria, — пробормотала она, не скрывая, кому предназначалось ругательство.

Кэм неторопливо пересёк зал и остановился перед ней, сунув свободную руку в карман брюк. Сначала он с преувеличенной внимательностью осмотрел инсталляцию, затем перевёл взгляд на Джулс и тяжело вздохнул.

— Признаюсь, Моретти, я разочарован. Мне обещали кризис, журналистов с ножами и полный крах запуска, ради которого я даже перенёс ужин. Вместо этого здесь довольная пресса, хорошие цифры и ты без нервного срыва.

Негостеприимно с твоей стороны.

Джулс мгновенно повернулась к нему всем корпусом.

— Ты приехал на мой запуск, потому что надеялся увидеть катастрофу? — Небольшую и желательно дорогостоящую. Я не чудовище, поэтому человеческих жертв не требовал. Мне вполне хватило бы смерти твоего квартального отчёта.

— Che bastardo. Ты хотя бы иногда слышишь себя со стороны?

— Постоянно, и до сих пор звучание меня полностью устраивало.

Джулс вскинула руки.

— Ты входишь сюда, желаешь провала моей команде, пьёшь моё шампанское и ещё ведёшь себя так, словно проблема заключается во мне.

Кэм опустил взгляд на её ладони, которые уже успели описать в воздухе несколько широких дуг.

— Проблемы нет, я просто наблюдаю, как Италия официально вступает в переговоры. Ещё минута — и появятся Везувий, семейный совет и угроза ударить меня тарелкой.

— Не втягивай в это Италию. Моя страна не отвечает за то, что ты родился самодовольным засранцем.

— Именно за это я и люблю итальянскую прямоту. Американка сказала бы, что ей не нравится мой подход, а ты немедленно оскорбила меня, моё воспитание и, косвенно, моих родителей.

— Твою мать я не упоминала, хотя уверена, что она заслуживает соболезнований.

Кэм рассмеялся и сделал глоток шампанского.

— Теперь я почти чувствую себя членом семьи.

— В моей семье тебя уже выставили бы за дверь.

— Сначала накормили бы, а потом выставили. Не разрушай мои представления об итальянском гостеприимстве.

— Ты уже съел половину закусок, поэтому можешь уходить без культурных разочарований.

Кэм снова оглядел зал, будто всерьёз обдумывал её предложение.

— Пока не могу. Я ещё не закончил искать недостатки.

Джулс упёрла ладонь в бок.

— Тогда не мучай себя и скажи сразу, что именно тебе не нравится.

— Инсталляция слишком большая, текста столько, будто после покупки аромата вы выдаёте диплом, а дорога от входа до флакона длиннее некоторых моих отношений. К сожалению, люди проходят её именно так, как вы задумали, поэтому критика получается недостаточно убедительной.

— Значит, всё работает.

— Сегодня работает.

— Просто произнеси это без оговорок, Хейз. Обещаю вызвать врача, если тебе станет плохо.

— Один удачный вечер ещё не гарантирует повторных продаж. Не заставляй меня объяснять тебе маркетинг на собственном мероприятии, потому что это будет унизительно для нас обоих, но преимущественно для тебя.

Джулс шагнула ближе и посмотрела ему прямо в глаза.

— Пожалуйста, объясни. Я всего девять лет работаю в маркетинге и ждала именно тебя — мужчину с бокалом моего шампанского и неизлечимой уверенностью в собственной гениальности.

Кэм взглянул на бокал.

— Теперь оно моё, потому что ты поставила его на стол для гостей. Что касается гениальности, я бы назвал её доказанной, но ценю твоё внимание к моим сильным сторонам.

— Ты производишь впечатление человека, который способен флиртовать с собственным отражением.

— Только если освещение удачное. У меня всё-таки есть стандарты.

Джулс закатила глаза.

— Madonna santa, как ты умудряешься жить с собой каждый день?

— С большим удовольствием. Я высокий, успешный, хорошо одет и сохранил все собственные зубы. Не понимаю, где именно ты ожидаешь от меня кризиса уверенности.

— В той части личности, где у нормальных людей появляются сомнения. — Они у меня появляются. Десять минут назад я сомневался, брать ли второе канапе.

Джулс посмотрела на пустую тарелку рядом.

— Ты съел шесть.

— Я принял решение и больше не позволял страху управлять моей жизнью.

Она рассмеялась, но тут же указала на него пальцем.

— Не обольщайся. Я смеюсь над масштабом твоего нарциссизма.

— Причина не имеет значения, если результат меня устраивает.

— Вот поэтому люди тебя терпеть не могут.

Кэм неторопливо оглядел зал, где ему продолжали улыбаться знакомые. — Эмпирические данные говорят обратное.

— Я говорю о нормальных людях, а не о женщинах из модных журналов, которым ты улыбаешься.

— Мужчины тоже меня любят. Спасибо, что позволила уточнить.

Джулс шумно выдохнула и отобрала у проходившего официанта бокал воды. — Я никогда не смогла бы работать с тобой. Уже к концу первого дня мне пришлось бы объяснять юристам, почему насилие иногда становится единственным способом корпоративной коммуникации.

Кэм изобразил облегчение.

— Прекрасно, потому что, если кто-нибудь попытается посадить нас в одном офисе, я немедленно проверю условия досрочного увольнения. Ты бросаешь на мой стол исследование,

заявляешь, что упаковка «не чувствует женщину», начинаешь объяснять это руками, а через десять минут весь этаж превращается в семейный ужин в Неаполе.

— Совет оставит в здании меня.

— Вот эта необоснованная уверенность в себе меня в тебе и раздражает.

Джулс медленно прищурилась, а Кэм выдержал серьёзное выражение лица ровно до того момента, пока она не поняла, что он использовал против неё её же слова.

— Ты сейчас просто издеваешься надо мной.

— Уже минут десять, Моретти. Рад, что мы наконец синхронизировались.

— Vaffanculo, Hayes.

Кэм удовлетворённо кивнул.

— А вот и итальянский. Я начал опасаться, что Везувий сегодня не проснётся.

— Если ты ещё раз упомянешь Везувий, проснётся не только он.

— Угроза туманная, но подача отличная.

Джулс покачала головой и указала в сторону выхода.

— Ты уже поел, выпил, оскорбил мою инсталляцию и получил удовольствие от собственного голоса. Можешь считать вечер успешным и идти раздражать людей, которым за это хотя бы платят.

Кэм посмотрел на часы и поправил манжету.

— Почти успешным. Для полного счастья мне не хватает плохих показателей No. 9, но сегодня ты неожиданно решила проявить компетентность, поэтому придётся дождаться октябрьского отчёта.

Джулс снова шагнула к нему.

— Запомни эти слова, потому что, когда повторные продажи окажутся выше прогноза, я лично принесу отчёт в твой стерильный офис и заставлю тебя прочитать каждую цифру вслух.

Кэм улыбнулся с тем самым самодовольным удовольствием, которое ей особенно хотелось стереть с его лица.

— Если окажутся ниже, можешь не приходить. Я найду тебя первым и, по старой традиции, принесу шампанское.

Выражение Джулс стало опасным.

— Если ты снова отправишь мне ящик с запиской «Ничего личного», я верну бутылки способом, не предусмотренным производителем.

— Вот теперь я узнаю итальянскую деловую культуру: угроза ясная, жестикуляция выразительная, а бутылка вина каким-то образом снова оказалась в центре разговора.

— Моя деловая культура рекомендует тебе уйти, пока ты ещё способен сделать это самостоятельно.

Кэм поднял бокал в её сторону и начал отступать, сохраняя совершенно невозмутимую улыбку.

— Ничего личного, Rossa.

— Не называй меня так, если дорожишь своими прекрасными настоящими зубами.

— Обязательно учту это пожелание в следующий раз, Rossa.

Он развернулся и ушёл прежде, чем Джулс успела решить, что раздражает её сильнее: шампанское в его руке, самодовольная улыбка или это идиотское прозвище. Она проводила его взглядом только для того, чтобы убедиться, что он действительно уходит, после чего поправила выбившуюся кудрявую прядь и пробормотала такое выразительное итальянское ругательство, что проходивший рядом официант немедленно ускорил шаг. Теперь октябрьский отчёт превратился в вопрос принципа, если повторные продажи No. 9 хотя бы на одну десятую процента превысят прогноз, Джулс лично найдёт этого самодовольного засранца и заставит признать её победу. Шампанского она ему не принесёт, пусть страдает трезвым.

Нью-Йорк после одиннадцати всё ещё хранил дневное тепло. Из ресторанов на тротуары вынесли последние столики, двери баров оставались открыты, велосипедисты лавировали между такси, а люди шли по улицам без цели, словно сентябрь подарил городу ещё один летний вечер и никто не собирался тратить его на возвращение домой.

Джулс села в машину с букетом пионов, туфлями в одной руке и временной табличкой в другой. Водитель включил радио, и из динамиков снова зазвучала *Love Lost*. За окном проплывали освещённые витрины, отели и лица незнакомых людей: девушка в серебряном платье смеялась, запрокинув голову, пожилая пара делила мороженое у входа в парк, мужчина пытался поймать такси, удерживая спящего ребёнка на руках.

День был идеальным. Даже катастрофа оказалась той разновидностью бедствия, после которой тебя называли лидером и вручали цветы. В понедельник Джулс получит должность, ради которой девять лет приходила раньше остальных, уходила позже, принимала решения, от которых другие отказывались, и защищала идеи до тех пор, пока они не начинали казаться очевидными всему совету. Она позволила себе представить кабинет на тридцать втором этаже. Снимет тяжёлые шторы, переставит стол к окну, уберёт холодные кожаные кресла и поставит у стены макет первой кампании, которую провела для VELA. По пятницам будет собирать руководителей без повестки, чтобы лучшие идеи хотя бы иногда рождались не внутри таблицы. Через год запустит европейское направление. Через три — войдёт в глобальный совет. Джулс всегда было легче представлять жизнь в кварталах.

В квартире её встретила тишина. Она включила свет, и пространство послушно проявилось: кремовый диван без единой складки, низкий стеклянный стол, две дизайнерские вазы, книги по искусству, выстроенные корешками одного оттенка, и огромные окна, за которыми мерцал Манхэттен. Квартира была красивой настолько, что несколько лет назад попала в интерьерный журнал. Дизайнер назвал её «пространством современной женщины, которая точно знает, чего хочет». Вероятно, именно поэтому здесь почти ничто не сообщало, кто эта женщина. На стенах не было семейных фотографий. На кухне не стояло кружек с надписями, магнитов из поездок или тарелки, оставленной после завтрака. Подушки лежали в том же порядке, что утром, воздух сохранял прохладу кондиционера, а обеденный стол уже несколько месяцев использовался только для документов и цветочных композиций после удачных запусков. Джулс поставила пионы в раковину, сбросила туфли и открыла холодильник. Внутри с утра ничего не поменялось, поэтому она закрыла дверцу и заказала пиццу.

Телефон зазвонил прежде, чем приложение подтвердило доставку. На экране появилась фотография матери, однако после принятия вызова Джулс увидела сразу три лица, с трудом помещавшиеся в кадр.

— Наконец-то! — воскликнула мать. — Мы звоним уже семь минут, а ты не отвечаешь. Я сказала отцу, что после такого вечера тебя наверняка окружили журналисты, но он решил, что ты потеряла телефон.

— Я сказала, что она разговаривает с советом, — возразила сестра, пытаясь отодвинуть отца локтем. — Папа решил, что телефон украли.

— В Нью-Йорке крадут телефоны, — с достоинством сообщил отец. — Об этом постоянно говорят в новостях.

— Папа, ты живёшь в сорока минутах от меня.

— Именно поэтому я смотрю нью-йоркские новости.

Джулс рассмеялась и устроилась на диване, поджав под себя ноги. Семья заговорила одновременно: мать рассказывала, как плакала на дорожке вместе с ней, сестра обсуждала платье Эвелин, отец требовал уточнить, действительно ли цифры заказов появились в реальном времени.

— Это была моя идея, — объяснила Джулс. — Если люди видят, как другие покупают, они чувствуют себя участниками события, а не зрителями.

— Я ничего не купил, — заметил отец. — Мне и так казалось, что я участвую.

— Ты не целевая аудитория.

— Мне нравится флакон.

— Он десять минут объяснял, куда сможет наливать оливковое масло, когда духи закончатся, — сообщила сестра.

— Отлично, значит, дизайн работает.

Мать приблизила телефон так близко, что в кадре остались только её глаза.

— На работе что-нибудь сказали о понедельнике?

Джулс попыталась сохранить нейтральное выражение, но семья знала её слишком давно.

— Лео напомнил, что к девяти нужно быть в большой переговорной.

На экране воцарилась тишина, а затем все трое заговорили одновременно.

— Я знала, — заявила мать.

— Это ещё не официально, — возразила Джулс.

— Конечно, официально, просто мужчины в костюмах любят делать вид, что придумали решение в ту минуту, когда его объявили, — сказала сестра. — Нужно заказать стол, — решил отец. — В понедельник вечером. В том итальянском месте, где не портят пасту сливками.

— Ничего ещё не решено.

— Девять лет решено, — отрезала мать. — Они не могли не выбрать тебя после всего, что ты сделала для этой компании. Твоя команда это знает, совет знает, даже тот ужасный мужчина из AURELLE знает.

— Кэм Хейз не ужасный, — сказал отец. — Он хорошо выступает по телевизору.

Джулс медленно выпрямилась.

— Откуда ты знаешь, как он выступает по телевизору?

— Я посмотрел ваши дебаты о скидках. Он сказал, что скидка без стратегии приучает покупателя не покупать по полной цене. Разумный мужчина.

— Он самодовольный мужчина.

— Одно не исключает другое, — заметила сестра.

— Не начинай.

— Я всего лишь говорю, что он красивый. Это объективное наблюдение, а не предложение выйти за него замуж.

— Он не красивый.

Мать посмотрела на неё тем особенным взглядом, которым итальянские женщины встречали ложь, слишком бессмысленную, чтобы тратить силы на разоблачение. — Джулия.

— Хорошо, у него симметричное лицо. Это не достоинство, а генетическая случайность, которой он пользуется с совершенно неприличным удовольствием.

— Значит, ты заметила, — протянула сестра.

— В помещении были глаза. Все заметили.

— А он тебя поздравил?

— В своей обычной манере, после которой хочется проверить карманы и вызвать юриста.

— Мне уже нравится этот мужчина, — сказала сестра.

— Тебе нравится любой мужчина, которого я не выношу.

— Потому что рядом с ними ты хотя бы рассказываешь не только о работе. Реплика прозвучала легко, почти шутливо, однако на несколько секунд Джулс перестала улыбаться. Мать заметила это первой и немедленно начала обсуждать понедельничный ужин, спорить с отцом о ресторане и обещать привезти домашний тирамису, потому что в городе разучились правильно взбивать маскарпоне.

Разговор продолжался ещё двадцать минут. Когда курьер принёс пиццу, мать потребовала показать коробку и возмутилась количеством базилика. Отец снова спросил о цифрах. Сестра прислала фотографию Кэма с сегодняшнего мероприятия и три смеющихся смайлика, после чего была немедленно удалена Джулс из семейного чата и добавлена обратно матерью.

К полуночи они наконец попрощались, экран погас, и вместе с ним исчезли голоса, смех и домашний шум. В квартире снова заработал кондиционер. Где-то за стеной тихо закрылась дверь, по улице прошла машина, а в вазе едва слышно расправлялись пионы. Джулс осталась на диване с куском остывшей пиццы в руке.

Она не была несчастна. Эта мысль показалась настолько нелепой, что она почти рассмеялась. У неё была работа, которую она любила, квартира, о которой когда-то могла только мечтать, семья, способная превратить пятиминутный звонок в общественное мероприятие, друзья и команда, уже приславшие десятки сообщений. В понедельник она получит должность, к которой шла всю взрослую жизнь. У неё было всё, просто иногда, когда звонок заканчивался, всё это занимало удивительно мало места в большой тихой комнате. Одиночество мелькнуло коротко, почти невежливо, как незнакомец, случайно посмотревший в открытое окно. Джулс не дала ему задержаться. Она убрала коробку с пиццей, открыла ноутбук и загрузила финальный отчёт по запуску.

За окнами сентябрьский Нью-Йорк продолжал жить своей прекрасной, шумной, совершенно непредсказуемой жизнью. На улице кто-то смеялся, из открытого окна проезжавшей машины доносилась музыка, а в пустом кабинете на тридцать втором этаже уже ждали свежая краска, новый стол и дверь, на которой совсем скоро должно было появиться её имя.

Примечание к главе

Презентация No. 9 должна была стать безоговорочной победой Джулс Моретти — пока на вечере не появился Кэм Хейз. Он пришёл посмотреть на провал VELA, она намерена заставить его пожалеть об этом визите. Шампанское, острые реплики и очередное столкновение двух людей, которые терпеть друг друга не могут.

Визуализация «Ничего личного, Rossa»: ссылка на Pinterest

Глава 2. За будущего директора

Саундтрек к главе:
Sweet Harmony — The Beloved

— Доброе утро, Нью-Йорк! На календаре суббота, тринадцатое сентября, за окном двадцать семь градусов, и если вы вчера убрали летние вещи, город официально просит прощения за ложные надежды. Сегодня нас ждут солнце, лёгкий ветер и вечер, который звёзды настоятельно рекомендуют не планировать слишком подробно. Овны, сегодня вам полезно провести некоторое время в тишине. Не волнуйтесь, это не наказание. Просто остальным знакам нужен выходной. […] Рыбы, ближайшие сорок восемь часов могут оказаться последними перед большим изменением. Позвольте себе сделать что-нибудь бесполезное и постарайтесь не превращать отдых в проект с измеримыми показателями.

В субботу Нью-Йорк проснулся с лёгким опозданием и без малейших угрызений совести. Пятничная деловитость исчезла с улиц ещё до рассвета. К девяти утра город уже пах горячим хлебом, мокрым асфальтом после ночной уборки и кофе, который разливали в бумажные стаканы размером с небольшую вазу. На Верхнем Ист-Сайде открывались цветочные лавки, собаки тащили сонных хозяев к Центральному парку, а возле кафе под полосатыми навесами появлялись первые люди, твёрдо убеждённые, что завтрак на открытой террасе является достаточной причиной простить сентябрю почти тридцатиградусную жару.

Джулс собиралась провести этот прекрасный день за работой. В половине десятого она сварила кофе, ровно в десять открыла ноутбук, в десять пятнадцать проверила ночные продажи No. 9, в десять двадцать три отправила Мии сообщение с вопросом по европейской статистике, а в десять тридцать семь получила ответ.

Мия: *Сегодня суббота.*

Джулс посмотрела на экран и набрала:

Джулс: *Я знаю.*

Три точки появились почти сразу.

Мия: *Тогда это ещё страшнее.*

Джулс уже собиралась объяснить, что человек, который в понедельник вполне может стать исполнительным директором крупной международной компании, имеет полное право интересоваться продажами по выходным, когда в дверь позвонили. Она проигнорировала первый звонок, затем второй и даже не подняла головы от таблицы. Однако на третий раз звонок превратился в длинную непрерывную трель, и вариантов оставалось всего два: либо в коридоре действительно случился пожар, либо приехала Харпер.

— Если это пожар, я уже эвакуируюсь эмоционально! — крикнула Джулс, продолжая смотреть в экран.

За дверью тут же раздался голос Харпер:

— Пожар не принёс бы тебе круассаны и, поверь мне, был бы гораздо менее настойчивым!

Следом прозвучал второй голос — спокойный, безупречно ровный и потому почему-то ещё более угрожающий.

— У нас есть ключ, Джулия, и мы звоним исключительно потому, что Харпер считает незаконное проникновение недостаточно дружелюбным способом начать утро.

— Я считаю его гораздо более эффективным, — тут же уточнила Харпер. Джулс закрыла глаза, медленно выдохнула и пробормотала:

— Madonna santa.

Через несколько секунд дверь всё-таки открылась. Первой в квартиру вошла Мэдди Кларк с двумя бумажными пакетами в руках и тем выражением лица, с которым другие женщины могли явиться на заседание совета директоров и совершенно спокойно сообщить о недружественном поглощении. Мэдди была красивой той безукоризненной, почти классической красотой, которая особенно раздражала Джулс до полудня. Светлые волосы были собраны в гладкий низкий пучок, золотистые пряди лежали одна к одной, тонкие серьги едва заметно поблёскивали возле шеи, а на переносице сидели очки в тонкой золотой оправе, подходившие ей настолько идеально, что казались скорее украшением, чем необходимостью. Светло-голубое платье с поясом завершало картину и выглядело так, словно последние двадцать минут Мэдди провела не в субботнем нью-йоркском такси, а в рекламе жизни, в которой никто никогда не терял зарядку, не забывал оплатить парковку и не обнаруживал пятно от кофе за три минуты до встречи.

Следом появилась Харпер Брукс. Если Мэдди производила впечатление женщины, способной организовать государственный переворот, закончить всё до пяти и по дороге домой купить свежие цветы для обеденного стола, то Харпер выглядела так, словно совершенно случайно оказалась в центре того же переворота, успела подружиться с обеими сторонами, дала интервью журналистам и ушла оттуда в чьей-то чужой куртке. Её длинные рыжие волосы были распущены и уложены мягкими волнами, большие карие глаза скрывались за солнцезащитными очками, которые она тут же сдвинула на макушку, а короткая юбка, белая майка и свободный кожаный жакет каким-то образом выглядели так, будто Харпер выбирала одежду перед сном, потому что считала это таким же обязательным вечерним ритуалом, как почистить зубы и поставить телефон на зарядку. Через плечо висела маленькая сумка, совершенно бесполезная для хранения чего-либо необходимого, зато идеально подходившая к обуви. В одной руке Харпер держала кофе, а в другой — бутылку просекко. Джулс сначала посмотрела на бутылку, затем перевела взгляд на часы и заметила:

— Сейчас десять сорок две.

— Я умею определять время, — сообщила Харпер, проходя в квартиру. — Это один из навыков, которые мне удалось освоить вместо здоровых отношений. Мэдди тем временем направилась прямо на кухню и, даже не оборачиваясь, напомнила:

— Для здоровых отношений сначала нужны отношения, которые ты старательно избегаешь.

— Я не избегаю отношений, — возразила Харпер. — Просто пока ни один мужчина не прошёл испытательный срок.

Мэдди поставила пакеты на остров и посмотрела на неё с тем терпеливым выражением, которое обычно появлялось у неё перед особенно бессмысленным разговором.

— Большинство из них даже не знали, что были приняты на работу.

— Значит, проблема была в коммуникации, — невозмутимо ответила Харпер. Джулс указала на бутылку просекко.

— А это зачем?

— Для мимозы.

— Я не пью мимозу в десять утра.

Харпер посмотрела на часы и кивнула так серьёзно, словно действительно собиралась решить проблему.

— Прекрасно. Значит, подождём восемнадцать минут и сохраним твою репутацию.

Пока они спорили, Мэдди уже успела разложить на кухонном острове содержимое пакетов: контейнеры с фруктами, сыр, йогурт, выпечку и небольшую банку клубничного джема. Джулс наблюдала за этим всё более подозрительно, а потом всё-таки спросила:

— Ты принесла завтрак на троих?

— На четверых, — спокойно поправила Мэдди.

— Нас трое.

— Я учла вероятность того, что Харпер съест две порции.

Харпер, уже успевшая откусить кусок круассана, подняла его в воздух и с набитым ртом произнесла:

— Именно поэтому наш брак продержался бы дольше твоего.

На мгновение в кухне стало тише, Мэдди очень аккуратно поставила банку джема на стол и напомнила всё тем же спокойным тоном:

— Мой брак продержался семь лет.

Выражение Харпер сразу изменилось.

— Я знаю, — сказала она уже мягче. — И закончился исключительно благодаря его неспособности понять, что изменять женщине, которая знает пароль от семейного облака, технически безграмотно.

Мэдди разгладила салфетку.

— Это был действительно необдуманный поступок.

— Он спал с коллегой в отеле, который забронировал с вашей общей карты, — напомнила Харпер. — Мне кажется, слово «необдуманный» здесь проявляет к нему неоправданную щедрость.

Мэдди чуть подняла брови.

— Я сказала, что поступок был необдуманный, а не загадочный. Джулс не выдержала и рассмеялась, Мэдди взглянула на неё с лёгкой удовлетворённой улыбкой.

— Наконец-то. Значит, вмешательство уже приносит результаты.

— Какое ещё вмешательство?

Харпер подошла к дивану и без всяких церемоний забрала ноутбук прямо у Джулс из-под рук.

— Вот это.

— Харпер, верни ноутбук, — потребовала Джулс, протягивая руку. — Там работа.

— Именно поэтому я его и забрала.

— Харпер, я тебя предупреждаю.

— А я тебя люблю, поэтому наши позиции взаимно уничтожаются, — сообщила та и захлопнула ноутбук, прежде чем передать его Мэдди. Та совершенно невозмутимо унесла компьютер на кухню и положила его подальше от Джулс. Джулс медленно повернула голову сначала к ней, потом к Харпер.

— Вы только что спрятали мой компьютер в моей же квартире? — Да, — спокойно подтвердила Мэдди. — Было бы довольно странно отвозить его ко мне.

— Вы понимаете, что в понедельник я вполне могу стать исполнительным директором VELA? — напомнила Джулс, словно само название должности должно было немедленно восстановить порядок.

Харпер уселась на край дивана и совершенно серьёзно ответила: — Вот именно. Исполнительным директором VELA, а не нашим. Если попробуешь руководить нами, я создам профсоюз.

Мэдди налила себе кофе и, не отрывая взгляда от чашки, добавила:

— В таком случае я буду представлять работодателя.

Харпер возмущённо повернулась к ней.

— Предательница.

Мэдди сделала первый глоток и совершенно спокойно пожала плечами. — Я разведённая женщина с ипотекой. У меня появились приоритеты.

Они познакомились девять лет назад, когда ни одна из них ещё не была той женщиной, которой собиралась стать, хотя каждая по совершенно необъяснимой причине была уверена, что приблизительно представляет, как будет выглядеть её взрослая жизнь. Джулс тогда было двадцать два. Она только получила место младшего бренд-менеджера в VELA, жила в квартире с неисправным кондиционером, носила на работу туфли, в которых к обеду переставала чувствовать пальцы, и искренне считала, что взрослая жизнь наступает автоматически вместе с первой зарплатой, которой хватает одновременно на аренду, такси после полуночи и вино дороже двенадцати долларов.

Мэдди было двадцать четыре, и из них последние несколько лет она уже прожила так, словно давно получила подробную инструкцию к взрослой жизни и аккуратно разложила её по папкам. Она работала финансовым аналитиком в технологической компании двумя этажами выше, носила идеально выглаженные рубашки, составляла списки покупок по категориям и была единственным человеком среди их знакомых, который действительно читал банковские договоры до того, как поставить подпись. У Мэдди был жених, план свадьбы, предварительный список гостей и совершенно спокойная уверенность в том, что некоторые вещи в жизни можно сделать правильно с первого раза, если достаточно хорошо к ним подготовиться.

Харпер было двадцать один, она только начинала работать фотографом и вела небольшой блог о цветах, интерьерах и Нью-Йорке. У неё было семь тысяч подписчиков, два неоплаченных счёта, камера, стоившая почти столько же, сколько три месяца её аренды, и непоколебимая уверенность в том, что всё непременно устроится, хотя никаких объективных оснований для такой веры не существовало. Она могла потратить последние деньги на огромный букет пионов, потому что утренний свет был «слишком хорош, чтобы снимать в нём что-нибудь посредственное», а потом неделю питаться хлопьями и искренне не видеть в этой системе никаких недостатков.

Их дружба началась в лифте, куда Джулс вошла с образцами новой линейки помад, Мэдди — с контейнером домашнего лимонного пирога, а Харпер — с таким огромным букетом пионов для съёмки, что первые несколько этажей они практически не видели её лица. Лифт остановился между четырнадцатым и пятнадцатым этажами. Первые две минуты Джулс пыталась связаться с диспетчером, параллельно возмущаясь тем, что в здании с такой стоимостью аренды вообще возможно застрять в лифте, а на третьей Мэдди уже нашла номер обслуживающей компании, сообщила оператору точный адрес, номер кабины и потребовала назвать приблизительное время прибытия техника. Харпер продержалась до пятой минуты, после чего опустила пионы на пол, уселась рядом с ними, посмотрела на контейнер в руках Мэдди и предложила начать с пирога, потому что, если им всё-таки суждено умереть между четырнадцатым и пятнадцатым этажами, совершенно бессмысленно оставлять хороший десерт спасателям.

Много лет спустя Мэдди всё ещё любила напоминать, что пирог вообще-то принадлежал ей, на что Харпер неизменно отвечала, что теперь он является частью их общей истории происхождения и потому вопрос собственности давно утратил юридическую силу. Когда Мэдди уточняла, что Харпер в одиночку съела почти половину, та ссылалась на состояние сильнейшего стресса, а замечание о том, что в тот момент она сама говорила, как ей весело, встречала неизменным объяснением, что у неё просто очень сложные отношения со стрессом. Через сорок семь минут двери наконец открылись, однако к тому моменту необходимость продолжать знакомство уже не обсуждалась. Харпер успела узнать, что Джулс была старшей из трёх дочерей итальянских эмигрантов, Джулс выяснила, что Мэдди собиралась замуж следующей весной, а Мэдди каким-то образом получила достаточно информации о финансовом положении Харпер, чтобы составить ей список расходов и объяснить, почему её кредитная карта второй месяц уходила в минус. В тот же вечер они пошли выпить, через неделю сделали это снова,

а спустя несколько месяцев уже проводили вместе пятницы, отмечали дни рождения и встречали Рождество у семьи Джулс, где её мать после первого же совместного ужина решила, что Мэдди слишком худая, а Харпер слишком одинокая. Первое утверждение было спорным, а второе Харпер с большим энтузиазмом отрицала следующие девять лет, хотя со временем даже ей самой становилось всё сложнее понять, спорит она с матерью Джулс или всё-таки с собой.

К тридцати годам у Харпер была жизнь, которой её двадцатиоднолетняя версия пришла бы в восторг. Семь тысяч подписчиков превратились в огромную аудиторию, способную за несколько часов раскупить вазу, платье или редкий сорт роз, её приглашали на открытия, отправляли цветы бренды, фотографии появлялись в журналах, а квартира выглядела именно так, как когда-то выглядели сохранённые ею картинки из интернета. Она путешествовала, зарабатывала собственные деньги, покупала себе всё то, для чего раньше ждала особого случая, и совершенно искренне любила жизнь, которую построила. Только с мужчинами за девять лет почти ничего не изменилось. У Харпер никогда не было настоящих отношений, но недостатка в мужском внимании она тоже никогда не испытывала. Она любила флирт — лёгкий, ни к чему не обязывающий, существующий ровно до тех пор, пока никто не пытался придать ему какое-нибудь серьёзное значение. Харпер могла весь вечер обмениваться с мужчиной взглядами через бар, смеяться над его шутками, позволить угостить себя коктейлем и совершенно невинно довести его до уверенности, что между ними определённо что-то происходит, потому что ей нравилась сама игра: чужая улыбка, остроумные реплики, приятное ощущение собственной привлекательности и возможность уйти домой с хорошим настроением.

Проблемы начинались в тот момент, когда мужчина предлагал встретиться снова. До настоящих свиданий Харпер практически никогда не доходила. Стоило прозвучать безобидному «может, поужинаем в пятницу?», как весь её азарт куда-то исчезал, а прекрасно проведённый вечер внезапно превращался в ситуацию, из которой хотелось выбраться как можно быстрее. Она могла дать номер и потом три дня смотреть на непрочитанное сообщение, согласиться встретиться и через час придумать вполне убедительную причину отменить планы или сразу с очаровательной улыбкой объяснить, что сейчас совершенно не ищет ничего серьёзного, хотя мужчина ещё даже не успел предложить ей ничего серьёзнее кофе.

Раньше её это исключительно веселило. В двадцать три она говорила, что свидания отнимают слишком много времени, в двадцать шесть утверждала, что ещё не встретила мужчину интереснее собственной жизни, а к тридцати превратила своё вечное бегство в настолько отработанную шутку, что даже Джулс иногда забывала: за девять лет Харпер так ни разу и не позволила ни одному мужчине узнать себя дальше безопасного флирта.

С Мэдди произошло почти обратное. В тридцать три года она имела практически всё, что когда-то запланировала в двадцать четыре: хорошую работу, дом в Бруклине, красивую кухню, на которой всё действительно стояло на своих местах, мужа, с которым прожила семь лет, общих друзей, семейные фотографии и расписанную на месяцы вперёд жизнь. Мэдди умела устраивать ужины на двенадцать человек так, что к приходу гостей на кухне не оставалось ни одной грязной тарелки, помнила дни рождения чужих родителей и никогда не приезжала в аэропорт меньше чем за два часа до вылета. А потом выяснилось, что человек, с которым она собиралась прожить всю жизнь, спит с другой женщиной.

Самым тяжёлым для Мэдди оказался даже не сам развод, а то, что измена разрушила её любимое убеждение: если всё делать правильно, можно уберечь себя от неправильного результата. Она выбрала мужчину внимательно, не торопилась со свадьбой, разговаривала о деньгах, детях, работе и будущем, помнила годовщины, не оставляла проблемы нерешёнными и действительно старалась быть хорошей женой, но ни один из этих пунктов не помешал её мужу однажды забронировать номер в отеле с их общей карты и отправиться туда с коллегой.

Мэдди переживала развод так же, как делала всё остальное: собранно. Она нашла адвоката, собрала документы, разделила счета, поменяла страховку, составила список вещей, кото-

рые необходимо забрать из дома, и ни разу не позволила бывшему мужу увидеть, как сильно он её сломал. Только Джулс и Харпер знали, что несколько месяцев после развода она почти не спала, переставляла банки на кухне в три часа ночи и могла внезапно замолчать посреди обычного разговора, потому что ещё не привыкла говорить о будущем в единственном числе. Теперь её жизнь снова была аккуратно собрана, только Мэдди больше не верила, что порядок способен кого-нибудь защитить. Она всё ещё составляла списки, приходила вовремя и складывала салфетки ровными квадратами, но впервые за много лет не знала, как будет выглядеть её жизнь через пять лет, и именно эта неопределённость пугала её гораздо сильнее самого одиночества.

Джулс всё это время оставалась в VELA, и если жизнь Харпер разрослась во все стороны, а тщательно выстроенная жизнь Мэдди однажды треснула посередине, её собственная двигалась по одной прямой, которую она выбрала ещё в двадцать два. За девять лет младший бренд-менеджер превратилась в женщину, чьего решения ждали целые отделы. Между первой должностью и сегодняшним утром уместились десятки кампаний, слишком много кофе, несколько болезненных провалов, гораздо больше побед, бессонные недели перед запусками и медленное исчезновение людей между ней и самой высокой должностью, на которую она когда-либо позволяла себе рассчитывать. Теперь Джулс был тридцать один год, и в понедельник она собиралась войти в большую переговорную на верхнем этаже VELA, где совет директоров должен был окончательно решить, кому доверить компанию.

За девять лет они втроём получили почти всё, о чём когда-то говорили в застрявшем лифте, доедая чужой лимонный пирог. Просто никто из них тогда не догадался спросить, что будет, если однажды полученная взрослая жизнь окажется совсем не такой простой, как они себе представляли.

— Сегодня мы празднуем, — объявила Харпер несколько часов спустя, устроившись поперёк дивана Джулс с таким удобством, словно квартира принадлежала ей как минимум наполовину. Она лениво листала что-то в телефоне, время от времени задерживаясь на особенно интересных фотографиях, и по её тону можно было подумать, что вопрос уже решён и обсуждению подлежит исключительно время выхода из дома.

Джулс оторвалась от журнала и посмотрела на неё поверх страниц. — Люди обычно празднуют после того, как событие произошло. Именно поэтому существует шампанское после победы, а не перед ней, иначе это называется не празднованием, а преждевременной самоуверенностью, и мне совершенно не хочется давать вселенной повод испортить понедельник. — Какая удивительно мрачная философия для женщины, которая последние девять лет рассказывала нам, что однажды будет руководить VELA, — заметила Харпер. — Ты уже выбрала кабинет, мысленно уволила половину людей, которые тебя раздражают, и наверняка хотя бы раз представляла своё имя на двери, но выпить за это в субботу почему-то считается проявлением опасной самоуверенности.

— Я никого мысленно не увольняла.

Мэдди, сидевшая в кресле возле окна с чашкой кофе, неспешно подняла глаза.

— В прошлом месяце ты сказала, что, если Дерек ещё раз использует Comic Sans в презентации для совета директоров, его пропуск перестанет работать при загадочных обстоятельствах.

— Это было эмоциональное высказывание, а не кадровое решение. — Разумеется, — согласилась Мэдди с той безупречной серьёзностью, которая ясно давала понять, что она не поверила ни единому слову.

Харпер довольно улыбнулась и отложила телефон на живот.

— В любом случае я предлагаю перестать относиться к понедельнику как к коронации британского монарха. Ты девять лет пахала ради этой должности, пережила несколько запусков, которые должны были тебя убить, бесконечные заседания совета и того мужчину из юри-

дического отдела, который полгода называл тебя Джулианной. Если в понедельник всё пройдёт так, как должно, мы выпьем ещё раз, а если каким-то чудом не пройдёт, будем считать, что сегодня праздновали твою выдающуюся способность не убить никого за девять лет работы.

Джулс несколько секунд смотрела на неё, после чего перевела взгляд на Мэдди.

— Почему ты молчишь? Обычно именно на этом этапе ты объясняешь ей, что её аргументация не выдерживает элементарной проверки логикой.

Мэдди осторожно поставила чашку на блюдце.

— Потому что в данном случае я согласна с основной идеей, хотя категорически возражаю против способа её изложения. Праздновать назначение действительно рано, но отметить окончание девяти лет ожидания вполне допустимо. К тому же в последние три недели ты приходила домой исключительно для того, чтобы сменить одежду, поспать пять часов и снова уехать в офис, поэтому один вечер без VELA едва ли приведёт компанию к банкротству.

— Вот видишь! — Харпер вскинула руку в сторону Мэдди. — Даже Бюро по контролю человеческого поведения выдало тебе разрешение на веселье. Мэдди поправила очки в тонкой золотой оправе и посмотрела на неё с лёгким неодобрением.

— Если уж сравнивать меня с государственным учреждением, я предпочла бы что-нибудь с большим бюджетом.

— Я подумаю над ребрендингом.

Джулс закрыла журнал, уже понимая, что сопротивление становится бессмысленным.

— Допустим, я соглашусь на ваше совершенно необоснованное предположение, что мне необходимо куда-нибудь выйти. Что именно вы предлагаете?

Харпер улыбнулась так мгновенно и довольно, что Джулс сразу поняла:

задавать этот вопрос было ошибкой.

— Бар. В Вест-Виллидж. Он открылся недавно, туда пока не добрались туристы, там потрясающие коктейли, нормальная музыка и, судя по фотографиям, ни одного стула, который выглядит так, будто его украли из школьной столовой.

— Нет.

— Ты даже не спросила, как он называется.

— Мне совершенно не обязательно знать название места, чтобы понимать, что завтра утром я проснусь с головной болью, найду в сумке чек на сумму, которую предпочла бы не видеть, и обнаружу сорок семь фотографий, на половине из которых ты будешь утверждать, что это «естественный свет». — Во-первых, хороший свет нельзя игнорировать. Во-вторых, именно поэтому человеку и нужны близкие друзья: плохие решения, принятые коллективно, гораздо приятнее вспоминать, потому что всегда можно обвинить кого-нибудь другого.

— Ответственность от количества участников никуда не исчезает, — заметила Мэдди.

Харпер медленно повернула к ней голову.

— Я очень прошу тебя хотя бы один раз не разрушать красивую мысль фактами.

— Я не разрушаю её, а всего лишь уточняю, что завтра утром каждый из нас будет нести ответственность за собственное похмелье.

— Прекрасно. Тогда мы можем закончить обсуждение и остаться дома, — с надеждой сказала Джулс.

Мэдди спокойно взяла чашку.

— Не можем. Я забронировала столик на девять.

Джулс резко повернулась к ней, потому что предательства со стороны Харпер можно было ожидать ежедневно, но Мэдди обычно хотя бы соблюдала видимость демократического процесса.

— Ты забронировала столик ещё до того, как спросила меня?

— Конечно. Сегодня суббота, хороший столик в Вест-Виллидж нельзя получить в семь вечера исключительно благодаря оптимизму, поэтому я сделала бронь вчера.

Харпер торжествующе вытянула к ней руку.

— Вот за это я бы на тебе женилась. Мне нужен человек, который будет принимать взрослые решения, пока я занимаюсь более важными вещами.

Мэдди посмотрела сначала на протянутую ладонь, потом на Харпер.

— Сегодня утром ты собиралась жениться на мне из-за круассанов.

— Мне нравятся красивые женщины, которые умеют организовать мою жизнь и регулярно меня кормят.

— Удивительно, что при таких скромных требованиях ты до сих пор одна.

— Потому что я прекрасно знаю собственные стандарты.

— Нет, — спокойно возразила Мэдди. — Потому что ты флиртуешь с мужчинами до тех пор, пока они не предлагают встретиться с тобой при дневном свете.

Харпер медленно опустила руку.

— Свидания — совершенно другая категория человеческого взаимодействия.

Джулс покачала головой, но улыбку скрыть уже не смогла.

— Один бар, несколько коктейлей, и домой мы возвращаемся в человеческое время. В понедельник мне предстоит получить компанию, и я не собираюсь встречать этот день с похмельем.

Харпер тут же схватила телефон и довольно улыбнулась.

— Конечно. Именно так и будет.

Мэдди посмотрела на неё поверх очков.

— Почему по твоему лицу видно, что ты только что солгала? — Потому что у меня очень выразительное лицо.

К девяти вечера Джулс уже начинала подозревать, что позволить Харпер распоряжаться её субботой было ошибкой, хотя признаться в этом вслух означало бы подарить подруге удовольствие, которого та совершенно не заслуживала. Дело было даже не в баре. С баром Харпер, к величайшему раздражению Джулс, снова оказалась права. Он прятался в Вест-Виллидж за неприметной тёмно-зелёной дверью без вывески и принадлежал к тем местам, которые Харпер каким-то необъяснимым образом умела находить раньше половины Нью-Йорка. Кирпичные стены тонули в мягком янтарном свете, за длинной стойкой из тёмного дерева мерцали бутылки, а маленькие круглые столики стояли достаточно близко, чтобы чужой смех время от времени смешивался с твоим собственным. Музыка звучала ровно настолько громко, чтобы приходилось чуть наклоняться к собеседнику, и в воздухе соединялись запахи цитрусовой цедры, дорогого парфюма и прохлады, проникавшей внутрь всякий раз, когда открывалась входная дверь.

Джулс пришла в чёрном платье с открытыми плечами и крупных золотых серьгах, винную помаду она считала универсальным решением для вечеров, когда требовалось выглядеть так, будто жизнь находится под полным контролем. Тёмные кудри оставила распущенными и уже после второго коктейля перестала убирать с лица каждую непослушную прядь. Харпер выбрала короткое изумрудное платье, на фоне которого её рыжие волосы казались почти медными, и за первые двадцать минут успела узнать имя бармена, похвалить туфли девушки за соседним столиком и познакомиться с лабрадором мужчины возле входа. Сам мужчина заинтересовал её заметно меньше собаки, что, по мнению Джулс, довольно точно описывало личную жизнь Харпер. Мэдди появилась в кремовом платье чуть ниже колена, с красной помадой и тонким золотым браслетом. Даже после второго коктейля она сохраняла привычную собранность, хотя последние десять минут спорила с Харпер о том, является ли «очень красивый лёд» достаточным основанием заказать напиток стоимостью двадцать восемь долларов.

Когда официант принёс следующий заказ, Харпер подняла бокал.

— Я хочу выпить за Джулию Моретти, которая девять лет строила карьеру и наконец почти добралась до кабинета, достаточно большого, чтобы никто больше не рисковал получить рукой во время особенно эмоциональной презентации.

— История о моей чрезмерной жестикуляции сильно преувеличена, — возразила Джулс и тут же едва не задела бокал, когда повернулась к Мэдди.

Повисла короткая пауза, Джулс аккуратно вернула руку на стол.

— Никто ничего не видел.

Мэдди подняла свой бокал.

— Тогда за девять лет работы, за должность, которую ты заслужила, и за то, чтобы в понедельник совет директоров не решил неожиданно потерять рассудок.

Этот вариант тоста Джулс устроил гораздо больше.

— Вот за здравый смысл совета я готова выпить.

Бокалы встретились над столом.

Первый коктейль был за будущую должность, второй — за No. 9, а третий появился исключительно потому, что Харпер неправильно услышала официанта и каким-то образом приняла предложение попробовать новый напиток за вопрос о воде. К четвёртому Мэдди незаметно сняла туфли и аккуратно поставила их возле ножки стула, Джулс обнаружила это случайно.

— Я только что увидела тебя босиком в общественном месте и теперь не уверена, что знаю тебя так хорошо, как думала.

Мэдди невозмутимо поправила юбку.

— Каблуки высотой девять сантиметров после нескольких часов перестают быть обувью и превращаются в орудие пытки. Даже у меня есть пределы.

— Я была уверена, что свои пределы ты заранее внесла в таблицу.

— Внесла. Но сегодня решила превысить допустимое значение.

Харпер, до этого изучавшая меню, отложила его и подалась вперёд. — Раз уж мы сегодня обсуждаем важные вещи, у меня есть вопрос к Джулс, который я откладывала из уважения к её частной жизни гораздо дольше, чем считаю разумным.

Мэдди подняла на неё глаза.

— Уже по вступлению ясно, что уважение закончилось.

— Именно поэтому нужно пользоваться моментом, — ответила Харпер и повернулась к Джулс. — Когда ты последний раз занималась сексом?

Джулс как раз сделала глоток и едва успела проглотить его.

— Scusa? Мы действительно собираемся обсуждать это здесь?

Харпер откинулась на спинку стула.

— Теперь я практически получила ответ.

— Каким образом?

— Потому что ты реагируешь так, будто я потребовала раскрыть государственную тайну, хотя спросила о вполне нормальной части человеческой жизни.

— Нормальная часть человеческой жизни не обязана становиться предметом коллективного обсуждения за коктейлями.

Джулс повернулась к Мэдди в надежде хотя бы там обнаружить поддержку, однако та лишь задумчиво посмотрела на неё поверх бокала.

— Я полностью поддерживаю твоё право не отвечать, но должна признать, что любопытство Харпер разделяю.

— Прекрасно. Значит, за этим столом у меня больше нет союзников.

— Зато есть люди, которые знают, что последние три недели ты проводила с

VELA больше времени, чем большинство людей проводят со своими партнёрами, — заметила Харпер. — Я начинаю подозревать, что компания должна хотя бы оплачивать тебе романтические ужины.

— VELA хотя бы никогда не спрашивает, почему я не ответила на сообщение через двадцать минут.

— Вот видишь, вы идеально подходите друг другу.

Джулс покачала головой, но улыбка всё равно появилась на её лице. За девять лет дружбы она успела выяснить, что спорить с Харпер можно сколько угодно, однако рано или поздно та всё равно произнесёт что-нибудь настолько нелепое, что сохранить возмущённый вид станет физически невозможно. Харпер уже переключилась на что-то другое. Её взгляд скользнул мимо Джулс и задержался где-то у барной стойки, а губы медленно растянулись в улыбке, которую Джулс знала слишком хорошо. К тому времени вечер уже успел перейти ту приятную границу, после которой никто больше не проверял время каждые десять минут. За длинной стойкой звенел лёд в металлических шейкерах, бармены двигались между рядами бутылок с почти хореографической точностью, а янтарный свет делал кирпичные стены теплее и мягче. Музыка звучала чуть громче, чем час назад, и всякий раз, когда открывалась тёмнозелёная дверь, внутрь вместе с прохладным сентябрьским воздухом проникал шум Вест-Виллидж — обрывки разговоров, автомобильные гудки, чей-то смех и музыка из проезжавшей машины. За девять лет Джулс прекрасно изучила выражение лица подруги, которое предшествовало идеям, обычно начинавшимся со слов «только посмотри» и заканчивавшимся гораздо позже, чем планировалось.

— Даже не начинай, — предупредила она, ещё не зная, что именно происходит.

— Я вообще ничего не сказала.

— В этом и проблема. Когда ты молчишь с таким лицом, я начинаю беспокоиться за своё ближайшее будущее.

Харпер слегка наклонилась через стол и понизила голос, хотя её глаза уже выдавали всё удовольствие от происходящего.

— За тобой сидит очень красивый мужчина.

Джулс тут же обернулась, Харпер тихо простонала и закрыла глаза.

— Господи, Джулс. Можно было хотя бы сделать это незаметно.

— Зачем? Я хочу посмотреть на мужчину, поэтому смотрю на мужчину. Мы обе взрослые люди, он переживёт.

Мэдди невозмутимо отпила бурбон.

— В аргументации действительно трудно найти слабое место.

Мужчина сидел один у дальнего края стойки, там, где свет становился мягче и лица людей иногда скрывались в отражениях бутылок и зеркал. На вид ему было около тридцати пяти. Тёмные волосы у висков едва заметно тронула ранняя седина, рукава белой рубашки были небрежно закатаны до локтей, открывая сильные предплечья, а на запястье поблёскивали часы — дорогие, но достаточно сдержанные, чтобы владелец явно не покупал их ради чужого внимания. Перед ним стоял низкий стакан с бурбоном, телефон лежал экраном вниз. Джулс окинула его быстрым взглядом и без всяких угрызений совести задержалась чуть дольше на руках. Мужчина был красивым. Не той тщательно собранной красотой, которая требовала идеального костюма, правильного света и знания собственного лучшего ракурса, а взрослой и спокойной. Он сидел свободно, слушал что-то, что рассказывал бармен, время от времени улыбался и не оглядывал помещение в поисках женщины, на которой следовало остановить вечер.

Будто почувствовав чужое внимание, мужчина поднял глаза и поймал Джулс на том, что она его рассматривает. Отводить взгляд было уже поздно, да и особого желания у неё не возникло, поэтому вместо того, чтобы изображать внезапный интерес к бутылкам бурбона у него за спиной, она чуть приподняла брови и улыбнулась. Мужчина ответил такой же спокойной

улыбкой, без самодовольства и без попытки превратить случайный обмен взглядами в приглашение, после чего Джулс совершенно спокойно повернулась обратно к подругам.

— Да, красивый, — заключила она, беря коктейль.

Харпер ждала продолжения, а когда поняла, что его не последует, разочарованно нахмурилась.

— И это всё? Я рассчитывала хотя бы на небольшое женское волнение, сбившееся дыхание или что-нибудь ещё, подтверждающее, что ты заметила не новую рекламную кампанию, а привлекательного мужчину.

— Мне тридцать один, а не шестнадцать, Харпер. Красивые мужчины существуют, иногда я даже разговариваю с ними, а размер обуви отсюда всё равно не определю.

Мэдди опустила взгляд в бокал, скрывая улыбку, зато Харпер сдаваться не собиралась.

— Судя по последним месяцам, разговариваешь ты с ними исключительно на совещаниях, поэтому я считаю сегодняшний случай заслуживающим внимания. — Не порть хороший момент упоминанием работы, — предупредила Джулс, указывая на неё бокалом.

Харпер тут же повернулась к Мэдди.

— Ты слышала? Запомни дату, потому что Джулс попросила не говорить о работе добровольно и без угроз. Возможно, больше мы этого никогда не услышим.

Мэдди, однако, уже смотрела куда-то за плечо Джулс и после короткого наблюдения спокойно поставила стакан на стол.

— Думаю, у вас будет возможность продолжить этот чрезвычайно важный разговор позже, потому что мужчина, которого мы так тщательно обсуждаем, сейчас идёт сюда.

Джулс машинально провела пальцами по волосам, убирая с лица тёмный локон, и этого оказалось достаточно, чтобы Харпер просияла.

— Только ничего не говори, — сразу предупредила Джулс.

— Я вообще-то молчу.

— Ты никогда не молчишь с таким выражением лица.

— Мне просто интересно, почему волосы, которые совершенно не мешали тебе последние два часа, внезапно потребовали срочного вмешательства.

Джулс наклонилась к ней через стол.

— Если ты скажешь ему хоть слово об этом, я расскажу, что твой самый стабильный мужчина за последний год — бариста возле твоего дома, который рисует сердечки на стаканах.

— Его зовут Мэтт, и между нами исключительно профессиональные отношения.

— Именно поэтому веди себя прилично.

— Я всегда веду себя прилично.

Мэдди отпила бурбон и совершенно невозмутимо заметила:

— Это утверждение настолько далеко от действительности, что я даже не знаю, с какой стороны начинать возражать.

Мужчина подошёл прежде, чем Харпер успела защитить свою репутацию. Вблизи он оказался выше, чем показалось Джулс из-за стойки, ранняя седина у висков была заметнее и каким-то образом только добавляла ему привлекательности, а белая рубашка с закатанными рукавами сидела на нём с той небрежностью, на которую обычно уходит гораздо больше времени, чем мужчины готовы признать. Но больше всего Джулс понравилось отсутствие привычного спектакля. Он не расправлял плечи перед самым столиком, не оглядывал их по очереди, оценивая шансы, и не улыбался так, будто уже сделал им огромное одолжение своим появлением. В его поведении чувствовалась спокойная уверенность человека, который вполне допускает, что ему могут отказать, и не собирается воспринимать это как личную трагедию.

Подойдя к столику, он остановился на удобном расстоянии и посмотрел на стакан Мэдди.

— Простите, что вмешиваюсь в ваш вечер, но бармен только что сообщил мне довольно неприятную новость: последний хороший бурбон достался вашему столику. Я решил хотя бы познакомиться с человеком, которому сегодня повезло больше, чем мне.

Мэдди чуть приподняла стакан.

— Если вы подошли в надежде, что я поделюсь, боюсь, знакомство начнётся с разочарования.

— Нет, что вы. Хорошим бурбоном делиться нельзя, и, если бы вы согласились, я бы, пожалуй, потерял к вам уважение.

В уголках губ Мэдди появилась едва заметная улыбка.

— В таком случае вы начали знакомство довольно разумно.

— Ничего себе, — вмешалась Джулс. — Ты получил одобрение Мэдди примерно за двадцать секунд. Я знаю её девять лет и всё ещё периодически прохожу повторную аттестацию.

— Я оценила исключительно его отношение к бурбону, — уточнила Мэдди. — Не нужно приписывать мне поспешные решения.

Мужчина улыбнулся.

— Хорошо, что предупредили, а то я уже собирался расслабиться.

— Не советую, — вмешалась Харпер. — Расслабляться рядом с Мэдди можно только после письменного разрешения.

— Устного вполне достаточно, — поправила её Мэдди.

— Видишь? Сегодня она в хорошем настроении.

Мужчина рассмеялся, и Харпер первой назвала своё имя, следом представилась Мэдди. Джулс протянула руку.

— А я Джулс.

— Лукас. Очень приятно.

Его ладонь оказалась тёплой, рукопожатие — коротким и уверенным, без привычной попытки задержать чужие пальцы хотя бы на секунду дольше необходимого.

— Пока взаимно, — ответила Джулс.

— Мне нравится это «пока». Я уже успел сделать что-нибудь подозрительное?

— Я тебя не знаю, поэтому всё ещё впереди. Вдруг ты хлопаешь после посадки самолёта или говоришь официантам, что сам готовишь стейк лучше. Лукас задумался с таким серьёзным видом, будто действительно проверял собственную биографию на наличие компрометирующих фактов. — Насчёт самолётов чист, а со стейками сложнее, потому что я действительно готовлю их неплохо.

— Ты хотя бы не сообщаешь об этом официантам?

— Нет, я предпочитаю не унижать людей на рабочем месте.

Джулс рассмеялась.

— Самоуверенно, но пока терпимо.

Возле их стола оставался свободный стул, однако Лукас не стал занимать его без приглашения и лишь кивнул в его сторону.

— Если я останусь на один напиток, это будет слишком нагло?

— Садись, — решила Джулс раньше остальных. — Если окажешься ужасным человеком, мы сообщим тебе об этом сразу, чтобы никто не тратил время.

— Ценю оперативную обратную связь.

— Мы очень эффективная группа.

— Она имеет в виду себя, — спокойно уточнила Мэдди.

— Они тоже эффективные, просто менее громкие, — возразила Джулс. — Особенно я, — добавила Харпер, после чего все трое одновременно посмотрели на неё. — Хорошо, возможно, не особенно я, но мне нравится командный дух этого разговора.

Лукас сел, и разговор неожиданно легко принял его, словно четвёртый стул всё это время действительно кого-то ждал. Харпер, которой для начала допроса обычно хватало имени и зрительного контакта, продержалась меньше минуты.

— И чем ты занимаешься, Лукас?

— Стратегией и развитием бизнеса.

Джулс, до этого спокойно пившая коктейль, сразу заинтересовалась. — Где именно?

— На Манхэттене.

Она подождала продолжения, но Лукас совершенно невозмутимо взял стакан.

— Ты ведь понимаешь, что это не ответ? — спросила она наконец. — Я тоже работаю на Манхэттене, но, если человек спрашивает меня где, я не называю остров. Это география.

— Зато географически я ответил безупречно.

— Madonna santa, — пробормотала Джулс, вскидывая руки. — Хорошо, давай попробуем ещё раз. Как называется компания?

Лукас предусмотрительно отодвинул свой стакан от траектории её ладони и только после этого ответил:

— Сегодня я предпочёл бы оставить название компании за пределами разговора.

Джулс заметила перемещение стакана и тут же посмотрела на него.

— Во-первых, я бы его не задела. Во-вторых, почему?

— Во-первых, я решил не проверять. Во-вторых, последние пять дней я говорил о работе за завтраком, обедом и несколько раз за ужином, поэтому сегодня вечером мне хочется хотя бы ненадолго побыть просто Лукасом, а не Лукасом-из-компании.

— Суббота не отменяет существование работодателя.

— К моему глубокому сожалению, нет, зато позволяет несколько часов о нём не говорить.

Джулс сощурилась, изучая его лицо. Обычно её напора хватало, чтобы люди либо начинали объясняться быстрее, либо отвечали тем же, превращая разговор в соревнование. Лукас не делал ни того ни другого. Он не защищался, не пытался поставить её на место и совершенно явно не собирался менять решение только потому, что она смотрела на него с выражением женщины, привыкшей получать ответы.

— Ты понимаешь, что этим сделал только хуже? Теперь мне хочется узнать ещё сильнее.

— Я предполагал, что так может случиться.

— И тебя это совершенно не беспокоит?

— Думаю, ты переживёшь несколько часов неопределённости.

Джулс изучила его лицо, а затем рассмеялась.

— Ты специально меня дразнишь.

— Совсем немного, но исключительно потому, что оказалось неожиданно легко.

— А выглядишь таким приличным.

— Это очень полезное качество.

Харпер повернулась к Мэдди.

— Мне он нравится.

— Тебе нравится половина людей, которых ты встречаешь.

— Неправда. Некоторые мне нравятся исключительно внешне, и я считаю это важным различием.

— Спасибо за уточнение.

Джулс снова посмотрела на Лукаса и махнула рукой, окончательно оставляя тему его работодателя.

— Хорошо, сегодня без работы, но предупреждаю сразу: рано или поздно я всё равно узнаю.

— Почему-то я в этом не сомневаюсь.

— Тогда следующий вопрос: ты женат?

Харпер подавилась напитком, Мэдди медленно повернула голову к Джулс, а Лукас, к её удовольствию, даже не смутился.

— Нет, и, чтобы сэкономить тебе следующие два вопроса, я не помолвлен и девушки у меня тоже нет.

Джулс удовлетворённо кивнула.

— Видишь, можешь отвечать нормально, когда захочешь.

— Я быстро учусь.

Харпер смотрела на неё с нескрываемым восторгом.

— Ты только что проверила семейное положение мужчины примерно за десять секунд.

— Я занятая женщина, мне некогда ходить кругами.

— Это было невероятно эффективно.

— Девять лет в маркетинге.

Мэдди прикрыла глаза.

— Пожалуйста, не связывай это с профессией. Ты только что провела первичную проверку потенциального сексуального партнёра, и VELA совершенно ни при чём.

— Мэдди!

— Я всего лишь называю вещи своими именами.

Харпер расплылась в улыбке.

— Мне нравится эта версия Мэдди. Думаю, ей нужен ещё один бурбон.

Лукас рассмеялся и посмотрел на Джулс.

— Раз уж мы перешли к эффективному сбору информации, будет справедливо задать тот же вопрос тебе. Муж, жених или парень?

— Нет, нет и снова нет.

Он кивнул с тем же удовлетворением, с каким несколько секунд назад это сделала она.

— Отлично, теперь у нас одинаковый объём информации.

Джулс сощурилась.

— Ты сейчас меня передразнил?

— Я предпочитаю считать это равноправным обменом.

— Очень галантно.

— Стараюсь поддерживать репутацию.

После этого разговор окончательно перестал напоминать собеседование. Выяснилось, что Лукас вырос в Коннектикуте, несколько лет прожил в Лондоне и вернулся в Нью-Йорк, когда понял, что устал видеть собственную семью преимущественно на Рождество и День благодарения. Харпер немедленно заинтересовалась Лондоном и за следующие пять минут успела выяснить, где он жил, правда ли британцы способны сорок минут обсуждать дождь и почему мужчины там так любят пальто. Мэдди интересовало, насколько трудно было снова привыкнуть к Нью-Йорку, а Джулс вмешивалась всякий раз, когда считала одну из его мыслей достаточно спорной, чтобы оставить её без возражений. Лукас относился к этому легко. Он не пытался перекричать Джулс, когда она увлекалась, и не выглядел человеком, которому необходимо срочно доказать, что он умнее женщины напротив. Если она перебивала его, он позволял ей договорить, а затем спокойно продолжал с того места, где остановился; если её руки начинали участвовать в разговоре активнее, чем следовало для безопасности окружающих напитков, он просто следил за своим стаканом. Однажды это всё-таки пригодилось. Джулс рассказывала что-то Харпер, резко развернулась к Лукасу и едва не смахнула его бурбон, однако он успел поймать стакан раньше, чем тот качнулся.

— Я бы его не разбила, — немедленно заявила она, заметив его руку.

— Я тебе верю. Ты совершенно искренне собиралась его не разбивать.

— Это прозвучало так, будто ты мне совершенно не веришь.

— Я просто решил, что бурбон слишком хороший, чтобы выяснять это экспериментальным путём.

Джулс рассмеялась и легко толкнула его пальцами в плечо.

— Вот теперь ты начинаешь наглеть. Ещё час назад был таким воспитанным. — Мне потребовался почти час, чтобы испортить первое впечатление, поэтому я считаю, что проявил достойную выдержку. — Не расслабляйся, ты всё ещё на испытательном сроке.

— Тогда хотелось бы ознакомиться с критериями оценки, чтобы понимать свои перспективы.

— Критериев нет, я импровизирую.

— Прекрасно. Всегда мечтал участвовать в конкурсе, правила которого не знает даже организатор. — Так гораздо интереснее.

С ним действительно оказалось удивительно легко, причём вовсе не потому, что Лукас соглашался с каждым её словом или пытался понравиться любой ценой. Он спокойно спорил, смеялся над ней, когда она того заслуживала, и несколько раз совершенно невозмутимо отказывался менять мнение даже после того, как Джулс подключала к аргументации обе руки и итальянский язык. Просто рядом с ним не приходилось разгадывать каждую реплику или искать второй смысл там, где его не было. Он нравился ей, она нравилась ему, оба это понимали, и для одного субботнего вечера подобной ясности было более чем достаточно. Потом Лукас признался, что умеет готовить, и обычный разговор для Джулс немедленно превратился в вопрос принципа.

— Что именно ты готовишь? — спросила она, поворачиваясь к нему всем корпусом.

По выражению её лица Лукас, кажется, сразу понял, что вступил на опасную территорию.

— Мясо, рыбу, пасту, но по тому, как ты сейчас на меня смотришь, подозреваю, что последний пункт потребует отдельного объяснения.

— Какую пасту?

— Почему мне кажется, что сейчас существует только один правильный ответ?

— Потому что ты наблюдательный. Какую?

— Карбонару.

Джулс тут же выпрямилась.

— Только, пожалуйста, скажи мне, что ты не добавляешь туда сливки. — Не добавляю, использую гуанчале, пекорино и яйца, поэтому можешь перестать смотреть на меня так, будто собираешься вызвать итальянское посольство.

Джулс несколько секунд молча изучала его лицо, а затем медленно повернулась к подругам.

— Мне нравится этот мужчина.

Харпер расплылась в улыбке.

— Наконец-то, а то я уже начинала думать, что нам придётся сидеть здесь до закрытия, пока ты официально это признаешь.

— Даже не начинай. Одно твоё «наконец-то» содержит минимум три страницы комментариев, и я не собираюсь их слушать.

Лукас рассмеялся.

— Неужели проверка была настолько серьёзной?

— Ты не понимаешь, моя мать способна определить, что человек положил сливки в карбонару, находясь в другом районе Нью-Йорка. Если ты когда-нибудь

скажешь при ней, что готовишь пасту лучше большинства ресторанов Манхэттена, она отправит тебя на кухню и заставит доказать.

— Тогда докажу.

Джулс посмотрела на него с явным подозрением.

— Ты очень уверен в себе.

— Только в вещах, которые действительно умею делать.

— А если моя мать тебя уничтожит?

— Поблагодарю за ужин, попрошу рецепт и постараюсь уйти так, чтобы меня всё ещё приглашали в этот дом.

Улыбка Джулс стала шире.

— Умный мужчина. Но до моей матери ты ещё не дошёл, поэтому не торопись.

— Значит, испытательный срок продолжается?

— Безусловно, и пока я не вижу причин его сокращать.

— Тогда буду вести себя прилично.

Лукас поднял стакан и предложил выпить за интересный вечер. Харпер немедленно протянула свой бокал к середине стола, Мэдди присоединилась к ней, а Джулс ещё секунду смотрела на Лукаса, прежде чем тоже поднять коктейль.

— Только не думай, что это означает успешное прохождение испытательного срока. У тебя впереди ещё много работы.

— После разговора о твоей матери и карбонаре я уже понял, что лёгкой жизни мне никто не обещал.

— Отлично. Значит, обучаемость у тебя действительно хорошая. Их бокалы встретились над столом, а затем разговор снова разошёлся в разные стороны: Харпер вспомнила историю, которую Мэдди категорически запрещала рассказывать новым знакомым, Мэдди немедленно попыталась остановить её, Джулс вмешалась, потому что версия Харпер традиционно содержала процентов сорок художественного вымысла, а Лукас сидел рядом и смеялся, уже достаточно освоившись, чтобы иногда вставлять свои комментарии, но не настолько, чтобы пытаться перетянуть всё внимание на себя.

К полуночи бар наконец начал сдавать позиции. Ещё час назад здесь приходилось наклоняться через стол, чтобы услышать собеседника, официанты лавировали между стульями с подносами над головами, а возле стойки стояли в два ряда. Теперь за соседними столиками появлялись счета, женщины искали под ними потерянные сумочки, мужчины вспоминали о пиджаках, а бармен собирал пустые бокалы с неторопливостью человека, который уже видел конец своей смены и не собирался никому позволять отодвинуть его ещё на час. Мэдди посмотрела на часы первой и сообщила, что собирается домой, причём произнесла это с таким спокойствием, будто решение было принято ещё утром, внесено в календарь и теперь просто наступило назначенное время. — И прежде чем ты начнёшь убеждать меня, что завтра совершенно необходимо проверить продажи No. 9, хочу напомнить: сегодняшняя невинная «проверка» закончилась перепиской с Мией. Хотя бы до обеда VELA придётся научиться существовать без тебя. Джулс немедленно вскинула обе руки.

— Она отвечала мне, Мэдди. Что я должна была сделать, демонстративно игнорировать собственного сотрудника только потому, что календарь показывает субботу? Это уже не отдых, а плохое руководство.

— Разумеется, — невозмутимо согласилась Мэдди, поправляя тонкую золотую оправу. — Ты просто стала невинной жертвой трудовой этики, а пять сообщений отправились совершенно самостоятельно. Тем не менее завтра ты спишь, ешь нормальный завтрак и хотя бы несколько часов не пытаешься управлять компанией, которой пока даже не управляешь.

— Пока, — подчеркнула Харпер.

Джулс сразу указала на неё пальцем.

— Вот! Спасибо. Наконец-то хоть один человек за этим столом верит в меня. — Я верю в тебя настолько сильно, что уже мысленно потратила твою будущую зарплату.

— Забираю благодарность обратно.

Мэдди улыбнулась, поднялась и обняла Джулс уже без всяких шуток, пожелав ей перестать хотя бы на один день готовиться к понедельнику, который всё равно наступит независимо от количества открытых таблиц. Потом попрощалась с Лукасом и ушла, умудрившись даже после нескольких коктейлей двигаться через бар так, словно её ожидал не такси, а водитель возле благотворительного вечера.

Харпер продержалась ещё минут двадцать, после чего с необыкновенно серьёзным лицом объявила, что уважает личную жизнь Джулс и совершенно не намерена вмешиваться в дальнейшее развитие вечера. Джулс сразу насторожилась.

— Почему у меня такое чувство, что сейчас последует продолжение, которое полностью уничтожит первую часть твоего заявления?

— Потому что ты плохо думаешь о людях. Я всего лишь хотела попросить прислать мне адрес, если сегодня ты окажешься не дома, после чего обещаю вести себя сдержанно, достойно и вообще никак не комментировать происходящее как минимум до девяти утра.

— Я пережила итальянскую мать, девять лет в маркетинге, четыре реорганизации VELA и запуск No. 9, поэтому один субботний вечер тоже какнибудь переживу без службы спасения.

— Именно поэтому я прошу только геолокацию, а не фотографию мужчины с сегодняшней газетой и паспортом возле лица. Заметь, как сильно я выросла как человек.

— Ты невыносима.

— Зато предусмотрительна.

Харпер поцеловала её в щёку, попрощалась с Лукасом и направилась к выходу, но возле самой двери всё-таки обернулась и двумя пальцами выразительно указала сначала на собственные глаза, потом на Джулс.

— Даже не начинай! — крикнула та через половину бара.

Харпер рассмеялась и скрылась за дверью. Джулс медленно повернулась обратно и обнаружила, что Лукас смотрит на неё поверх стакана с очень плохо скрываемым весельем.

— Даже не думай говорить, что они тебе понравились, иначе их самомнение окончательно выйдет из-под контроля.

— Я собирался сказать, что теперь гораздо лучше понимаю, почему ты такая.

— Это ещё хуже. Возьми слова обратно.

— Уже взял.

— Вот и прекрасно.

Он подозвал бармена и попросил два стакана воды. Когда один стакан оказался перед Джулс, она посмотрела на него с лёгким подозрением, но всётаки взяла и именно тогда музыка изменилась. Первые ноты пробились сквозь оставшиеся разговоры настолько знакомо, что Джулс замерла со стаканом у губ, а затем улыбнулась и едва заметно качнула головой в такт: *Sweet Harmony — The Beloved.*

— Наконец-то здесь поставили что-то приличное. Я уже начала подозревать, что человек, отвечающий за плейлист, переживает тяжёлый развод и решил втянуть в него весь Манхэттен.

Лукас прислушался к песне и заметил, что до этого она вроде бы прекрасно проводила время, на что Джулс обстоятельно объяснила: способность наслаждаться вечером и одновременно осуждать музыку является одним из важнейших признаков зрелой личности.

— Тогда попробуй одновременно осуждать диджея и пить, потому что завтрашняя версия тебя будет мне благодарна.

— Завтрашняя версия меня может иметь совершенно другое мнение, а сегодняшняя считает, что ты становишься подозрительно заботливым.

— Могу остановиться.

Джулс сделала ещё один глоток.

— Нет, пока продолжай. Я сообщу, когда станет слишком много.

Лукас улыбнулся, и Джулс снова повернулась к залу. Бар выглядел теперь совсем иначе. Янтарный свет стал мягче без толпы, в зеркале за бутылками отражались пустеющие столики, возле стойки девушка в серебристом платье танцевала, не вставая со стула, а за большими окнами мокрый асфальт собирал в себе красные и жёлтые огни проезжавших машин. Где-то возле входа громко прощалась компания друзей, официант складывал стулья у дальнего столика, и над всем этим звучала та самая песня, которая каким-то образом идеально подходила моменту. Когда из колонок донеслось короткое "Let's come together, right now. Oh yeah, in sweet harmony…", Джулс невольно усмехнулась. Очень тонко, вселенная.

Она увидела собственное отражение: тёмные кудри уже совершенно не напоминали укладку, над которой она провела дома почти сорок минут, винная помада осталась лишь по краям губ, тонкая бретель платья съехала к плечу, а сама она выглядела гораздо счастливее, чем утром перед ноутбуком. Завтра снова появятся продажи, письма, Мия и понедельник, который последние несколько недель занимал слишком много места в её голове. Завтра она снова будет думать о верхнем этаже VELA и о должности, к которой шла девять лет, но сегодня рядом сидел красивый мужчина, которого она встретила несколько часов назад и которого ей очень хотелось поцеловать. В тридцать один год, решила Джулс, этого было достаточно, чтобы не устраивать внутреннее заседание совета директоров.

Лукас поймал её взгляд и некоторое время позволял ей совершенно бесстыдно себя рассматривать, прежде чем с улыбкой заметил, что либо только что прошёл очередной этап проверки, либо окончательно его провалил. — Ты совершенно потрясающим образом умеешь делать любой разговор разговором о себе, но в данном случае тебе повезло: я действительно думала о тебе, и результаты пока вполне удовлетворительные.

— После нескольких часов собеседования я надеялся хотя бы на «выше среднего», особенно учитывая, что мне пришлось пройти проверку семейного положения, кулинарных навыков и отношения к бурбону.

— Ты до сих пор не сказал, где работаешь, поэтому твоё личное дело возмутительно неполное. «Стратегия, развитие, Манхэттен» — это не информация, Лукас, а описание половины мужчин в радиусе пяти кварталов.

— Значит, мне придётся добиться второй встречи, чтобы заполнить пробелы.

Джулс посмотрела на него ещё секунду, после чего потянулась за сумочкой.

— Возможно, тебе сначала стоит разобраться с первой.

Взгляд Лукаса скользнул к сумочке, потом вернулся к её лицу. Он всё понял, но вместо самодовольной улыбки просто поднялся и спросил, хочет ли она уйти.

— Очень.

Он снял свой пиджак со спинки стула и накинул на плечи Джулс, а затем спокойно предложил сказать, куда её отвезти. Она повернулась к нему.

— Это сейчас был очень галантный способ не предполагать, что я собираюсь поехать с тобой?

— Именно. Мне показалось, ты предпочитаешь сама сообщать мужчинам о своих планах.

— Очень правильное наблюдение. Тогда к тебе.

Лукас кивнул, и именно эта совершенно спокойная реакция заставила Джулс нахмуриться.

— И это всё? Я ожидала хотя бы небольшого проявления мужского самодовольства.

— Оно есть, просто я достаточно хорошо воспитан, чтобы не показывать его женщине, которая ещё стоит достаточно близко к выходу, чтобы передумать. Джулс медленно улыбнулась.

— Вот теперь лучше.

Они вышли на улицу, оставив *Sweet Harmony* за закрывшейся дверью. Ночной воздух оказался прохладным и влажным. Дождь закончился совсем недавно, и улица блестела под фонарями, словно город вымыли специально для красивой финальной сцены. Возле тротуара останавливались жёлтые такси, из открытой двери соседнего ресторана пахло чесноком и свежим хлебом, а над крышами висело мутное розоватое сияние Манхэттена. Телефон Джулс завибрировал. На экране появилось короткое сообщение Харпер: «Адрес». Джулс включила передачу геопозиции в реальном времени и убрала телефон в сумочку.

— Служба безопасности, — объяснила она. — Теперь Харпер увидит, куда мы едем, поэтому, если ты серийный убийца, у тебя очень неудачный вечер.

— Спасибо за предупреждение. Придётся срочно менять планы.

Джулс рассмеялась и ткнула пальцем ему в грудь.

— Вот поэтому ты мне нравишься. Нормальный мужчина после такой фразы хотя бы немного занервничал бы.

— Я решил дождаться результатов твоей проверки.

— Пока проходишь.

— Рад слышать.

Машина должна была приехать через четыре минуты. Лукас убрал телефон в карман и остался рядом, не сокращая расстояние только потому, что она уже сказала, куда хочет поехать. Джулс заметила это и сама шагнула ближе. — Кстати, я всё ещё помню твои слова про карбонару, поэтому предупреждаю заранее: если завтра обнаружу у тебя в холодильнике сливки, наше знакомство закончится очень некрасиво.

— Гуанчале, яйца, пекорино. Можешь провести обыск.

Джулс взглянула на него с совершенно новым уважением.

— Это самая привлекательная вещь, которую ты сказал за весь вечер.

— Приятно знать, что годы работы над характером проиграли свинине.

Она рассмеялась и взялась пальцами за лацкан его пиджака.

— А теперь можешь меня поцеловать.

Лукас не двинулся сразу.

— Уверена?

Джулс посмотрела на него так, будто вопрос был почти оскорбительным. — Лукас, я добровольно согласилась поехать к тебе, включила для Харпер передачу геопозиции и теперь держу тебя за пиджак. Если тебе требуется письменное заявление, в сумочке есть ручка, но я очень надеюсь, что до этого не дойдёт.

Он рассмеялся.

— Теперь уверен.

— Finalmente.

На этот раз она сама сократила оставшиеся сантиметры. Их машина подъехала через несколько минут, а дорога до дома Лукаса растворилась в огнях за окном, поцелуях на заднем сиденье и совершенно необходимой, по мнению Джулс, лекции о преступлениях против итальянской кухни. В зеркальном лифте она успела уронить серьгу ему за воротник, обвинить во всём архитекторов здания и снова его поцеловать, прежде чем двери открылись на нужном этаже.

Квартира встретила их полутьмой, тишиной и Нью-Йорком за огромными окнами. Лукас включил только небольшой свет возле кухни, поэтому комната осталась наполнена мягкими золотистыми тенями. В стекле отражались лампы, далеко внизу двигались красные огоньки машин, на соседней крыше мигал авиационный маяк, а откуда-то из открытого окна доносился приглушённый городской гул. После бара и улицы тишина казалась почти интимнее поцелуев.

В спальне город стал почти декорацией. Между шторами оставались узкие полосы света, на полу лежали серебристые отблески от окон соседних зданий, прохладные простыни пахли

чистым хлопком, а далёкий шум улиц доходил сюда настолько приглушённым, будто Нью-Йорк впервые за вечер согласился не вмешиваться. Здесь не было ни торжественности, ни осторожного ощущения, будто происходящее должно обязательно что-то изменить. Джулс не собиралась становиться тише только потому, что оказалась в чужой спальне. Не собиралась внезапно стесняться собственных желаний или ждать, пока мужчина догадается о них самостоятельно. Если ей хотелось ближе, она притягивала Лукаса к себ, если хотелось иначе, говорила или показывала, и он подхватывал её темп без попытки превратить всё в соревнование.

Остались поцелуи, тепло, сбившееся дыхание и смятые простыни, её пальцы в его волосах, его руки на её талии и тот приятный момент, когда всё остальное окончательно перестало иметь значение. Иногда они всё равно начинали смеяться, когда кто-то оказывался слишком близко к краю кровати или Джулс пыталась одновременно поцеловать его и убрать волосы с лица, но именно эти маленькие несовершенства делали ночь настоящей. Не красивой потому, что всё происходило идеально. Красивой потому, что им было хорошо. А за огромными окнами Нью-Йорк продолжал сиять тысячами окон, светофоров и жёлтых такси, словно субботняя ночь ещё совершенно не собиралась заканчиваться.

Утро началось с ощущения, будто ночью кто-то воспользовался отсутствием Джулс и заменил её голову на другую — значительно тяжелее, совершенно бесполезную и категорически не приспособленную к воскресеньям после нескольких коктейлей. Она открыла глаза и некоторое время просто смотрела в незнакомый белый потолок, искренне надеясь, что, если лежать достаточно тихо, память тоже проявит деликатность и не станет возвращаться вся сразу. За неплотно задёрнутыми шторами уже вовсю хозяйничал сентябрьский Нью-Йорк. Солнечный свет пробивался в комнату широкими полосами, ложился на светлое одеяло и деревянный пол, снизу доносился далёкий шум машин, а где-то в соседней квартире настойчиво лаяла собака, явно не имевшая никакого представления о том, что некоторые люди сегодня нуждались в тишине. На тумбочке возле кровати стоял стакан воды. Не её кровати и не её тумбочке. Джулс медленно моргнула, повернула голову и обнаружила своё чёрное платье на кресле возле окна. Одна туфля лежала на боку почти у самой кровати, вторая каким-то непостижимым образом добралась до двери и теперь стояла там совершенно ровно, словно всю ночь вела себя приличнее хозяйки.

— Dio mio…

Воспоминания возвращались с ленивой бессистемностью фотографий, высыпанных из коробки: бар, Мэдди без туфель, Харпер и её требование включить геолокацию, первые ноты Sweet Harmony, Лукас напротив неё, жёлтое такси, лекция о карбонаре, зеркальный лифт, зацепившаяся за воротник серьга и поцелуи. Главное Джулс помнила прекрасно — с кем уехала, почему это сделала и как его адрес стал конечной точкой вечера. Остальные подробности могли подождать, пока перестанет болеть голова.

Телефон нашёлся под подушкой. На экране было девять сорок восемь и семнадцать уведомлений, большая часть которых принадлежала Харпер. За утро она успела спросить, жива ли Джулс, уточнить, что вопрос не риторический, великодушно дать ей поспать и ровно через минуту решить, что достаточно. Мэдди ограничилась двумя сообщениями: посоветовала не сообщать Харпер подробностей и попросила подтвердить, что всё хорошо. Джулс набрала: «Жива. Всё хорошо. Вы обе ужасные». Ответ Харпер появился мгновенно: «ОН ТАМ?» **Харпер:** *ОН ТАМ?*

— Господи, женщина…

Джулс перевернула телефон экраном вниз. Из-за двери донёсся звон посуды, а следом появился запах кофе, значительно ускоривший её возвращение к жизни. Она нашла возле кро-

вати белую мужскую рубашку, натянула её и отправилась на поиски единственной вещи, ради которой была готова простить человечеству существование утра.

При дневном свете квартира Лукаса оказалась просторной и обжитой: высокие окна, тёмный паркет, книги вперемешку с пластинками и большое лимонное дерево возле стекла. На кухонной столешнице рядом с кофемашиной стояла банка итальянского кофе, и это открытие неожиданно прибавило хозяину квартиры несколько очков. Лукас стоял у кухонного острова в тёмных домашних брюках и белой футболке. Волосы после душа ещё оставались влажными, рядом лежали тосты, а сам он выглядел возмутительно хорошо для человека, который участвовал ровно в том же вечере.

Услышав шаги, он обернулся и совершенно спокойно улыбнулся.

— Доброе утро. Хотя, судя по твоему лицу, с прилагательным я, возможно, немного поторопился.

Джулс прислонилась плечом к стене и посмотрела на него с выражением человека, которому сейчас требовалось очень убедительное доказательство доброты мира.

— Голова, достоинство и отдельные участки памяти сегодня решили существовать независимо друг от друга, поэтому окончательную оценку утра я дам после кофе.

— Тогда хорошо, что я предусмотрительно приготовил средство для переговоров со всеми тремя.

Лукас достал вторую чашку, и Джулс подошла к острову, уже собираясь взять её, но вовремя заглянула внутрь.

— Чёрный? Лукас, после всего, что между нами произошло, ты предлагаешь мне чёрный кофе? Это почти оскорбительно.

— Мы знакомы около двенадцати часов, и далеко не все из них располагали к обсуждению кофейных предпочтений. Я решил оставить себе пространство для изучения деталей.

— Молоко и два кубика сахара. Запомни, если собираешься продолжать существовать в приличном обществе.

— Запомню.

— Не обязательно.

Фраза вылетела легко, без скрытого смысла. Лукас не стал спрашивать, представится ли ему возможность приготовить такой кофе ещё раз, а просто достал молоко и сахар. Джулс это понравилось. Она забралась на высокий стул, обхватила чашку ладонями и после первого глотка прикрыла глаза.

— Ладно, беру обратно примерно тридцать процентов всего плохого, что успела о тебе подумать.

— Только тридцать?

— Я ещё не завтракала.

Лукас поставил перед ней тосты с яйцами, и его рейтинг немедленно поднялся ещё на двадцать процентов.

— Теперь мне необходимо знать, насколько вчерашняя Джулс испортила репутацию сегодняшней. Если всё совсем плохо, я предпочитаю красивую ложь. — Ничего катастрофического. Хотя таксист теперь знает о карбонаре больше, чем хотел, а люди, которые ломают спагетти перед варкой, по твоему экспертному заключению неспособны на эмоциональную близость.

Джулс медленно поставила чашку.

— Это звучит вполне разумно.

— Я примерно так и ответил.

Она рассмеялась и тут же прижала пальцы к виску.

— Не смеши меня. Сегодня мне физически больно получать удовольствие. — Тогда ешь и не делай резких движений. В ближайшие двадцать минут обещаю быть максимально скучным.

— Не получится. Ты слишком доволен собой.

Завтрак продолжился удивительно легко. Лукас не спрашивал, что теперь означала прошлая ночь, не изображал показное безразличие и не пытался превратить воскресное утро в начало великой истории. Он доливал кофе, рассказывал о лучших бейглах неподалёку и иногда возвращался к очередной детали поездки, чтобы посмотреть, как Джулс требует уничтожить доказательства. Именно отсутствие усилий делало всё подозрительно приятным. За завтраком разговор неизбежно свернул к работе.

— Завтра совет официально объявит нового исполнительного директора, поэтому мне позволено быть немного одержимой происходящим. Я провела в VELA девять лет и прекрасно знаю, что компания сейчас стоит в точке, где ей нельзя снова выбирать безопасные решения только потому, что они привычные.

Лукас отставил чашку и посмотрел на неё уже без прежнего веселья.

— Ты уверена, что выберут тебя.

Это прозвучало скорее как наблюдение, чем вопрос, Джулс ответила сразу. — Да. Генри ничего мне не обещал, и совет слишком любит формальности, чтобы сообщать такие вещи заранее, но я знаю свои результаты, знаю компанию и знаю, сколько лет шла к этому креслу. Если бы я сама не считала себя готовой, было бы довольно странно ожидать, что в это поверят остальные. Это была не бравада, а уверенность, заработанная поздними вечерами, провалами, удачными запусками и годами внутри одной компании.

Лукас слегка кивнул.

— Тогда поздравлю тебя завтра.

— Только после официального объявления. Не искушай судьбу.

— Суеверная?

— Итальянка. Это гораздо серьёзнее, и я советую не проверять разницу на практике.

Он улыбнулся.

— Учту.

Джулс отпила кофе и вспомнила ещё одну вещь, которая занимала её вчера. — Кстати, раз уж мы неожиданно перешли к работе, ты так и не сказал, где работаешь. И не пытайся снова отделаться загадочной «стратегией и развитием».

— У меня есть правило не обсуждать работодателя по выходным.

— Очень удобное правило для человека, которому есть что скрывать.

— Оно спасло множество хороших завтраков.

— Значит, название компании останется государственной тайной?

— До нашей следующей встречи.

— Самоуверенно.

— Зато теперь ты точно её не забудешь.

Джулс уже собиралась объяснить, что второй встречи никто ему не обещал, когда телефон снова завибрировал. На экране появилась Харпер. Джулс сбросила звонок, и через секунду пришло сообщение: «Я знаю, что ты это видела». Она перевернула телефон экраном вниз.

— Подруга? — поинтересовался Лукас.

— Стихийное бедствие с рыжими волосами. Не обращай внимания. — Она волнуется.

— Она любопытствует. Поверь, второе гораздо опаснее.

Когда кофе закончился, Джулс решила возвращаться к собственной жизни, пока Харпер действительно не начала обзванивать больницы. На поиски вещей ушло больше времени, чем хотелось бы признавать: платье ждало на кресле, туфли оказались у кровати и возле двери, а

серьги закончили ночь в разных комнатах. Лукас наблюдал за поисками с достаточным благоразумием, чтобы не комментировать.

Через несколько минут Джулс уже стояла у двери в чёрном платье, с кое-как приведёнными в порядок кудрями и ощущением, что это утро оказалось гораздо приятнее, чем имело право быть. Лукас протянул ей забытый на кухонном острове телефон.

— Кажется, без этого твоя служба безопасности объявит чрезвычайное положение.

— Если Харпер когда-нибудь встретится с тобой снова, не говори, что я чуть не забыла телефон. Она воспримет это как доказательство окончательной потери рассудка.

— Сохраню твою репутацию.

Джулс взялась за дверную ручку и впервые за всё утро задумалась, что вообще говорят мужчине после хорошей случайной ночи и неожиданно приятного завтрака. «Было приятно познакомиться» звучало как завершение делового обеда, «увидимся» предполагало планы, а «спасибо» было настолько ужасным вариантом, что она предпочла бы молча выйти в окно.

Лукас, кажется, прочитал весь этот процесс по её лицу.

— Не мучайся. Никаких сообщений о том, что означала прошлая ночь, никаких срочных определений и обещаний. Ты идёшь навстречу своему понедельнику, я занимаюсь своими делами, а мы оба считаем, что это была очень хорошая суббота.

— Подозрительно разумно.

— Я иногда умею.

Она уже открыла дверь, когда Лукас добавил с той же непринуждённостью:

— Но если мы встретимся ещё раз, ты не сможешь отказаться от свидания.

Джулс медленно обернулась.

— В Нью-Йорке живут миллионы людей. Вероятность случайной встречи практически отсутствует.

— Тем лучше. Тебе совершенно нечего бояться.

— Ты очень самоуверенный для человека, который доверил личную жизнь городской статистике.

— Я предпочитаю считать себя оптимистом.

Джулс не удержалась от улыбки и вышла в коридор, но возле лифта всё-таки обернулась. Лукас по-прежнему стоял в дверях.

— Если твоя гипотетическая случайность произойдёт, место выбираю я.

— Договорились.

— Это не согласие на свидание.

— Разумеется.

Двери лифта открылись, и Джулс вошла внутрь.

— До следующей случайной встречи, Джулс.

— Не сильно рассчитывай на неё.

Последним она увидела Лукаса, всё ещё стоявшего у своей двери с той спокойной улыбкой, которая раздражала её значительно меньше, чем следовало. Завтра её ждали понедельник, совет директоров и должность, к которой она шла столько лет. И всё же, выходя из лифта в залитый солнцем холл, Джулс почему-то думала не о работе.

Примечание к части

Девять лет дружбы, три совершенно разных характера и один субботний вечер, который Мэдди и Харпер не позволили Джулс провести дома. Потому что настоящие подруги всегда знают, когда тебе необходимы коктейль, танцы и несколько решений, о которых утром придётся пожалеть.

Визуализация Джулс, Мэдди и Харпер: ссылка на Pinterest

Лукас не собирался становиться частью планов Джулс на этот вечер. Спокойный, уверенный, с ранней сединой у висков, стаканом бурбона и телефоном, предусмотрительно перевёрнутым экраном вниз. Он не пытался привлечь чужое внимание — и именно поэтому привлёк её.

Визуализация Лукаса: ссылка на Pinterest

Глава 3. Девять семнадцать

Саундтрек к главе: I know (Remix Street) — Irma, Youssoupha

Сентябрьское утро медленно наполняло спальню светом. В окнах дома напротив ещё розовело небо, а солнце уже скользило по паркету, касалось края смятой простыни и вспыхивало в стеклянных гранях флакона духов. Из приоткрытого окна тянуло тёплым воздухом и чуть уловимым запахом выпечки. Внизу разгружали фургон, колёса тележки постукивали по стыкам тротуарной плитки, чей-то смех на мгновение поднялся над шумом машин и затих за поворотом.

Джулс любила эти несколько минут, когда город уже проснулся, а её ещё никто не успел ни о чём попросить. Обычно к этому времени она читала почту, придерживая чашку одной рукой и отвечая на сообщения другой. Сегодня ноутбук оставался закрытым. На кровати лежали три костюма, а на комоде остывал кофе, к которому она пока почти не прикоснулась.

— Доброе утро, Нью-Йорк! Понедельник, пятнадцатое сентября. Сейчас двадцать шесть градусов, к обеду обещают двадцать девять. Всем, кто вчера купил осеннее пальто: оно прекрасное. Снимите, — прозвучал голос радиоведущей из приемника.

Джулс улыбнулась и потянулась за чашкой. Перед открытым гардеробом она провела уже полчаса, всё ещё оставаясь в белье и одной золотой серьге. Чёрный костюм казался безупречным и одновременно траурным, серый — достаточно строгим, винный нравился ей больше остальных, но именно поэтому вызывал подозрения: вдруг она выбирала его из тщеславия, когда следовало думать о том, как будет выглядеть на официальной фотографии?

Девять лет в VELA. Она утверждала кампании, на которые компания тратила миллионы, и могла за десять минут убедить целую переговорную изменить решение. Сейчас ей требовалось выбрать пиджак, и переговоры явно затягивались.

— На Бруклинском мосту авария, так что времени на гороскоп у нас предостаточно, — продолжила ведущая. — Начнём с Овнов. Сегодня звёзды советуют вам дать собеседнику закончить фразу. Иногда люди говорят интересные вещи, пока вы придумываете, чем их перебить.

Джулс поставила чашку, взяла чёрный пиджак и приложила к себе, в зеркале появилась женщина, способная сообщить акционерам, что завод сгорел, но страховка, к счастью, покроет убытки. Пиджак вернулся на вешалку.

— Тельцы, побалуйте себя хорошим завтраком. Кофе на бегу не считается, даже если он стоил восемь долларов. Близнецы, прежде чем отправить сообщение, проверьте имя получателя. Особенно если сообщение начинается со слов «этот идиот опять».

На сером Джулс задержалась ненадолго. В таком она проводила совещания, летала на переговоры и однажды просидела четырнадцать часов в аэропорту, пока авиакомпания последовательно теряла самолёт, экипаж и всякую связь с реальностью. Для обычного рабочего понедельника он подходил прекрасно и все равно казался «блеклым» в отношении того, какое собрание она собиралась посетить в нем.

Она сняла с кровати винный костюм. Утренний свет делал ткань чуть теплее, проявляя глубокий красноватый оттенок. Джулс надела брюки, достала шёлковый топ цвета слоновой кости и, набросив пиджак, расправила его на плечах. Несколько секунд смотрела на себя, затем медленно повернулась к зеркалу вполоборота. Вот теперь ей нравилось.

Пока ведущая давала советы тем, кто собирался влюбиться, потратить лишнее или наконец попросить прибавку, Джулс нашла вторую серьгу под шёлковым поясом халата и попыталась собрать волосы. Кудри выскальзывали из пальцев, цеплялись за застёжку, ложились совсем не так, как ей хотелось. После второй попытки она вынула шпильки и тёмные пряди рассыпались по плечам, Джулс, чуть наклонив голову, разглядела отражение ещё раз.

— И наконец Рыбы. Хватит репетировать разговор с начальством в душе. Вы готовы. Сегодня ваши старания могут оценить по достоинству, так что постарайтесь принять комплимент без перечисления всего, что вы ещё не успели сделать.

Джулс замерла с открытой помадой в руке.

— Вот с этого и надо было начинать.

К гороскопам она относилась примерно так же, как к обещаниям курьера приехать между девятью и десятью: приятно услышать, опасно строить планы.

Но сегодня у ведущей была удивительно убедительная интонация.

— А если прогноз пока не сбылся, не спешите ругаться. Понедельник только начался. Впереди музыка, под которую чуть легче собраться на работу, и реклама квартиры, ради которой нам всем придётся работать подольше.

Джулс рассмеялась, прибавила громкость и наклонилась к зеркалу. Знакомая мелодия «*I know*» заполнила спальню. Подпевая вполголоса, она провела помадой по нижней губе, промокнула уголок салфеткой и как раз закрывала колпачок, когда возле чашки завибрировал телефон. Харпер прислала фотографию букета. Цветов было столько, что Джулс сначала увидела только их и лишь потом заметила за ними край магазинной стойки.

Харпер: *Для нового кабинета. Только скажи, что там нормальные окна.*

Джулс: *Там прекрасные окна. Проблема в том, что их скрывают шторы, пережившие несколько финансовых кризисов.*

Мэдди: *Сначала дождись объявления. Потом обсуждайте шторы.*

Харпер: *Ты можешь хотя бы утром не разговаривать как приложение к трудовому договору?*

Мэдди: *Могу. Джулс, ты поела?*

Джулс: *Я поем по дороге. И ничего не покупайте до заседания.*

Харпер: *Разумеется.*

Мэдди: *Она уже заплатила.*

Джулс ещё раз открыла фотографию и невольно улыбнулась. Харпер выбрала цветы под цвет её любимого костюма. Совпадением это, конечно, не было. Она убрала телефон в сумку, проверила, на месте ли ноутбук, и поправила лежавшую рядом временную табличку. С ней Джулс уехала с презентации в пятницу, а накануне наконец переложила с обеденного стола, чтобы вернуть в офис. Она осторожно повернула её и застегнула сумку. Возле кровати остался распечатанный план первых ста дней, верхний лист был исписан её пометками, одну фразу она зачеркнула так старательно, что едва не протёрла бумагу. Джулс задержала на нём взгляд. Ещё вчера ей казалось, что утром непременно захочется что-нибудь исправить, но сейчас она впервые за долгое время не чувствовала такой необходимости. Она знала, с чего начнёт.

В прихожей было прохладнее. Музыка доносилась сюда приглушённо, и в тишине отчётливо щёлкнула застёжка часов. Джулс поправила лацкан перед узким зеркалом у двери. Золотые серьги поблёскивали среди тёмных кудрей, винная помада делала улыбку чуть увереннее, чем она ощущалась. Джулс попробовала представить, как войдёт в переговорную, куда положит сумку, что скажет после объявления. От этой мысли под рёбрами стало щекотно, почти как перед свиданием. Она тихо выдохнула и рассмеялась над собой. В тридцать один год, оказывается, всё ещё можно было ждать рабочего дня с таким нетерпением.

К восьми пятнадцати Джулс уже поднималась в лифте VELA. Обещанный Мэдди круассан был съеден по дороге, пустой пакет сложен в несколько раз, а новый стакан кофе приятно согревал ладонь. Только здесь, под ровным светом потолочных ламп, она заметила, что бариста написал вместо её имени: «Для нового босса». Джулс покачала головой, однако улыбку сдержать не удалось. Она повернула стакан надписью к себе и посмотрела на меняющиеся цифры над дверью, оставалось дождаться решения единственных людей, которые ещё её не поздравили.

Аплодисменты раздались прежде, чем двери лифта успели разойтись до конца. Томас торопливо отставил кофе и теперь хлопал громче всех, Нора улыбалась возле стола Мии, а Лео стоял прямо под золотой лентой, слегка покачивавшейся в потоке воздуха от кондиционера: «ЭТО ПОКА НЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ». Слово «пока» было заботливо выделено красным.

— Вы действительно считаете, что это помогает? — спросила Джулс, указывая на ленту.

— Я проверила формулировку, — спокойно ответила Мия. — Утверждение о назначении отсутствует.

— Зато присутствуют золотые буквы высотой с мою ладонь.

— Это претензия к дизайну, — заметил Томас. — Формулировка ко мне не относится.

Джулс покачала головой, но улыбку спрятать не удалось. Лео подошёл за её сумкой и негромко спросил, принесла ли она табличку. Из кармана его пиджака выглядывал рулон двустороннего скотча.

— После объявления, — поспешно уточнил он, заметив её взгляд.

Джулс достала табличку и вручила ему.

— Если до объявления она окажется на какой-нибудь двери, я заставлю тебя снимать скотч лично. Очень медленно, чтобы у тебя было время подумать о последствиях оптимизма.

— Принято.

Только после этого она заметила коробку из кондитерской. Крышка была приоткрыта, и внутри отчётливо читалось кремовое «Поздравляем, Джулия!».

— Madonna santa. У вас ещё и торт.

— Завтрак, — поправил Томас.

— С моим именем.

— Чтобы никто из финансового не забрал по ошибке.

Джулс подошла ближе. Под надписью был изображён коричневый прямоугольник с золотой точкой сбоку.

— Почему на нём дверь?

— Мы отправили фотографию таблички, — объяснил Томас. — Кондитер решил, что для полноты композиции ей требуется недвижимость.

Джулс рассмеялась. Золотая лента слегка покачивалась от кондиционера, на кремовой двери уже расплывалась ручка, а Лео всё ещё прятал скотч. Ради этого утра четверо взрослых людей потратили часть собственного выходного.

— Ладно, идите сюда, — сказала она, раскрывая руки. — Только осторожно с помадой, она сегодня должна пережить совет.

Лео обнял её первым, чуть не задев табличкой по спине. Томас тут же потребовал следить за жакетом, Нора засмеялась. Мия наклонилась к Джулс.

— Мы за тебя, — сказала Мия ей на ухо.

Джулс на мгновение крепче сжала её плечо.

К половине девятого отдел постепенно вернулся к работе. Джулс успела просмотреть отчёт, обсудить с Норой продажи и ответить матери, что заседание ещё не началось. Мать сообщила, что отец уже подтвердил столик в ресторане и что переносить семейный ужин из-за корпоративных формальностей никто не собирается. Генри написал короткое «Буду наверху к девяти». Обычно к такому сообщению прилагалось замечание о её любви к спорам, но сегодня

его не было. Джулс решила, что он занят, закрыла переписку и в восемь пятьдесят пять поднялась из-за стола. Лео повернулся к ней вместе с креслом. Нора перестала печатать, а Томас поправил крышку коробки.

— Я на другой этаж, — сообщила Джулс. — Можете продолжать дышать. И торт не трогайте: я хочу лично присутствовать при демонтаже двери.

Она вошла в лифт под смех команды, а когда двери закрылись, поправила жакет в отражении и позволила себе улыбнуться уже без попытки скрыть это от кого-либо.

В большой переговорной было прохладно. Сквозь прозрачные шторы проступали стеклянные башни, утренний свет лежал на длинном ореховом столе, высвечивая края папок и круглые следы под стаканами. У кофейного столика стояли белые цветы с пятничной презентации. Несколько лепестков осыпалось на поднос, и кто-то аккуратно сдвинул их к пустой сахарнице. Генри Уитмор сидел ближе к окну и разговаривал с председателем совета. Заметив Джулс, он поднял глаза и едва заметно кивнул. Она ответила улыбкой и направилась к кофейному столику, возле которого уже стоял Грант Бомонт.

Грант руководил стратегическими партнёрствами VELA почти шесть лет. До этого работал с международными розничными сетями и пришёл в компанию со связями, которые открывали больше дверей, чем самая дорогая презентация. Джулс убеждала покупателей, что им нужен продукт VELA, Грант обеспечивал этому продукту место на полках и договаривался о цене, устраивавшей обе стороны. Ему было чуть за сорок. Русые волосы с аккуратным пробором, внимательные серые глаза, неброский галстук — рядом с ним люди обычно поправляли собственные воротнички. Он не перебивал, убирал телефон на время выступлений и помнил условия договоров, которые остальные перечитывали перед встречей. Джулс могла бы счесть эту основательность позой, если бы ей самой не приходилось время от времени обращаться к нему за помощью.

Два года назад она провела несколько недель, убеждая крупную сеть расширить выкладку VELA. Презентация получилась прекрасной, представители сети восхитились концепцией, после чего прислали условия, на которых компании оставалось разве что доплачивать за каждую проданную баночку. Грант пригласил их коммерческого директора на обед и к пятнице вернулся с пересмотренным договором. Когда Джулс потребовала объяснить, что именно он сказал, тот ответил, что большую часть времени слушал. Она до сих пор считала это издевательством над самой идеей переговоров, зато на внутренних совещаниях его терпение становилось испытанием для всех остальных. Грант мог неделями откладывать решение ради ещё одного согласования. За полгода работы над европейским расширением они с Джулс поспорили почти о каждом сроке.

Она ценила его как переговорщика, но во главе компании предпочла бы человека, способного действовать быстрее. Например, себя. Его кандидатура тоже была вынесена на рассмотрение, ещё в пятницу Джулс казалось, что совету просто необходимо соблюсти процедуру.

— Доброе утро, Джулия. Кофе?

— Да, пожалуйста, только с молоком и два кубика сахара.

— Про молоко я помню.

— Мы работаем вместе шесть лет, Грант. К следующему повышению постарайся запомнить и сахар.

Он улыбнулся и протянул ей чашку.

— Если сегодня выберут тебя, я хотел бы обсудить партнёрства до того, как ты объявишь новую структуру, — сказал Грант. — В середине переговоров нам лучше сохранить нынешние полномочия хотя бы до конца года.

— Ты уже защищаешь свой отдел от моего руководства?

— Я стараюсь не создавать проблем там, где их пока нет.

— Тогда тебе не понравится мой план первых ста дней.

— Я прочитал краткую версию. Сокращение согласований выглядит смело.

— Представляешь, некоторые вопросы мы сможем решать в тот же день. — Она сделала глоток и добавила серьёзнее, — Партнёрства останутся у тебя. Я собиралась предложить тебе место в исполнительной команде.

На этот раз он действительно удивился.

— Несмотря на наши разногласия?

— Грант, если я исключу из команды всех, кто со мной спорит, нам с Лео придётся руководить компанией вдвоём. И то до тех пор, пока он не наберётся смелости.

Грант протянул ей руку.

— Тогда желаю нам обоим разумного решения.

— Ты даже удачи желаешь так, чтобы сохранить переговорную позицию. Она пожала его ладонь и вернулась к столу. Генри смотрел на неё поверх закрытой папки. Джулс уже собиралась спросить, что случилось, когда Элеонора Уорд, корпоративный секретарь, попросила присутствующих занять места.

Было девять ноль три. Первые минуты посвятили No. 9. На экране сменяли друг друга фотографии пятничного вечера, показатели предварительных заказов и данные за выходные. Эвелин улыбалась с огромного экрана в платье цвета шампанского, и Джулс на мгновение вспомнила её на полу возле дивана, в сером халате, с телефоном, который та боялась взять в руки. Между тем утром и этой фотографией уместилось столько всего, что несколько аккуратных столбцов в отчёте выглядели почти неприличным упрощением. Председатель совета отдельно поблагодарил Джулс за работу в кризисной ситуации.

Финансовый директор добавил, что запуск превысил ожидания, причём сегодня в его голосе не слышалось привычного желания немедленно выяснить, сколько это стоило.

— В протоколе будут указаны имена команды? — спросила Джулс. — Мия, Томас, Нора и Лео. Я могу прислать список с распределением задач, если это необходимо.

— Уже указаны, — ответил Генри.

Она повернулась к нему и улыбнулась, только он ответил не сразу. Затем заговорили о международном расширении. Джулс уточнила сроки поставок, Грант сообщил о переговорах с сетями. Обсуждение шло привычно: вопросы, цифры, просьбы открыть предыдущий слайд. Она записала на полях имя Мии и обвела его: с ней нужно было первой обсудить новую маркетинговую команду.

Телефон Джулс положила экраном вниз.

В девять шестнадцать председатель закрыл папку.

— Теперь о назначении исполнительного директора.

Элеонора придвинула к себе подготовленный документ, по комнате ещё прокатился шорох: финансовый директор убрал очки в футляр, кто-то погасил экран планшета. Джулс положила ручку на блокнот и выпрямилась. В голове вдруг осталось только начало заготовленного ответа: «Спасибо за доверие».

Дома она решила, что это звучит слишком официально, сейчас ничего другого вспомнить не могла.

— Совет рассмотрел обе кандидатуры и представленные планы развития, — начала Элеонора. — Финальное голосование состоялось вчера вечером. Вчера. Значит, пока она ещё переставляла слайды, всё уже было решено. Джулс повернулась к Генри. тот сидел совсем близко, через одно кресло, и смотрел на руки председателя. Она ждала, что он почувствует её взгляд, поднимет глаза, едва заметно улыбнётся, но Генри не пошевелился. — По итогам голосования должность исполнительного директора VELA займёт…

Элеонора подняла глаза от листа. Джулс невольно втянула воздух, готовясь улыбнуться, и только тогда заметила, что секретарь смотрит через стол.

— Грант Бомонт.

Возле двери сменились цифры: 9:17.

Джулс медленно выдохнула. Несколько мгновений она всё ещё ждала продолжения — уточнения должности, оговорки, хоть чего-нибудь, что позволило бы по-другому понять услышанное, но Элеонора отложила документ, а председатель уже протягивал руку Гранту. Первым захлопал человек справа от него. Остальные подхватили, стулья заскользили по ковру. Грант поднялся с таким искренним удивлением на лице, что Джулс стало почти зло: пусть бы хотя бы он знал, что сейчас произойдёт. Она опустила глаза, под её ладонью осталось обведённое имя Мии, ручка скатилась с блокнота, и Джулс поймала её у края стола.

Внизу ждали люди с тортом и табличкой, они ещё ничего не знали. Лео, наверное, снова проверял, хватит ли скотча, а мать выбирала, кому позвонить после дочери. Джулс сжала ручку, почувствовала, как ребристый край впился в палец, и не разжала ладонь. Грант обошёл край стола и остановился рядом.

— Джулия…

Она поднялась прежде, чем он успел продолжить, и задела коленом стол. Звякнула чашка, несколько человек посмотрели в их сторону, но Джулс протянула руку.

— Поздравляю, Грант.

Голос не дрогнул. Джулс удерживала улыбку, пока он пожимал ей руку. — Спасибо. Я надеюсь, мы сможем…

— Мы работали вместе шесть лет, — сказала она, не дав ему закончить. — Думаю, переживём ещё один понедельник.

Ближайший директор отвёл глаза и откинулся в кресле. До этой секунды он, оказывается, следил за ней. Джулс села, спрятав руки под стол. Председатель говорил о преемственности, финансовый директор — о спокойном переходе. В пятницу он обещал поддержать её план первых ста дней.

— Во сколько выходит сообщение? — спросила она.

— В девять сорок пять, сначала сотрудникам, затем в прессу.

— Тогда не объединяйте его с материалами о No. 9. У запуска отдельный график, и его не следует менять из-за кадрового объявления.

Элеонора сделала пометку, председатель с готовностью кивнул, и Джулс поняла, что от неё ждали именно этого: рабочего вопроса, после которого все могли вернуться к повестке. Она задала ещё один вопрос о европейской кампании, записала ответ и больше почти не смотрела на часы.

Однажды Генри уже сообщал ей неприятную новость в девять семнадцать, тогда контракт достался AURELLE, а она могла хотя бы назвать имя человека, которого хотела придушить. Сегодня Кэмерон Хейз, вероятно, ещё даже не знал, что происходит, ведь VELA прекрасно справилась без его помощи.

Пока остальные прощались и договаривались о встречах, Джулс подошла к окну. За стеклом, в прозрачной сентябрьской дымке, теснились высотки, солнце отражалось в них так ярко, что приходилось щуриться. Чуть ниже, в соседней башне, мужчина в белой рубашке поливал растение на подоконнике. Он осторожно приподнял широкий лист, наклонил бутылку, затем проверил землю пальцем. Джулс смотрела на него с таким вниманием, словно это занятие требовало её участия. За спиной ещё звучали поздравления, кто-то смеялся, Грант благодарил за доверие. В стекле бледно отражался её винный жакет. Наконец дверь закрылась.

— Джулия.

Она успела сделать медленный вдох, прежде чем обернуться.

— Только не спрашивай, как я себя чувствую. Если я начну отвечать честно, тебе придётся отменить весь день.

Генри стоял возле стола. Он снял очки, аккуратно сложил дужки и положил их на папку. За девять лет Джулс слишком хорошо изучила этот жест: сейчас он будет подбирать слова, оставлять ей время на ответ, говорить тише обычного. Когда-то такая деликатность помогала ей успокоиться. Сегодня от неё хотелось кричать.

— Ты знал?

Он посмотрел на неё.

— Со вчерашнего вечера.

Джулс кивнула, опустив глаза на край стола. На тёмном дереве остался влажный след от чьего-то стакана.

— Значит, утром ты уже знал. — Она снова подняла взгляд. — Когда я пришла. Когда разговаривала с Грантом. Когда предлагала ему место в своей команде.

Генри молчал.

— Ты слышал весь разговор?

— Часть.

Она коротко усмехнулась и отвернулась к окну. Теперь особенно ясно вспомнилось, как легко она улыбалась Гранту, как уверенно говорила о предстоящих изменениях. Генри сидел в нескольких шагах и позволил ей договорить.

— Я собирался поговорить с тобой после официального объявления, — сказал он. — Мне казалось, так будет правильнее.

— Для кого?

Он провёл ладонью по закрытой папке.

— Я должен был предупредить тебя до заседания.

Джулс уже приготовилась возразить, но слова так и остались непроизнесёнными. Ей было бы легче, если бы он начал ссылаться на порядок, конфиденциальность, обязательства перед советом. С этим можно было спорить.

— В пятницу они пожимали мне руку перед журналистами. Спрашивали, какие изменения я внесу в первую очередь. Один даже посоветовал не затягивать с назначениями. Они это помнят? — она посмотрела на Генри.

— Помнят.

— Тогда что изменилось за выходные?

Генри чуть отодвинул кресло, но садиться не стал.

— Их беспокоят вложения в первый год. Грант предложил сначала закрепить договорённости с сетями, а затем расширять запуск.

— По моей стратегии.

— С другими сроками и меньшими первоначальными обязательствами.

Она медленно провела языком по внутренней стороне щеки, сдерживая ответ, который первым пришёл в голову.

— Они полгода просили перемен, Генри. На каждом совещании. Я принесла им план, рассчитала бюджет, объяснила, откуда возьмутся деньги. Теперь выясняется, что всё это нужно делать достаточно медленно, чтобы никто не испугался.

Джулс отошла от окна и прошла вдоль стола, касаясь пальцами кожаных спинок кресел, на месте Гранта остался раскрытый блокнот. Сверху была аккуратно выведена дата, ниже шёл список вопросов, часть которых он так и не успел задать. Она задержалась возле него.

— Я знаю, что он умеет. Мне не нужно объяснять, почему с ним удобно вести переговоры. Но если мы ещё полгода будем согласовывать каждый шаг, сети уйдут к конкурентам и тогда осторожность обойдётся нам гораздо дороже.

— Я голосовал за тебя.

Её рука замерла на спинке кресла. Генри произнёс это без нажима, почти буднично. Джулс подняла глаза и на несколько секунд снова увидела человека, который когда-то взял её на работу, а после первой презентации, закончившейся спором с тремя руководителями, всё-таки оставил в своей команде. Ей захотелось спросить, почему на этот раз его оказалось недостаточно.

— Спасибо, — сказала она. Он едва заметно кивнул и Джулс отпустила кресло.

— Тогда объясни мне, зачем мы столько лет обсуждали, что я должна сделать, чтобы занять это место.

Генри собирался ответить, но она продолжила:

— Мне говорили, что не хватает опыта. Я его получила. Что нужна сильная команда. Я её собрала. Что пора думать шире своего направления… — Она подняла руку и тут же опустила. — Я выполнила всё, о чём мы договаривались. Иногда больше. Что ещё я должна была сделать?

Последний вопрос прозвучал тише, чем ей хотелось. Генри подошёл ближе и остановился по другую сторону пустого кресла. Теперь Джулс отчётливо видела, как устало опустились уголки его рта. Ей не хотелось замечать, что ему тоже тяжело, на это сейчас просто не оставалось сил.

— Их решение не отменяет твоих результатов.

— Я знаю. Только я рассчитывала на что-то большее, чем ещё один хороший отчёт.

Из коридора донёсся звон посуды. За матовым стеклом проплыл силуэт сотрудницы с подносом, на мгновение заслонив свет, наверное, пришли забрать чашки. Через полчаса здесь начнётся другая встреча, и кто-нибудь займёт её место, придвинет к себе чистый стакан, откроет ноутбук. Джулс потянулась за папкой и обнаружила, что всё ещё держит ручку. Когда она разжала пальцы, поперёк указательного осталась красная вмятина. Генри проследил за её движением.

— Сейчас Гранту понадобится твоя помощь, — осторожно начал он. — Люди ждали другого решения. Ты понимаешь, как это может отразиться на работе.

Джулс посмотрела на него, затем коротко рассмеялась.

— Они выбрали его, потому что с ним будет спокойнее. А теперь я должна сделать так, чтобы ему было спокойно?

— Я прошу тебя не переносить решение совета на тех, кто продолжает с тобой работать.

Улыбка исчезла с её лица.

— Мне не нужно об этом напоминать.

Генри выдержал паузу.

— Знаю.

Она убрала ручку в папку и закрыла застёжку. Со второй попытки: край листа попал между створками, и пришлось осторожно высвободить его, прежде чем продолжить.

— Я не стану мешать Гранту. Но ходить по этажам и рассказывать, как я счастлива за компанию, тоже не буду.

— Этого от тебя никто не требует.

Генри снова надел очки. Без них он выглядел старше, и привычное движение почему-то вернуло ей немного самообладания.

— Возьми хотя бы половину дня, — предложил он. — Встречи я перенесу.

Она посмотрела на дверь. Внизу, на её этаже, люди всё ещё ждали новостей. Мия наверняка проверяла телефон. Лео держал наготове табличку. Томас, возможно, уже достал из коробки пластиковый нож.

— У меня в отделе стоит торт с моим именем, — сказала Джулс. — Я сама вернусь к людям, которые его заказали.

Джулс направилась к лифту, прижимая локтем папку. В коридоре было светло и непривычно тихо. Все двери были закрыты, кроме одной — кабинета исполнительного директора. Внутри двое сотрудников административной службы негромко переговаривались, склонившись над столом. На ковре лежала узкая полоса солнца, а тяжёлые коричневые шторы всё так же заслоняли половину окна. Ещё утром она собиралась первым делом заменить их, впустить больше света. Удивительно, с какой лёгкостью человек обживает будущее: выбирает шторы, мысленно переставляет мебель, привыкает к виду из окна, до которого ещё не дошёл.

У порога Джулс замедлила шаг. Девять лет она верила, что приближается к этой двери с каждым удачным проектом, каждым поздним вечером в офисе, каждым отпуском, который можно было отложить. Когда долго идёшь к одной цели, постепенно начинаешь считать потраченное время обещанием: кажется, оно непременно должно во что-нибудь превратиться. Из кабинета донёсся короткий смешок, зашуршала бумага. Джулс поправила съехавшую папку. Дверь была открыта, до порога оставался один шаг, и за все девять лет она ещё ни разу не казалась ей такой далёкой. Она прошла дальше, к лифту.

В AURELLE новость появилась примерно через двадцать минут после официального объявления, когда офис уже окончательно вошёл в привычный понедельничный ритм, сотрудники разошлись по совещаниям, а на столах рядом с ноутбуками появились вторые чашки кофе. За прозрачными стенами переговорных мелькали люди, на больших экранах сменялись презентации, из открытой зоны доносился приглушённый гул голосов, и ничто вокруг не намекало на то, что всего несколькими кварталами дальше один из крупнейших конкурентов компании только что сменил руководителя.

Джек вошёл в кабинет Кэма без стука и застал его за квартальным отчётом. Пиджак висел на спинке кресла, верхняя пуговица рубашки была расстёгнута, а сам Кэм с таким спокойствием просматривал цифры на экране, словно финансовые таблицы были лишь неизбежной платой за возможность заниматься действительно интересными вещами. За его спиной в панорамных окнах отражалось яркое сентябрьское утро, и весь кабинет, от идеально чистого стола до открывавшегося на Манхэттен вида, удивительно соответствовал своему владельцу: дорогой, уверенный в себе и совершенно не склонный извиняться за это.

Не поднимая головы, Кэм перелистнул страницу отчёта и заметил:

— Если финансовый отдел снова прислал тебя объяснять мне, почему мы должны сократить бюджет запуска, передай им, что я внимательно выслушал все аргументы, искренне проникся их беспокойством и всё равно собираюсь потратить больше.

Джек остановился напротив его стола и несколько секунд наблюдал, как Кэм делает очередную пометку на полях, прежде чем произнести:

— VELA выбрала Гранта Бомонта.

Кэм закончил писать и только после этого поднял взгляд, словно новость оказалась достаточно интересной, чтобы наконец отвлечь его от отчёта. В его лице почти ничего не изменилось, только брови едва заметно приподнялись.

— Бомонта? Признаюсь, я ожидал от них более очевидного решения.

Джек усмехнулся и устроился в кресле напротив, вытянув ноги с той непринуждённостью, которую позволяла многолетняя дружба.

— То есть Моретти.

Кэм положил ручку поверх распечаток и немного откинулся назад.

— То есть человека, который последние девять лет фактически строил их маркетинговое направление и только что вытащил один из самых рискованных запусков сезона. Мне казалось, даже совет директоров VELA способен сложить эти два факта, но, видимо, сегодня у них была какая-то особенная математика.

— Звучит почти так, будто ты её защищаешь.

На губах Кэма появилась лёгкая улыбка, в которой было скорее снисходительное удовольствие от предположения Джека, чем необходимость действительно оправдываться.

— Я вполне способен считать Моретти невыносимой и одновременно признавать, что она хорошо делает свою работу. Эти вещи совершенно не противоречат друг другу, особенно если человек умеет мыслить чуть сложнее рекламного слогана.

Джек достал телефон и протянул ему официальный пресс-релиз VELA. Кэм взял его, пробежал глазами первые абзацы, задержался на фотографии Гранта и несколько секунд изучал краткую биографию нового исполнительного директора. По мере чтения лёгкое веселье исчезло с его лица, уступив место тому сосредоточенному выражению, которое появлялось у Кэма всякий раз, когда чужое решение переставало быть любопытной новостью и превращалось в часть рынка, которую стоило учитывать.

— Выбор не совсем безумный. Бомонт хорошо работает с партнёрами, знает ритейл, умеет разговаривать с регуляторами и наверняка помнит любимое вино каждого человека, который может подписать контракт дороже десяти миллионов.

Он пролистал текст ещё ниже, задержался на нескольких строках и только затем протянул телефон обратно Джеку.

— Но в продуктовой стратегии Моретти сильнее, и это как раз то, что меня интересует.

Кэм чуть отодвинул лежавшие перед ним распечатки и снова потянулся за ручкой.

— Закажи у аналитиков полный профиль за последние пять лет, включая сделки, партнёрства, выходы на новые рынки, кадровые решения, неудачные проекты и всё, что они позже попытались переименовать в «смену стратегического курса», потому что именно под такими формулировками обычно прячется самое интересное.

Джек убрал телефон в карман и внимательнее посмотрел на друга.

— Ты уже решил, как использовать перестановку внутри VELA?

Кэм слегка усмехнулся, и выражение его лица ясно говорило, что сам вопрос кажется ему почти риторическим.

— Если крупнейший конкурент только что сменил человека наверху, а я после этого не думаю, как извлечь из ситуации пользу, совет директоров совершенно справедливо может решить, что неприлично много денег стоит платить кому-нибудь другому.

Джек уже собирался подняться, однако задержался в кресле, словно вспомнил о детали, которая занимала его больше самого назначения.

— А что насчёт Моретти, если вся индустрия последние месяцы считала, что должность практически принадлежит ей?

Кэм бегло посмотрел на цифры перед собой, хотя возвращаться к отчёту явно пока не спешил.

— Значит, сегодня она получила довольно полезный урок о том, что корпоративную преданность лучше не включать в пенсионный план, потому что компания может очень долго рассказывать сотруднику, насколько он незаменим, а потом за одно заседание выяснить, что всё-таки прекрасно обходится без него наверху.

Джек рассмеялся и всё-таки поднялся, направляясь к двери, но почти у самого выхода услышал, как Кэм снова заговорил, уже не отрывая взгляда от лежавшего перед ним отчёта.

— Хотя для самой VELA здесь есть одна проблема, которую совет, похоже, пока не учёл.

Джек остановился, положив ладонь на дверную ручку, и обернулся.

— И в чём она заключается?

Кэм медленно покрутил ручку между пальцами, а в его голосе снова появилось то лёгкое веселье, которое обычно означало, что чужие неприятности неожиданно превратились для него в довольно занимательное наблюдение.

— Моретти совершенно не умеет злиться незаметно, поэтому, если она решит, что её действительно обошли нечестно, об этом довольно быстро узнает весь офис, а потом и половина Манхэттена, причём первой половине она объяснит ситуацию словами, а второй наверняка ещё и руками.

Джек задержался у двери и внимательно посмотрел на него, заметив слишком довольное выражение, которое Кэм даже не пытался скрыть.

— Насколько я понимаю по твоему лицу, тебя подобная перспектива крайне веселит.

Кэм наконец поднял глаза, и уголок его рта заметно дрогнул.

— Разумеется, веселит, потому что крупнейший конкурент только что создал себе внутреннюю проблему совершенно самостоятельно, а подобные подарки особенно приятны, когда за них не пришлось платить из собственного бюджета.

Джек покачал головой, хотя улыбка уже выдавала его отношение к происходящему.

— Когда-нибудь эта любовь к чужим проблемам обязательно станет причиной твоих собственных.

Кэм снова опустил взгляд к цифрам и совершенно спокойно перелистнул страницу отчёта, словно возможность подобного исхода была слишком далёкой, чтобы портить ему хорошее настроение сегодня.

— Возможно, но до тех пор было бы глупо не получать от неё удовольствие.

Примечание к главе

Сентябрьское солнце ложится на страницы, исписанные знакомым почерком. За окнами спешит Нью-Йорк, в переговорной остывает кофе, а Джулс невольно сжимает ручку чуть крепче обычного. К этому утру она шла девять лет. И теперь, сидя за столом совета, старается не торопить минуты.

Визуализация «9:17»: ссылка на Pinterest

Глава 4. Чужой почерк

Саундтрек к главе:
Torn — Natalie Imbruglia

Когда лифт открылся на маркетинговом этаже, Джулс впервые за девять лет захотелось, чтобы кто-нибудь немедленно сообщил ей о катастрофе. Пусть бы упал сайт, потерялась съёмочная группа или Томас обнаружил на утверждённом макете оттенок бежевого, который считал личным оскорблением. Сейчас подошла бы любая неприятность, достаточно срочная, чтобы у коллег не осталось времени ей сочувствовать. Однако сайт работал, принтер с тихим шелестом выпускал листы, а возле окна кто-то негромко разговаривал по телефону. Золотая лента всё ещё висела над столом Лео, и выделенное красным слово «пока», которое утром казалось удачной шуткой, теперь выглядело почти издевательством.

Мия поднялась, как только увидела её. Джулс положила папку на стол и осторожно разжала затёкшие пальцы, чувствуя, что коллега предоставляет ей право первой выбрать тему разговора. Чуть поодаль стоял Лео, прижимая табличку к пиджаку надписью внутрь.

— Мы увидели рассылку, — негромко сказала Мия, когда молчание затянулось.

— Тогда хотя бы не придётся произносить вступительную речь, — ответила Джулс и посмотрела на Лео, который попытался незаметно положить табличку на стол, но задел крышку коробки с тортом и замер. — Дай сюда, пожалуйста. Он отдал её после короткого колебания. Табличка ещё хранила тепло его ладоней, когда Джулс повернула её к свету, блик скользнул по гладкой поверхности, на мгновение скрыв имя. Утром Лео собирался повесить её на дверь нового кабинета сразу после объявления, а теперь смотрел так виновато, будто решение совета принимал лично.

— Я хотел повесить её наверху, — сказал он, словно это требовало отдельного объяснения.

— Я тоже, — призналась Джулс, ободряюще сжав его плечо, и положила табличку рядом с папкой, буквами вниз.

От коробки пахло ванилью, а из-под приподнятой крышки виднелась кремовая дверь с крошечной золотой ручкой. Кондитер даже изобразил филёнки. Ещё час назад они смеялись над этой дверью, обсуждали двусторонний скотч и боялись испортить Джулс помаду, теперь Томас переминался возле стола, Нора смотрела на нетронутый торт, и никто, повидимому, не знал, что делать с поздравлением, которое так и не удалось произнести. Джулс вдруг рассердилась: они потратили на неё свой выходной, а стояли так, будто сделали что-то постыдное.

— Ленту снимем, а торт съедим, — объявила она, выпрямившись и указав на коробку.

— Можно оставить его на потом, — осторожно предложила Нора.

— Нельзя, иначе до вечера вы будете ходить мимо так, словно там лежит моё тело.

Томас тут же потянулся за пластиковым ножом.

— В таком случае я забираю дверь. Мне с самого начала не нравились её пропорции.

Джулс не удержалась от смешка, глядя, как он вырезает кремовую дверь с сосредоточенностью человека, которому наконец позволили исправить чужой дизайн. Нора подала тарелку, Мия сдвинула документы, освобождая место, а Лео принял нож и старательно обошёл её имя, так что Джулс достался кусок почти со всем поздравлением.

Постепенно занятие нашлось каждому: нужно было искать вилки, передавать тарелки над ноутбуками и придерживать крышку, упрямо падавшую обратно. Прислонившись бедром к столу, Джулс попробовала крем и слушала, как Томас объясняет Норе, почему настолько сладкое нельзя продавать без предупреждения. Нора молча забрала у него остаток, чем окончательно обесценила его предостережение. Всё это было до смешного привычным, и напряжение в плечах понемногу отпускало. Когда Мия спросила, оставлять ли встречу на одиннадцать, Джулс уже могла ответить, не подбирая выражение лица.

— Оставляем как есть. У нас европейский запуск, а Европе, полагаю, пока не сообщили, что сегодня ей следует подождать.

Мия открыла календарь, не выпуская тарелку из другой руки. Солнечный прямоугольник медленно подбирался к торту, и Джулс переставила коробку в тень, когда завибрировал телефон. Мать спрашивала, успеет ли она к семи в ресторан. Столик был заказан, отец наверняка уже выбрал вино, а ей предстояло испортить ещё один тщательно подготовленный праздник. «Успею. Только должность получила не я», — набрала Джулс и едва успела отправить сообщение, прежде чем мать позвонила.

— Мам, пожалуйста, сначала выслушай и не давай папе звонить Генри, — попросила она, принимая вызов.

За её спиной Томас осторожно придвинул коробку ближе к себе и заметил, что всем, вероятно, понадобится ещё по куску. Джулс отошла к окну, терпеливо дождалась паузы и заверила мать, что приедет к семи и отменять столик не нужно. Всё можно обсудить за ужином, когда ей не придётся одновременно объясняться с родителями и смотреть, как сотрудники делают вид, что не слушают.

Закончив разговор, она ещё немного постояла у окна, глядя, как в стекле дома напротив отражается сентябрьское небо. Внизу такси собирались у светофора, у кофейни смеялись люди с бумажными стаканами, и город жил своим обычным понедельником, ничего не зная о том, сколько надежд она успела на него возложить. Когда Мия подошла с материалами к съёмке, Джулс убрала телефон и вернулась с ней в кабинет, забрав со стола папку и табличку, которой так и не нашлось места на новой двери.

Постепенно день, обещавший стать началом совсем другой жизни, заполнился привычными делами: вместе с Томасом Джулс добилась от подрядчика живых цветов вместо пластикового букета, с Лео уточнила график съёмки, а с Норой разобрала материалы французской кампании. К одиннадцати вся команда уже собралась у неё в кабинете, и за обсуждением сроков, правок и условий запуска понедельник незаметно превратился в очередной рабочий день.

Обида никуда не исчезла, но здесь Джулс хотя бы понимала, что от неё требуется, и могла добиться большего, чем в утреннем разговоре с Генри. После встречи Мия осталась сверить расчёты. Они сравнивали два сценария запуска, когда в углу экрана появилось уведомление от Гранта. Джулс закончила объяснение, сделала пометку на полях и только потом открыла письмо. Он просил прислать полный план первых ста дней вместе с презентацией, исходными расчётами и заметками к выступлению: стратегическую сессию назначили на среду, и до неё новый директор хотел разобраться в материалах, чтобы подготовить общее выступление.

Она перечитала просьбу, оставив ладонь на распечатках, а затем повернула экран к Мии.

— Ему нужен полный план с заметками. Могу ещё указать, где собиралась делать паузы, если это облегчит выступление.

Мия прочитала письмо и положила ручку поверх расчётов.

— Всё готово, осталось только приложить пояснения к прогнозу. Хочешь, я проверю комплект перед отправкой?

Джулс кивнула и открыла презентацию. На титульной странице стояло её имя, а дальше шёл слайд, над формулировкой которого она просидела почти весь воскресный вечер, подбирая слова для первого обращения к новой команде. Теперь их предстояло читать Гранту. Отказать было бы нелепо: работа не перестала принадлежать VELA оттого, что должность досталась не ей, однако это разумное соображение ничуть не ослабляло желания закрыть ноутбук.

— Я отправлю материалы, Мия. Не будем прятать от собственного директора документы, — сказала она, потянувшись за пустой чашкой.

— Я ничего подобного не предлагала, — напомнила Мия, наблюдая, как чашка возвращается на стол чуть резче, чем следовало.

— Знаю, это я себе объясняю.

Они ещё раз сверили условия каждого сценария, проверив рекламную поддержку, запас пробников и обучение консультантов. К прогнозу Джулс добавила ссылку на бюджет, чтобы Гранту не пришлось искать его среди вложений, а в письме предложила обсудить модель до сессии и напомнила, что маркетинговую часть они с Мией готовы представить сами. Грант не раз выручал её на переговорах, и пока не было причин считать, что новая должность лишила его способности слушать. Остаток понедельника прошёл за звонками и согласованиями.

К вечеру Джулс сложила бумаги в папку и отправилась на обещанный ужин с родителями, а домой вернулась уставшей прежде всего от разговоров. Перед сном она убрала распечатанный план в сумку и поставила будильник на обычное время.

Во вторник Джулс некоторое время лежала после будильника, прислушиваясь к шуму машин за окном. На спинке кресла висел винный костюм, который ещё вчера она выбирала для официальной фотографии. Теперь его нужно было отнести в чистку. Откинув одеяло, она пошла ставить кофе и по привычке включила радио, уже доставая чашку. После короткой заставки раздался тот же бодрый голос, который накануне обещал Рыбам признание.

— Доброе утро, Нью-Йорк! Вторник, шестнадцатое сентября. Если вчера всё пошло не по плану, поздравляю: понедельник закончился, и это уже неплохое начало.

— Хоть в чём-то мы согласны, — пробормотала Джулс, открывая шкафчик. Пока ведущая разбиралась с чужими свиданиями, покупками и семейными разногласиями, она унесла чашку в спальню, застегнула блузку и выбрала серьги. К Водолеям Джулс уже стояла перед зеркалом, собирая волосы на затылке, а когда очередь дошла до Рыб, ещё пыталась закрепить выбившуюся прядь.

— Вам сегодня звёзды советуют проявить гибкость. Не всё пойдёт так, как вы задумали, но готовность сотрудничать поможет найти общий язык даже с непростыми людьми.

Джулс замерла с заколкой в руке.

— Вчера вы говорили, что мои старания оценят, — заметила она и, не получив от радио никаких объяснений, вернулась к волосам. — Очень удобно устроились: неверный прогноз вам даже переделывать не надо.

Ведущая без малейшего смущения пожелала Рыбам продуктивного дня, после чего заиграла музыка. Джулс допила кофе и вернулась к гардеробу. Серый костюм, отвергнутый накануне, подошёл сразу: обычному рабочему дню не требовался торжественный оттенок. Она проверила сумку и вышла, пока радио не успело предложить ей ещё какой-нибудь способ стать удобнее для окружающих.

В офис Джулс приехала чуть раньше обычного, с кофе и пакетом из пекарни. Мия уже сидела за компьютером, поэтому она положила возле неё круассан и спросила о подтверждении съёмки. Через минуту Мия вошла следом в кабинет с готовым графиком, в котором оставалось уточнить два времени. В почте ждал ответ Гранта: «Отличная основа. Спасибо». Ниже

лежали приглашение на обсуждение приоритетов и просьба к Мии подготовить сокращённую презентацию для внешних партнёров, убрав даты разработки и список участников.

— Три месяца работы над подробным планом, и это теперь основа, — произнесла Джулс, повернув экран к коллеге. — Как хорошо, что ему наконец есть с чего начать.

Мия просмотрела письма и предложила ещё раз согласовать встречу по расчётам. Джулс уже потянулась к клавиатуре.

— Dio mio, я отправила ему даже заметки к слайдам. Осталось только рассказать всё это вслух, чтобы он избавился от необходимости читать. Она написала Гранту, в какие часы они с Мией свободны, попросила сохранить в сокращённой версии примечания к прогнозу и вернулась к графику съёмки.

Вторник ушёл на подготовку: подрядчик прислал новые фотографии цветов, Нора закончила проверку французских материалов, Мия собрала таблицы к сессии. Грант ответил только под вечер: «Всё понятно, спасибо. Завтра пройдёмся вместе». Ниже он добавил, что хотел бы уже на первой сессии показать совету, какие расходы компания сможет сократить в этом квартале. Джулс перечитала эту строку. Прежде Грант предпочитал ещё одно согласование любому поспешному решению, теперь, похоже, ему хотелось поскорее предъявить результат. Джулс прочитала письмо вслух и переслала Мии приглашение. Судя по ответу, Грант считал все вопросы решёнными. Ей оставалось надеяться, что завтра выяснится, какие именно.

Утром следующего дня в переговорной уже занимали места за длинным столом, готовясь к стратегической сессии. Мия села рядом и открыла расчёты, пока Грант негромко разговаривал у экрана с финансовым директором. Заметив Джулс, он кивнул и подключил презентацию. Знакомый фон появился раньше заголовка. Томас две недели подбирал этот оттенок, спорил, распечатывал образцы и однажды попросил курьера отойти от окна, потому что оранжевая куртка мешала оценивать цвет. Джулс невольно улыбнулась этому воспоминанию, но улыбка исчезла, когда загрузилась надпись «Приоритеты развития VELA», а под ней появилось имя Гранта Бомонта.

Она сняла колпачок с ручки и напомнила себе, что имя докладчика на титульном слайде ещё ничего не означает, поэтому просто приготовилась слушать.

— Я предлагаю начать с поэтапного выхода: сначала проверить модель в ограниченной сети, а затем использовать результаты для расширения. В моей модели предусмотрены три этапа, и каждый из них позволяет оценить результат прежде, чем мы перейдём к следующему, — сказал Грант, переключая слайд. На экране появилась схема, которую Мия собрала после третьего пересчёта бюджета. Джулс чуть подалась вперёд, ожидая, что он назовёт отдел или хотя бы повернётся в их сторону, однако Грант продолжал говорить, почти не отступая от её заметок. Он сохранил порядок аргументов, пример с повторной покупкой и даже фразу о том, что знакомство с брендом не должно заканчиваться у кассы.

Джулс недоверчиво вскинула брови. Европейское расширение занимало центральное место в её плане первых ста дней: за этот срок предстояло закрепить договорённости с сетью, подготовить пилотный запуск и утвердить условия дальнейшего выхода. Видимо, Грант тоже сидел на её кухне в половине второго ночи, ел холодную пасту и ругался с таблицей. Странно только, что она его не заметила. В нижнем углу схемы остался даже маленький зелёный кружок, которым Мия отмечала проверенные данные. Новую должность он получить успел, а чужую презентацию внимательно просмотреть — нет.

— Ma dai, — тихо произнесла Джулс, встретившись взглядом с Мией. Затем она указала ручкой на экран и уже громче добавила:

— Это модель нашего отдела, и, поскольку мы с Мией потратили на неё достаточно времени, чтобы помнить каждую цифру и каждое изменение, я бы хотела, чтобы у нас под рукой была августовская версия. Открой её, пожалуйста, Мия, на случай если понадобится показать исходный расчёт.

Грант на мгновение задержался у экрана, после чего с прежней вежливостью пояснил:

— Разумеется, маркетинг проделал большую работу, и я благодарен команде за подготовку. Сейчас я как раз перехожу к результатам, которые важны для обсуждения стратегии. По нашим расчётам, к концу первого года продажи парфюмерного направления могут вырасти на восемнадцать процентов за счёт выхода в европейскую сеть, причём с более сдержанными вложениями на старте.

Джулс подняла голову. Восемнадцать процентов относились к оптимистичному сценарию, который предусматривал обучение консультантов, полноценный запас пробников и запуск рекламы одновременно с появлением продукта в магазинах. На экране бюджет этих трёх пунктов оказался сокращён почти на треть. Она несколько секунд смотрела на цифры, надеясь, что где-то пропустила пояснение.

— Открой, пожалуйста, примечания к прогнозу, — попросила она, когда Грант закончил. — Там указано, при каких условиях были рассчитаны эти восемнадцать процентов, и без них цифра выглядит совсем иначе.

— Примечания остались в приложении, — ответил Грант, уже готовясь переключить слайд. — Сейчас я хотел бы сначала пройти по основной логике, а к деталям мы вернёмся, если они действительно понадобятся.

— Они понадобятся сейчас, потому что эти восемнадцать процентов рассчитаны для другого бюджета, — возразила Джулс. — Ты изменил расходы, но оставил прежний прогноз, поэтому дело уже не в деталях презентации. Речь идёт о самой цифре, которую сейчас видит совет.

В переговорной стало заметно тише. Финансовый директор придвинул к себе распечатку, а Грант спокойно объяснил, что часть затрат предполагалось оптимизировать и команда должна была найти более эффективное решение. Джулс выслушала его до конца, после чего ответила уже без прежней усмешки:

— Команда уже нашла эффективное решение. Именно поэтому исходная модель выглядела так, как выглядела. Мы заложили в неё обучение консультантов, рекламную поддержку и необходимый запас пробников, потому что без этих условий прогноз не выдерживает проверки. Если ты хочешь сократить расходы, это вполне может быть твоим решением как нового руководителя, но тогда результат тоже придётся пересчитать.

Она коснулась пальцем нужной строки и повернула ноутбук так, чтобы цифры были видны остальным.

— Ты считаешь, что показатель недостижим? — уточнил финансовый директор.

— При исходных условиях он достижим, — ответила Джулс. — Мы с командой заложили их в модель ещё в августе. Но если убрать обучение продавцов и часть рекламной поддержки, совет должен видеть, как именно это меняет ожидаемый результат. Иначе мы показываем красивую цифру, не показывая цену, за которую собираемся её получить.

Грант повернулся к ней с вежливой улыбкой, которая почему-то раздражала Джулс сильнее любого открытого возражения.

— Думаю, Джулия сможет уточнить цифры к следующей встрече. Возможно, при подготовке просто возникло небольшое недопонимание.

Джулс почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Она подняла ладонь, прежде чем он успел продолжить.

— Не надо сейчас делать вид, что мы чего-то недосчитали. Ты получил готовые цифры вместе с планом и примечаниями, поэтому прекрасно знал, на каких условиях построен этот прогноз. Если после этого ты решил изменить бюджет, это твоё право, но нельзя одновременно убрать часть расходов, оставить прежний результат и представить его как новую стратегическую модель.

На несколько секунд Грант посмотрел на неё молча, затем спокойно ответил:

— Я представляю стратегию компании, Джулс. Мне приходится принимать решения, которые не обязательно будут тебе нравиться.

— Мне не нравится не само решение, — сказала она, сохраняя спокойный голос. — Мне не нравится, что вместе с изменением бюджета исчезли имена людей, которые эту работу сделали, а теперь ты пытаешься объяснить мне несоответствие в расчётах так, будто проблема возникла из-за того, что я недостаточно внимательно посмотрела на таблицу.

В комнате стало тихо. Мия молча закрыла одну из вкладок и отложила ручку.

Грант выдержал её взгляд, затем повернулся к экрану.

— Хорошо. После встречи пришли исходную модель всем участникам, и мы отдельно вернёмся к этим расчётам.

— Пришлю, — ответила Джулс. — И примечания к ней тоже, чтобы в следующий раз всем было проще понять, откуда взялась каждая цифра.

Он кивнул и продолжил презентацию. Дальше его голос звучал чуть суше, но Джулс уже не собиралась облегчать ему выступление молчанием. Оставшиеся двадцать минут она отвечала на вопросы и показывала расчёты, каждый раз возвращая разговор к конкретным цифрам, если Грант пытался обойти неудобную деталь. Мия предусмотрительно отодвинула от Джулс стакан с водой, заметив, как та всё сильнее сжимает ручку. Когда на экране снова появился титульный слайд с именем Гранта, Джулс откинулась в кресле и скрестила руки. Он заметил её взгляд, но она не стала его отводить. Пусть хотя бы эту часть встречи он запомнит правильно.

По окончании сессии Джулс забрала блокнот и уже собиралась выйти вместе с Мией, когда Грант придержал для неё дверь и негромко попросил зайти на минуту. Она кивнула коллеге, чтобы та шла без неё, и последовала за ним. В кабинете уже убрали коробки. На столе стояла новая лампа, возле окна лежала кожаная папка, а тяжёлые шторы остались на прежнем месте. Джулс отвела от них взгляд, потому что ей было неприятно обнаруживать, как мало времени потребовалось этому кабинету, чтобы начать принадлежать другому человеку.

— Подобные замечания лучше обсуждать заранее, — сказал Грант, дождавшись, пока дверь закроется.

— С удовольствием, если в следующий раз ты пришлёшь изменённую презентацию до встречи. Тогда у меня хотя бы будет возможность понять, что именно ты собираешься показывать совету, прежде чем я увижу это на экране вместе со всеми.

— У меня было мало времени, и я не собирался вводить кого-либо в заблуждение. Мы всё ещё работаем над деталями.

Он обошёл стол, но садиться не стал. Джулс положила перед собой блокнот и развела руками.

— Ma per favore, мы только что разобрали расчёты при всём совете. Теперь я хочу понять, почему изменения не показали нам заранее и куда исчезли имена людей, которые подготовили эту работу.

Грант посмотрел на блокнот под её рукой, словно ответ действительно мог находиться где-то среди её записей.

— Теперь я представляю стратегию компании. Ты сама будешь выступать с работой своего отдела, как делала всегда.

— И всегда буду называть тех, кто эту работу сделал, потому что мне кажется вполне естественным отдавать людям должное за их собственный труд. — Я благодарен тебе и твоей команде.

— Тогда оставь наши имена в презентации и назови авторов до того, как мне придётся самой об этом напомнить. Я не хочу каждый раз прерывать выступление, чтобы выяснять, кто сделал работу.

Он медленно провёл пальцами по краю стола. Джулс ждала, чувствуя, как с каждой секундой ей становится всё труднее сохранять тот уровень вежливости, которого требовали его новая должность и их прежние отношения.

— Я понимаю, что после понедельника тебе непросто, — наконец произнёс Грант.

Джулс вскинула обе руки и сердито рассмеялась.

— Basta. Не надо объяснять ошибку в таблице моим настроением. Я могла бы сегодня прийти сюда в свадебном платье, выиграть в лотерею и помириться с Хейзом, но твой прогноз от этого всё равно не стал бы верным.

При упоминании Хейза Грант невольно усмехнулся, и Джулс тут же качнула головой, не позволяя разговору свернуть в удобную для него сторону.

— Не отвлекайся на ту часть, которая тебе понравилась. Я говорю о работе и прошу присылать изменения до совета. И верни имена команды, пожалуйста. Это несложно и, насколько я понимаю, совершенно не мешает тебе теперь представлять стратегию компании.

Она забрала блокнот и направилась к выходу, где едва не столкнулась с ассистенткой, нёсшей кофе на подносе.

— Осторожнее, — предупредила девушка.

— Последние дни я только этим и занимаюсь, — ответила Джулс прежде, чем успела подумать, что ассистентка совершенно ни при чем.

К счастью, дальше Джулс уже ждали вполне обычные рабочие дела. Рассылка отвлекла её от разговора и на какое-то время вернула ощущение привычного порядка: она успела связаться с подрядчиком, открыть материалы к съёмке и проверить последние письма, прежде чем в половине второго появился Томас. Он положил распечатки поперёк клавиатуры и придержал их ладонью, когда она потянулась за нижним листом.

— Сначала прочитай письмо, а уже потом смотри картинки. Иначе тебе слишком понравится одна из них и расставание будет тяжёлым.

— Мы уже утвердили эти картинки, — напомнила Джулс, открывая пересланную переписку.

— В понедельник я даже успел им порадоваться, — подтвердил Томас с выражением человека, который больше не собирался совершать подобных ошибок.

Грант договорился с европейской сетью о дополнительных местах у входов в магазины. Условия были хорошими: Джулс знала, сколько обычно стоило такое размещение, и уже потянулась за телефоном, чтобы поздравить его, когда дочитала следующий абзац. Партнёрам предлагали единую рекламную кампанию для трёх стран. Примером служила весенняя концепция её отдела, которую они впоследствии переработали по результатам местных исследований. Грант назвал её своим предложением по обновлению запуска.

— Che faccia tosta! Места он выбил отличные. Но почему приложил концепцию, которую мы сами сняли после тестов, и подписал её как своё предложение? — спросила Джулс, указав на письмо.

Томас поинтересовался, видел ли Грант окончательные версии, и она заверила его, что тот получил все три вместе с пояснениями, картинками и её почти неприличной готовностью ответить на вопросы. На французском макете женщина стояла у окна, повернув к свету запястье, на другом камера ловила движение в шумном городе. Продукт и палитра оставались узнаваемыми, но каждая история обращалась к своей аудитории. Теперь недели работы свелись на экране к аккуратной формулировке «единый подход».

В пересланной переписке было ещё одно распоряжение: до согласования общего варианта не оплачивать второй съёмочный день. Грант рассчитывал, что единая кампания позволит обойтись одной съёмкой. Джулс сразу попросила вернуть платёж в работу, но финансовому отделу требовалось его подтверждение.

— Позови Мию и Нору, пожалуйста, — попросила Джулс, придвигая телефон.

— Ругаться ты будешь до того, как они придут, или можно остаться? — уточнил Томас, убрав руку с листов.

— Я ещё выбираю язык, так что у тебя есть время устроиться поудобнее.

Он придвинул стул, а Джулс набрала Гранта. Тот ответил со второго раза, когда Мия и Нора уже сели за стол, и она включила громкую связь.

— Мы смотрим предложение для европейской сети. Ты добился отличных условий по размещению, но нам нужно обсудить кампанию: в письме весенняя концепция, которую мы потом доработали по результатам исследований.

— Я видел новые материалы и именно поэтому предложил общий вариант, — ответил Грант. — Так бренд будет выглядеть последовательнее, а производство обойдётся дешевле.

Джулс встала с французским макетом в руках, почувствовав, как бумага сгибается под пальцами.

— Общими у нас уже остаются упаковка, цвет и сам продукт. Мы меняем историю, с которой приходим к покупателю, потому что результаты во Франции…

— Джулия, я понимаю принцип локализации, — перебил он.

— Тогда дай мне закончить, — попросила она, наклоняясь к ноутбуку, который развернула Нора. — Общий вариант показал там результат хуже. Мы это проверили, и сейчас ты предлагаешь сэкономить на съёмке, чтобы потом заплатить за размещение рекламы, которая работает слабее.

Грант некоторое время молчал. За стеклом остановился Лео с коробкой образцов, увидев собравшихся в кабинете.

— Сеть согласилась на места при условии единого оформления, — объяснил Грант, когда молчание затянулось.

Мия придвинулась к телефону, чтобы уточнить, имелось ли в виду оформление витрин или одинаковые рекламные материалы во всех странах. Грант ответил, что они обсуждали общий пакет, и Джулс положила макет перед собой.

— Это разные вещи, поэтому сначала нужно выяснить, чего именно они хотят. Мы уже подготовили вариант, который позволит сохранить договорённость, если речь о витринах.

Томас отвёл кружку из-под её локтя, и Джулс благодарно коснулась его плеча. Говорить становилось всё труднее: Грант отвечал на каждую реплику, но пока словно не слышал ни одной.

— Подключи меня к разговору, пожалуйста. Ты договорился о хорошем размещении, и я тоже хочу его сохранить.

На этот раз он согласился. Закончив звонок, Джулс разгладила загнувшийся угол макета, но складка осталась. Томас спросил, понимает ли Грант, сколько им придётся переделать, и она ответила, что после следующего звонка это станет ясно и им самим. Лео постучал в стекло. Джулс поманила его, и он вошёл, придерживая коробку коленом.

— Студия держит второй день до половины четвёртого. Дальше без предоплаты бронь снимут. Я уже попросил продлить, они не могут, — сообщил он, глядя на часы, которые показывали без четверти три.

— Перешли мне счёт и поставь Гранта в копию. Я ещё раз напишу ему, что этот день нам нужен, — сказала Джулс, снова придвигая ноутбук. Лео кивнул и поставил коробку у стены. Когда он вышел, она снова придвинула французский макет.

На полях мелким почерком Томаса было написано: «Здесь оставить воздух». Джулс провела ладонью по свободному месту над изображением, подумав, что немного воздуха не помешало бы и ей.

К разговору с партнёрами удалось подключиться только в четверть четвёртого. Джулс, Мия, Нора и Томас собрались у ноутбука в её кабинете. Грант вышел на связь отдельно и начал представлять обновлённый подход с такой уверенностью, будто ради него и затеял встречу. Джулс дождалась паузы и вывела на экран два варианта, на вопрос, почему нельзя обойтись одним, показала результаты тестирования.

Представитель сети придвинулся к камере, попросил вернуться к предыдущему слайду и впервые за разговор обратился к Норе. Постепенно выяснилось, что единое оформление требовалось только витринам, а местную рекламу сеть готова обсуждать отдельно. Джулс почувствовала, как расслабляются плечи, пока сидевший сбоку от камеры Томас откидывал голову к потолку с выражением человека, только что избежавшего тяжёлой болезни.

Радоваться удалось примерно девяносто секунд. Грант наконец подтвердил оплату второго съёмочного дня, но срок уже истёк: студия отдала бронь другому клиенту. Лео показал сообщение на телефоне, а Джулс молча кивнула, давая понять, что прочитала. В половине восьмого он всё ещё сидел у окна, зажав телефон между ухом и плечом. Рядом остывал нетронутый ужин. Джулс закончила письмо партнёрам и подошла, дождавшись, пока Лео положит трубку.

— Завтра продолжишь, а сейчас иди домой. Ты уже даже не смотришь на еду.

— Они могут отдать нам следующую среду, я только уточню, — начал он, но, встретив её взгляд, отложил телефон. — Ты тоже уйдёшь?

Джулс оглянулась на свет в своём кабинете и пообещала закончить через полчаса. Лео не двинулся с места, и ей пришлось спросить, что не так.

— Ничего, просто хотел понять, в каком часовом поясе, — ответил он с осторожной улыбкой.

Она рассмеялась, устало потёрла лоб и забрала контейнер, чтобы закрыть крышку.

— Уже споришь со мной, прекрасно. Я всё-таки вырастила чудовище. — Ты сама просила проявлять инициативу, — напомнил Лео, принимая у неё ужин.

— Я рассчитывала на более удобную инициативу, но, видимо, поздно уточнять условия.

Он улыбнулся, однако сумку брать не спешил. Джулс подождала, понимая, что за этим молчанием стоит вопрос, который она весь день задавала себе.

— Мы же не должны теперь каждый день исправлять то, что он успел согласовать?

Можно было сказать, что всё временно, новая должность требует привыкания и людям нужно дать возможность ошибаться. Это прозвучало бы разумно и очень похоже на Генри, но Джулс посмотрела на остывший ужин Лео и не стала искать убедительную формулировку для обещания, которого не могла дать.

— Не должны, — ответила она и осталась рядом, пока он собирал сумку.

Проводив Лео, Джулс вернулась за ноутбуком. В почте появилось сообщение Гранта, который благодарил партнёров за гибкость и сообщал, что его команда уже внесла необходимые корректировки. Её объяснения остались ниже в цепочке, а к новому письму он приложил переработанную презентацию со своим именем. Она открыла файл и дошла до последнего слайда. Там, где раньше стояли имена команды, теперь было пусто. Ссылки на результаты тестирования в приложении тоже не оказалось, хотя именно эти результаты заставили команду отказаться от весенней концепции. Несколько секунд Джулс смотрела на экран, затем сохранила обе версии в отдельную папку.

Четверг начался с переноса съёмки. Студия подтвердила другую дату, Лео заново собирал участников, а Джулс пыталась освободить в графике несколько часов, которых там не было. После очередного звонка она открыла сохранённые презентации, чтобы проверить, что ещё Грант успел изменить перед отправкой, и вышла за уточнением к Мии. Возле её монитора уже

собрались Нора, Лео и Томас. При появлении Джулс Лео выпрямился так резко, что колёсики кресла проехали по ноге Томаса.

— Если это снова видео, на котором я спорю с Хейзом, предупреждаю заранее: ничего нового я там не сказала. Он действительно неправ, и повторный просмотр вряд ли поможет ему с этим смириться, — заметила Джулс, останавливаясь у стола.

Мия объяснила, что они всего лишь смотрят старую рассылку, а Нора слишком быстро свернула одно из окон и открыла таблицу. В ней стояли даты отправки, названия файлов и получатели, причём несколько строк были выделены жёлтым.

— Проверяем, какие версии материалов уходили наверх. После последних правок уже непонятно, на что они там ссылаются и какая версия вообще считается исходной, — добавила Мия, поворачиваясь к Джулс.

— Я тоже сохранила все версии и пришлю вам, чтобы потом не пришлось восстанавливать историю по памяти, — сказала Джулс, наклоняясь к экрану.

— Нам не только презентация нужна, там ещё…

Лео не успел договорить, потому что Томас молча придвинул к нему чашку с кофе, которую тот, очевидно, успел забыть. Лео посмотрел на неё с недоумением.

— Он уже холодный.

— Тем более займись им, пока не стало хуже, — посоветовал Томас с такой серьёзностью, что в других обстоятельствах Джулс наверняка рассмеялась бы.

Сейчас ей было не до смеха. Она посмотрела на каждого по очереди и сразу заметила то, что остальные, видимо, пытались от неё скрыть. Мия встретила её взгляд с привычным спокойствием, однако Нора всё ещё держала руку возле мышки, а Лео слишком старательно изучал собственную чашку.

— Что бы вы ни искали, сначала покажите мне. Я тоже вижу, что он делает, и прекрасно понимаю, почему вам хочется сохранить каждую версию, но если мы сейчас превратим работу в бесконечное собирание доказательств, у нас скоро останется только архив с его правками и совершенно не останется времени на саму работу. Давайте сначала разберёмся с согласованием, а уже потом будем выяснять, что и когда он успел поменять.

Мия согласилась подозрительно быстро, и Джулс уже собиралась спросить, что именно они успели найти, когда зазвонил телефон. На экране появилась Харпер.

— Ты сегодня едешь на ужин? Только не говори, что собираешься отказаться, потому что я уже сказала, что мы едем обе, и теперь вопрос у меня скорее из вежливости, чем из необходимости что-либо уточнять, — сообщила подруга, едва Джулс успела ответить.

Благотворительный вечер стоял в календаре уже полтора месяца. Джулс должна была идти от лица VELA, Харпер пригласили как партнёра информационной кампании, а платье Джулс выбрала ещё тогда, когда представляла, как впервые появится там в новой должности. За последними расчётами, звонками и бесконечными изменениями приглашение постепенно затерялось среди рабочих напоминаний, и только теперь выяснилось, что до выхода оставалось всего несколько часов.

— Я не уверена, что хочу туда ехать, Харпер, — призналась Джулс, выходя в коридор. Ей вдруг показалось, что ещё один вечер среди людей, которые будут спрашивать о новой должности, работе и её отношениях с Грантом, она просто не выдержит.

— Ты пожертвовала деньги ещё в августе, платье у тебя есть, а отменять хорошую еду только потому, что Грант сумел испортить тебе неделю, я считаю недопустимой уступкой. Ты не обязана позволять ему испортить ещё и вечер.

Джулс посмотрела сквозь стекло на Мию, которая снова наклонилась к монитору. Лео что-то ей объяснял, теперь гораздо тише, а Нора листала таблицу, стараясь не поднимать головы.

— Мне просто не хочется отвечать на вопросы.

— Тогда не отвечай. Будешь спокойно жевать, а разговаривать стану я. У меня большой опыт в разговорах, в которых меня вообще никто не просил участвовать, так что, поверь, с этим я справлюсь, — уверенно заявила Харпер.

Джулс невольно улыбнулась. В конце концов она согласилась, но только после того, как взяла с подруги обещание обойтись без попыток с кем-нибудь её познакомить. Харпер заверила, что ничего подобного не планирует, однако на всякий случай предупредила: если к половине седьмого не получит фотографию платья на Джулс, приедет в офис сама. Свободное время у неё как раз было, а машина достаточно заметная, чтобы угрозу стоило воспринимать всерьёз.

К семи Нью-Йорк наконец вспомнил о сентябре. На ступенях отеля женщины придерживали на плечах палантины, швейцар переставлял мокрые зонты, хотя дождь закончился почти час назад, а в лужах у тротуара отражались тёплые окна и стоп-сигналы автомобилей. Выйдя из такси, Джулс расправила юбку и задержалась под козырьком, позволяя себе ещё несколько секунд подумать о том, что можно развернуться, сесть обратно и через двадцать минут оказаться дома в одежде, которая не требовала следить за положением плеч. Вместо этого ей предстояло улыбаться людям, значительная часть которых уже читала пресс-релиз VELA, и делать вид, что неделя прошла вполне благополучно. Перехватив клатч, она вошла в отель.

Харпер стояла у регистрации в зелёном платье с открытой спиной. Рыжие волосы были собраны наверх, несколько прядей оставались возле лица, а мужчина из оргкомитета держал рядом с ней две папки и слушал с таким вниманием, будто она объясняла, как удвоить пожертвования за один вечер. Увидев Джулс, Харпер закончила разговор, обняла её и отступила на шаг, чтобы рассмотреть. Тёмно-синее платье с открытыми плечами село на Джулс безупречно. Мягкая ткань облегала талию и свободно струилась вдоль бёдер, при каждом шаге чуть касаясь ног. Она собрала тёмные кудри на затылке, оставив у лица несколько непослушных прядей, одна уже успела выскользнуть и теперь щекотала щёку. С черной подводкой карие глаза казались выразительнее, а привычная винная помада придавала улыбке ту уверенность, с которой она обычно входила в переговорную.

— Ты прекрасно выглядишь, но я бы всё-таки убрала выражение лица, с которым люди приходят опознавать родственников.

— Я пока никого здесь не опознала, так что дай мне немного времени, — ответила Джулс, оглядывая зал.

— Тогда начнём с шампанского, которое подают слева, и я пойду с тобой, поскольку плохие решения обычно принимаются где-то поблизости.

В зале пахло белыми розами и свечным воском. Между круглыми столами с низкими цветочными композициями двигались официанты, у дальней стены играл небольшой оркестр, а свет отражался в стекле, серебре и драгоценностях женщин, умевших делать благотворительность очень фотогеничной. У входа в соседний зал были выставлены работы детей из городских творческих центров, ради которых и собирали деньги. Джулс задержалась возле рисунка, на котором фиолетовый автобус ехал мимо оранжевого дома, а в каждом окне улыбался человек. Подпись сообщала, что автору восемь лет.

— Томас наверняка сказал бы, что эти цвета спорят друг с другом, — заметила Харпер, рассматривая рисунок через её плечо.

— Томас сказал бы, что мы должны немедленно нанять этого ребёнка, пока его не испортили заказчики, — возразила Джулс и, улыбнувшись, вписала сумму в лист для тихого аукциона.

Первые полчаса оказались легче, чем она ожидала. Знакомые в основном ограничивались приветствием, а одна женщина так подробно рассказывала о своей собаке, что Джулс впервые в жизни была искренне благодарна за фотографии чужого шпица. Она почти расслабилась,

когда рядом появился Грант в обществе двух представителей розничной сети. Смокинг шёл ему, но возможность провести вечер с нужными людьми, судя по всему, радовала ещё больше. Одного из мужчин Джулс знала, а второму Грант представил её сам.

— Джулия Моретти руководит маркетингом нашего направления и помогает мне с европейской стратегией.

Харпер перестала улыбаться, а Джулс на мгновение задержала взгляд на Гранте. Если дать ему продолжить в том же духе, к концу вечера она сама окажется одним из его удачных приобретений. Пожав протянутую руку, она повернулась так, чтобы Грант тоже хорошо видел её лицо.

— Бренд-стратегию мы разрабатываем с командой отдела маркетинга, а

Грант отвечает за договорённости с сетями, — сказала она, отчётливо выделив «мы». — Сейчас готовим пилотный запуск и рассчитываем, что он даст нам хорошую основу для дальнейшего выхода на рынок.

Мужчина кивнул и заметил, что Грант уже рассказывал об этой модели и она показалась ему очень интересной. Джулс ответила, что рада это слышать, после чего раскрыла ладонь в сторону Гранта с такой выразительной улыбкой, что Харпер пришлось отвернуться к бокалу. Он поджал губы и поспешил сменить тему.

— Джулия, на следующей неделе понадобится обновить материалы для фонда, поэтому давай обсудим это завтра.

Джулс согласилась, не дав ему повода задержаться, и Грант ушёл с партнёрами, по дороге остановившись ещё у одной группы. Харпер проводила его взглядом, пока подруга пыталась решить, стоит ли всё-таки вернуться и испортить ему настроение.

— Ты слышала, как я ему помогаю? — спросила Джулс, возмущённо взмахнув рукой. — Ещё немного, и я действительно вернусь, чтобы помочь ему вспомнить, где он взял эту чёртову стратегию.

— Я всё слышала и теперь хочу получить твоё разрешение хотя бы наступить ему на ногу, желательно не один раз.

— На аукционе продаются уроки бокса, так что лучше начни с них, потому что без подготовки ты только испортишь туфли.

Харпер посмотрела на неё без улыбки и коснулась её локтя, но в этот момент координатор вечера помахала ей от сцены: нужно было проверить порядок выступлений. Подруга помедлила, не желая оставлять Джулс сразу после разговора с Грантом.

— Иди, я сейчас найду еду и вспомню, что именно ради неё ты меня сюда выманила, — заверила её Джулс.

Взяв у официанта воду, она отошла к высоким окнам, за которыми темнел мокрый город. В стекле отражались тёплые огни зала, и здесь, в стороне от столов, можно было хотя бы ненадолго перестать следить за лицом. Джулс поставила бокал на узкий столик и занялась застёжкой браслета, которая весь вечер цеплялась за платье.

— Если ты пытаешься снять его незаметно, должен тебя огорчить, потому что уже три человека решили, что ты проверяешь время и собираешься уходить.

У соседнего столика стоял Джек Уоррен. Приподняв бокал в приветствии, он подошёл достаточно близко, чтобы им не приходилось перекрикивать оркестр.

— Я пытаюсь не порвать платье, но, если люди сами решили, что мне пора уходить, не стану им мешать, — ответила Джулс и повернула к нему запястье, когда он предложил помочь.

Поставив бокал, Джек осторожно освободил застёжку из атласа и отпустил её руку.

— Теперь с платьем всё в порядке, так что придётся остаться хотя бы до десерта, а потом я помогу тебе придумать другую уважительную причину.

— Надеюсь, она будет убедительной, поскольку первую ты только что у меня отнял.

Джек был высоким, широкоплечим и до неприличия довольным собственной внешностью. Чёрный смокинг сидел безупречно, хотя бабочку он уже ослабил, а зачёсанные назад тёмные кудри успели выбиться над висками. Карие глаза и открытая, ленивая улыбка позволяли ему признаваться почти в чём угодно, заранее рассчитывая на прощение, и, судя по тому, что Джулс знала об Уоррене, расчёт обычно оправдывался.

Он любил женщин, дорогие удовольствия и собственную жизнь, устроенную так, чтобы первых двух в ней хватало. На отраслевых ужинах его редко видели с одной и той же спутницей, но бывшие при этом нередко здоровались с ним теплее, чем Джулс с некоторыми родственниками. О женитьбе он говорил с искренним сочувствием к тем, кто её планировал, зато приглашать на ужин умел так, что даже предсказуемый конец вечера казался заманчивым. Джулс, однако, никогда не приходилось решать, как вежливо убрать его руку с талии. Он давно понял, что ей приятно его общество именно таким, какое оно есть, и не пытался ничего менять. Джек мог похвалить платье, принести бокал, рассмешить в неподходящий момент, а затем с тем же удовольствием отправиться к женщине, которая уже пять минут смотрела на него через зал.

В AURELLE Уоррен занимал пост коммерческого директора и отвечал за продажи, отношения с сетями и выход на новые рынки. Джулс знала об этом не только из списка гостей: несколько раз VELA теряла выгодные условия после того, как на переговорах с теми же людьми появлялся Джек. Он умел выслушать длинную речь, задать два будто бы незначительных вопроса и добиться того, ради чего другие присылали три презентации. Его лёгкость обходилась конкурентам довольно дорого. С Уорреном она познакомилась четыре года назад, на той самой конференции в Чикаго, после которой организаторы начали приглашать её и Хейза на одни и те же панели. Едва Джулс сошла со сцены, к ней подошли несколько слушателей с вопросами. Она отвечала на последний, когда рядом остановился мужчина с двумя стаканами кофе и бейджем AURELLE на лацкане.

— Джек Уоррен. Мне понравился ваш пример с повторной покупкой. Только Хейз не дал вам закончить: как вы отделяли влияние кампании от скидки?

Вопрос был достаточно точным, чтобы Джулс решила задержаться. Они оставались конкурентами, но рядом с ним Джулс не приходилось заранее готовить возражение на каждую реплику. Зато стоило появиться Хейзу, как Уоррен устраивался поудобнее и иногда просил не начинать самое интересное, пока он отошёл за закусками.

— Где твой друг и почему я до сих пор не услышала ни одного замечания, которое испортило бы мне вечер? — спросила Джулс, подхватывая со столика воду.

— Он сегодня не пришёл, но я обязательно передам ему, что ты спрашивала.

— Тогда передай заодно, что здесь совершенно чудесно, а организаторы допустили серьёзное упущение, потому что могли продавать информацию о его отсутствии вместе с билетами.

Джек рассмеялся и прислонился бедром к краю высокого столика, обещая ничего не упустить при пересказе. Возле них остановилась женщина в серебристом платье и легко коснулась его локтя.

— Я оставила тебе место за столом и надеюсь, что ты не заставишь меня жалеть об этой предусмотрительности.

Он повернулся к ней, и улыбка сделалась медленнее.

— Если ты оставила мне место рядом с собой, то вечер уже удался, а если нет, то сейчас ты поступаешь со мной очень жестоко.

Женщина рассмеялась, пообещала, что он скоро всё увидит, и пошла дальше. Джек проводил её откровенно заинтересованным взглядом, который Джулс даже не пыталась оставить без комментария.

— Ты ведь пришёл один, хотя, судя по всему, заранее рассчитывал, что это ненадолго?

— Иногда полезно оставлять место для неожиданностей, особенно когда они так радуют.

— В твоём случае эти неожиданности удивительно предсказуемы, — заметила Джулс.

— Зато я никогда не жалуюсь на результат, — ответил он и снова посмотрел на неё. — Кстати, ты прекрасно выглядишь, и я собирался сказать это сразу, но у нас случилась авария с браслетом.

— Спасибо, ты тоже прекрасно выглядишь, хотя, думаю, тебе уже успели об этом сообщить.

— Уже несколько раз, но я всё равно рад каждому новому признанию. Джулс засмеялась и удобнее облокотилась на столик, а Джек кивнул в сторону детских рисунков.

— Я видел твоё имя в листе возле фиолетового автобуса и должен сказать, что ты сделала хороший выбор. Сам минут пять рассматривал людей в окнах и пытался понять, почему они все такие довольные.

— Видимо, в этом доме никто не работает по вечерам, поэтому у них достаточно причин улыбаться.

— Или у всех был очень хороший секс.

Джулс едва не поперхнулась водой и, справившись с кашлем, напомнила, что автору рисунка восемь лет. Джек с совершенно невинным видом подал ей салфетку и согласился остановиться на версии об удачном рабочем расписании. Харпер, заметив смех подруги со сцены, одобрительно подняла большой палец, но Джулс сделала вид, что не увидела. Проходивший мимо официант предложил тарталетки, и Джулс взяла одну, а Джек — две. Пока она пыталась понять, как не уронить половину начинки, он заговорил о работе.

— Видел вашу кампанию No. 9, и мне очень понравилось, особенно кадр, где Эвелин уже сняла серьги.

Джулс проглотила кусочек и посмотрела на него с удовольствием. Обычно все вспоминали большой портрет у входа, тогда как этот кадр она сама любила больше остальных.

— Именно с ним было больше всего разговоров, потому что некоторые считали, будто женщина в рекламе должна выглядеть так, словно за дверью её ждёт целый светский раут. А нам хотелось показать момент, когда вечер уже закончился, ей было хорошо, но теперь можно остаться одной, снять украшения и больше никому не улыбаться по обязанности.

Она поставила бокал и показала свободной рукой, как в кадре лежала отброшенная серьга. Джек слушал, не торопясь вставить собственное замечание.

— Мы хотели сохранить это ощущение, потому что флакон стоит на полке и его и так видно, а на фотографии должен быть момент, который женщина может узнать.

— Мне понравилось, что она выглядит довольной, — сказал он. — Обычно на меня с этих стен смотрят так, будто я уже что-то сделал не так, хотя я всего лишь пришёл купить подарок.

— Возможно, тебя просто узнают, и тогда у них действительно есть причины для такого выражения лица.

— Это исключено, потому что в таком случае они бы улыбались.

Он произнёс это с невозмутимой уверенностью, и Джулс покачала головой, признавая его безнадёжным. Джек ничуть не огорчился и воспользовался её хорошим настроением, чтобы перейти к следующему вопросу.

— Ты сама ведёшь бренд-стратегию до запуска в магазинах или передаёшь проект другой команде на каком-то этапе?

— Я веду её с командой до самого запуска, и пока мы вполне успешно справляемся.

Джулс произнесла это с удовольствием, не испытывая ни малейшей потребности добавить что-нибудь скромное.

— По результату заметно, особенно по местам, которые вы получили в этот раз. Долго пришлось уговаривать сеть?

Она прищурилась и неторопливо положила салфетку на стол, понимая, что деловая часть вечера всё-таки наступила. Уоррен мог нравиться ей сколько угодно, но условия этих договорённостей он от неё не узнает.

— Ты сейчас спрашиваешь про переговоры или про то, что мы предложили взамен, потому что мне кажется, тебя интересует прежде всего второе?

— Мне любопытно и то и другое, хотя я уже вижу, что подробного ответа не получу.

— Совершенно верно, caro mio, так что тебе остаётся только любоваться результатом, — сказала она, покачав перед ним пальцем.

Джек рассмеялся, совершенно не смутившись.

— Всё равно стоило попробовать, тем более что разговор получился очень интересным.

Он спокойно доел тарталетку, как человек, которого отказ нисколько не лишил аппетита, а Джулс решила воспользоваться случаем для собственного вопроса.

— Кстати, у вас открыты вакансии в отделе развития, и я хотела узнать, связано ли это с расширением или вы просто обновляете команду.

— Ты следишь за нашими вакансиями так же внимательно, как я за вашими витринами?

— Разумеется, и мне кажется, это вполне справедливый обмен вниманием.

Он довольно улыбнулся и подтвердил, что компания расширяется, но всё остальное пока остаётся внутри AURELLE. Джулс заметила, что они прекрасно друг друга понимают, и они подняли бокалы, признавая ничью. Направления расширения она попробует выяснить по вакансиям, поскольку, раз уж он оставил их в открытом доступе, грех было не воспользоваться.

— А с Эвелин вы продолжите работать после этой кампании или будете искать другое лицо? — спросил Джек.

— Ma dai, Джек, ты решил пройтись по всему списку и надеешься, что на каком-нибудь вопросе я потеряю бдительность?

— Это почти наверняка последний вопрос, поэтому ты вполне можешь сделать для меня исключение.

— Ты всё увидишь в пресс-релизе, а до тех пор даже не надейся, потому что я сегодня в хорошем платье, а не в дурной форме.

Он рассмеялся и поднял обе ладони, показывая, что сдаётся.

— Тогда спрошу о том, на что ты точно можешь ответить без риска для компании: тебе самой понравился запуск?

— Мне очень понравилось, потому что я люблю видеть в магазине то, что мы придумали. Иногда даже хочется подойти к совершенно незнакомой женщине и сказать, что это мы сделали, представляете?

Джулс развела руками, улыбаясь уже шире, и Джек понимающе кивнул.

— Когда подписываю хороший контракт, мне тоже приходится искать людей, которые ещё не слышали, какой я молодец.

— В твоём случае это, должно быть, особенно трудно, учитывая, как охотно ты делишься такой информацией.

— Я справляюсь, хотя иногда приходится проявлять изобретательность.

Ей было приятно говорить об удавшемся запуске, а не о Гранте, решении совета и том, как она всё это переносит. Джек спрашивал о работе, которую она сделала хорошо, и позволял ей радоваться этому без осторожных взглядов и попыток перевести разговор на её самочувствие. Он задумчиво покрутил бокал за ножку, и Джулс уже приготовилась к следующему вопросу, но его отвлёк знакомый, пришедший попрощаться. Она отступила к окну, в котором отражались огни зала и её открытые плечи. У сцены Харпер что-то проверяла в телефоне, и, поймав взгляд подруги, Джулс показала, что всё хорошо. Джек проводил знакомого к проходу между столами. Решив, что теперь он вернётся к своим гостям, Джулс взяла клатч, однако Уоррен снова подошёл к ней и спросил, не собирается ли она уходить.

— Я хотела найти Харпер, пока её не забрали для очередного важного поручения.

— Подожди минуту, потому что я кое о чём подумал и хотел бы обсудить это с тобой до того, как нас рассадят по местам.

Он отставил пустой бокал и повернулся к ней, а Джулс предупредила, что, если речь снова пойдёт об условиях сети, ему не стоит тратить время.

— Речь пойдёт о работе, но не о ваших договорённостях, — сказал Джек, опираясь ладонью о столик. — Я давно ищу человека для одного направления и до сих пор смотрел слишком далеко, хотя сейчас думаю, что совершенно зря.

Джулс перехватила клатч обеими руками, пытаясь понять, к чему он ведёт.

— Если ты хочешь, чтобы я прислала тебе контакты, то сначала расскажи, кто именно тебе нужен.

— Я говорю о тебе, Джулс, и хочу спросить, не думала ли ты о переходе в AURELLE.

Она замерла, а Джек не торопил с ответом. Медленно выдохнув, Джулс посмотрела на столик, будто там могло найтись более подходящее объяснение происходящему.

— Madonna santa, сколько шампанского ты успел выпить, пока я не смотрела?

— Меньше бокала, и большую часть этого времени ты стояла рядом, так что дело точно не в шампанском.

— Тогда твоё предложение тревожит меня ещё сильнее, потому что теперь придётся считать его обдуманным.

Он тихо рассмеялся, но взгляда не отвёл.

— Я ищу руководителя бренд-стратегии. Ты понимаешь, как довести идею до магазина, а мне нужен человек, который будет участвовать в обсуждении новых рынков до того, как мы принесём сети готовый продукт и начнём объяснять, почему его следует купить.

— Для этого можно нанять консультанта, не переманивая человека из другой компании.

— Можно, но я ищу не того, кто уйдёт после презентации, а человека в свою команду, который возьмёт ответственность за направление и будет работать с ним дальше.

Джулс посмотрела на него внимательнее, пытаясь понять, не оказался ли он ещё одним человеком, который услышал о понедельнике и решил её утешить. Только Джек мог предложить ради этого целую должность.

— Если это из-за понедельника, то спасибо, но мне не нужна услуга, — сказала она, качнув головой и подняв ладонь, чтобы он дал ей закончить. — Меня не повысили, и это неприятно, однако работу я всё ещё умею находить сама.

— В этом я не сомневаюсь, а твою работу видел задолго до понедельника, — ответил Джек, выпрямляясь и убирая руку со столика. — В VELA решили, что ты останешься там, где есть, а я думаю, что ты можешь больше, и не вижу причины это игнорировать.

Он смотрел без той осторожной жалости, от которой всю неделю хотелось скрипеть зубами. В его взгляде были тот же интерес и та же вполне определённая цель, что и несколько минут назад, когда он расспрашивал об условиях сети.

— И это «больше» я, конечно, должна сделать для AURELLE, иначе твоё предложение теряет смысл?

— Я бы очень хотел, чтобы ты сделала это для нас, — признался Джек с улыбкой. — Я достаточно часто смотрю на ваши кампании и думаю, что предпочёл бы видеть на них наше название, а теперь у меня появился повод спросить, не хочешь ли ты сама что-нибудь изменить. Полномочия, команду и деньги можно обсудить, но сначала мне нужно понять, интересно ли тебе это вообще.

Такое объяснение было понятным и даже приятным, однако оставалась одна подробность, которую он почему-то упустил.

— Ты работаешь с Кэмероном Хейзом, Джек, вы с ним буквально каждый день находитесь в одном здании, — напомнила Джулс, вскинув ладонь. — Ты действительно хочешь доба-

вить к этому меня и считаешь, что мы сможем спокойно обсуждать задачи на общих совещаниях?

— Я работаю вместе с ним и действительно хочу предложить тебе место в команде, но сначала мы должны обсудить задачи и условия, а уже потом представлять первое совещание.

— Хейз хотя бы знает, что ты сейчас со мной разговариваешь и предлагаешь мне перейти к вам?

Джек покачал головой.

— Пока это разговор, Джулс. Если тебе станет интересно, я обсужу с ним задачи и место в отделе. Но разрешения предложить тебе работу мне у него спрашивать не нужно.

Судя по улыбке, картину первого совещания он всё-таки успел представить с удовольствием. Встретив её взгляд, Джек поднял ладонь, признавая, что она его поймала.

— Ладно, на первом совещании мне действительно будет очень интересно, но работу я предлагаю всерьёз, потому что ты хорошо её делаешь. Для меня это важнее того, кто кого раздражает.

— Ты бы хотя бы перестал улыбаться, если хочешь, чтобы я поверила в серьёзность твоих намерений.

Джулс убрала со лба выбившийся локон, подумав, что он наверняка ещё и кресло поудобнее поставит, а потом попросит никого не загораживать обзор. Джек сдержал улыбку и подождал, пока она продолжит.

— Я не ищу работу, потому что у меня есть команда в VELA и дело, которое я люблю, — сказала она, обозначая каждый довод движением ладони. — Мне приятно, что ты предложил, но я не собираюсь всё это бросать и переходить в другую компанию.

С какой стати уходить должна она, если за девять лет у неё появились команда, опыт и запуски, которыми можно гордиться? Грант получил новую должность, но не право лишать её всего остального. Джулс разжала пальцы на клатче и уже мягче поблагодарила Джека, чтобы он понял: само предложение она оценила. Он кивнул и ответил, что услышал её и не собирается уговаривать. Джулс благодарно улыбнулась, ещё раз отметив, как легко с ним было даже в разговоре, который мог закончиться неловкостью. Со сцены попросили гостей занимать места. Зашуршали платья, у столов задвигались стулья, а Харпер подняла руку, показывая Джулс, где они сидят. Джек достал визитку из внутреннего кармана и протянул ей.

— Номер всё-таки возьми, это мой личный, чтобы позвонить, если передумаешь, а если нет, я всё равно знаю лучшие места, где кормят после таких ужинов.

В золотом тиснении AURELLE отразился свет люстры. Джулс посмотрела на плотную белую карточку, а потом на Джека.

— Ты думаешь, нас здесь не накормят и придётся искать что-то ещё после благотворительного ужина?

— Я видел размер закусок, и пока всё указывает на то, что спасаться нам придётся самим.

— Тогда номер может пригодиться, но только Хейз не должен решить, будто мы уже ведём переговоры о моём переходе.

Она убрала визитку в клатч рядом с номерком из гардероба, и Джек пропустил её к столам, после чего пошёл рядом.

— Кстати, если ты всё-таки выиграешь автобус, я хотел бы иногда его навещать и проверять, по-прежнему ли довольны люди в окнах.

— Приноси кофе, и я разрешу тебе смотреть на них сколько угодно.

— Прекрасно, теперь мы разобрались не только с транспортом, но и с завтраком.

Джек на ходу поправил бабочку и остановился возле своего стола, где женщина в серебристом платье уже приглашала его на соседний стул. Он поблагодарил её, но сначала помог устроиться пожилой гостье с другой стороны, а услышав жалобу на холодный воздух, сразу повернулся в поисках официанта. Харпер дождалась, пока Джулс сядет, и наклонилась ближе.

— Что вы так долго обсуждали и почему под конец у тебя было такое лицо, будто он предложил что-то совершенно неприличное?

— Сначала мы обсуждали витрины, а потом выяснилось, что он предлагает мне перейти в AURELLE, причём вполне серьёзно.

Харпер медленно опустила бокал и несколько секунд смотрела на подругу, прежде чем спросить, что по этому поводу думает Хейз.

— Он пока ничего не знает, и, полагаю, это лучшая часть его сегодняшнего вечера, — ответила Джулс. — Я отказалась, так что у Джека нет необходимости его просвещать.

Харпер кивнула и подвинула ей корзинку с хлебом, не продолжая расспросов. На сцену вышла руководительница одного из творческих центров и, немного волнуясь, поправила микрофон. Джулс отложила приборы, чтобы послушать.

Оказалось, дети сами выбирали работы для аукциона, а мальчик, нарисовавший фиолетовый автобус, долго сомневался, поскольку рисунок хотела оставить себе его бабушка. Зал засмеялся, и Джулс невольно повернулась к Джеку. Он встретил её взгляд и едва заметно развёл руками, словно признавая, что теперь им, видимо, придётся возвращать автобус семье. Телефон коротко завибрировал в клатче. Джулс увидела письмо Гранта с темой

«Материалы к завтрашней встрече», пометила его и погасила экран, прежде чем Харпер успела что-нибудь сказать. К письмам она вернётся завтра, а сейчас перед ней стояла тарелка с горячей едой, рядом сидела подруга, и женщина на сцене рассказывала, как в центре впервые открыли класс керамики. Джулс хотела дослушать её и до конца вечера больше не вспоминала о визитке Джека.

Примечание к главе

Золотой свет, звон бокалов и разговор чуть в стороне от шумного зала. Джулс и Джек встречаются на благотворительном вечере, где за светской улыбкой не всегда легко прочитать намерения собеседника.

Визуализация: «Между светом и словами»: ссылка на Pinterest

Глава 5. Свои люди

Саундтрек к главе:
Fix You — Coldplay

— Доброе утро, Нью-Йорк! Пятница, девятнадцатое сентября. За окном около восемнадцати градусов, днём воздух прогреется до двадцати двух, так что осень пока ведёт себя воспитанно: лёгкий жакет уже пригодится, а шарф всё ещё можно оставить дома. Движение плотное на мостах и в центре Манхэттена, зато дождя сегодня не обещают, пока. А теперь посмотрим, что приготовили звёзды перед выходными. Овны, сегодня вам особенно захочется вмешаться туда, где, по вашему мнению, всё делают неправильно. Иногда это действительно необходимо. Иногда нет. Попробуйте хотя бы сначала выяснить разницу. […] И наконец, Рыбы. Сегодня привычная история может неожиданно получить совсем другое объяснение. Не торопитесь оправдывать людей только потому, что давно им доверяете. Задайте вопрос, который до сих пор не хотели задавать.

Утро над Манхэттеном было светлым и прозрачным, с тем особенным сентябрьским оттенком, когда летнее золото постепенно уступает место более мягкому, прохладному свету. После ночной мороси крыши соседних зданий поблёскивали влажным металлом, между стеклянными башнями медленно двигался сероватый воздух, а редкие жёлтые листья уже собирались у бордюров и решёток вокруг деревьев. Город только начинал набирать привычный ритм: открывались кофейни, такси скользили по ещё не загруженным улицам, люди торопились к метро с бумажными стаканами в руках, и всё вокруг казалось чуть тише, чем обычно, словно Нью-Йорк позволил себе несколько спокойных минут перед началом рабочего дня.

С высоты маркетингового этажа VELA эта тишина ощущалась особенно ясно. Панорамные окна собирали в себе весь утренний город, отражая бледное небо, свет на фасадах и движение далеко внизу. В офисе ещё не успели включить все лампы, поэтому столы оставались в мягком полумраке, экраны мониторов были чёрными, а на ковролине лежали длинные тени от кресел и перегородок. Где-то в глубине этажа негромко работала кофемашина, и запах свежего кофе постепенно заполнял пространство, смешиваясь с прохладой, оставшейся после ночи.

Мия Чен наблюдала за всем этим, пока в семь пятьдесят две Лео Мартинес не появился у её стола с двумя стаканами кофе и такой толстой папкой, словно собирался представить совету директоров собственную кандидатуру.

— Если это распечатанная история интернета, предупреждаю, у нас не хватит места в архиве, — заметила Мия, принимая кофе и рассматривая папку.

— Не весь. Мне показалось, это будет расточительно.

Томас, только что появившийся из кухни с кофе и бумажным пакетом из пекарни, остановился возле стола. Его волосы растрепал ветер, а тонкий тренч всё ещё оставался расстёгнутым.

— Слава богу. Значит, остаток цивилизации по-прежнему доступен с телефона.

Лео проигнорировал замечание, раскрыл папку примерно посередине и повернул ее к Мии.

— Посмотри третью страницу.

Все началось во вторник, хотя тогда никто из них еще не называл это расследованием, скорее коллективным профессиональным раздражением, которая постепенно перестала поме-

щаться в обычные разговоры возле кофемашины. После очередного письма Гранта, в котором он попросил убрать из презентации дату начала разработки и прислать материалы без списка участников команды, Томас переслал сообщение Мии с одним вопросом: «Он нас тоже из отдела уберет, чтобы не отвлекали от концепции?».

Мия на шутку не ответила, но открыла старую переписку с финансовым отделом и решила проверить то, что до этого не давало ей покоя: если перед назначением Гранта совет действительно сравнивал два разных управленческих подхода, один из которых предполагал сокращение расходов и изменение стратегии, то где-то должны были существовать новые расчеты. Она сама готовила для Джулс модели на случай назначения. Помнила каждую версию, каждую строку и почти каждую ночь, которая закончилась позже, чем обещала себе. Однако в запросах, уходивших наверх перед воскресным голосованием, обнаружились все те же документы: расчеты Мии, исследования Норы, материалы Томаса и презентация, с которой Джулс собиралась выступать перед советом уже в новой должности.

Сначала в этом не было ничего подозрительного. Оба кандидата имели доступ к общей папке, а исполнительный директор в любом случае должен был работать с материалами отделов, но потом Нора заметила, что встреча с одним из инвестиционных фондов, перенесенная перед назначением, неожиданно вернулась в календарь сразу после объявления нового руководителя. Причем для встречи запросили старую финансовую модель — без тех изменений, которыми Генри объяснял выбор Гранта.

— Может, не успели пересчитать, — предположил тогда Лео.

Мия подняла на него глаза и напомнила, что совет якобы сравнивал эти цифры еще в воскресенье. После этого вопрос повис в воздухе и больше никуда не делся. Всю неделю они собирали детали по одной, не потому, что собирались устраивать корпоративный переворот, хотя Томас однажды предложил подобрать для этого подходящую музыку, а потому, что никто из них не хотел идти к Джулс с догадками. Она и без того оставалась в офисе допоздна, исправляя решения Гранта, и всякий раз, когда кто-нибудь намекал, что новый директор, возможно, не просто «еще не освоился», Джулс вскидывала ладонь и отвечала, что сначала нужно научиться с ним работать.

Теперь на третьей странице лежала фотография с благотворительного ужина трехлетней давности. Грант стоял между светловолосой женщиной и Чарльзом Уэстбруком, руководителем фонда, переговоры с которым VELA вела уже несколько месяцев. Под снимком организаторы вечера услужливо подписали всех троих, и строчка «Элис Бомонт, дочь Чарльза Уэстбрука» делала дальнейшие догадки неприятно простыми. Мия прочитала подпись дважды, затем подняла взгляд.

— Откуда это?

Лео развернул к ней ноутбук и объяснил, что искал старые выступления Гранта, наткнулся на архив мероприятий и уже оттуда перешел к фотографиям. Нора тут же придвинулась ближе, Томас поставил свой кофе подальше от документов и изучил снимок с мрачным вниманием.

— Я сидел рядом с ней на рождественском ужине, — сказал он. — Она полчаса рассказывала мне про ремонт кухни. Могла хотя бы для разнообразия упомянуть отца.

Нора не отрывала глаз от экрана.

— Тебя бы это заинтересовало?

— На двадцатой минуте меня заинтересовал даже производитель их столешницы.

Мия невольно улыбнулась, но почти сразу вернулась к письмам. Одной фотографии было мало, родство само по себе ничего не доказывало, и именно поэтому последние строки вчерашнего ответа из финансового отдела теперь казались особенно важными. «Финансовая модель остается прежней. Возобновление обсуждения связано с согласованием руководства: фонд получил необходимые гарантии. До подтверждения новых вводных используем августовскую

версию». Нора прочитала сообщение через ее плечо и первой заметила цепочку дат: в пятницу встречу перенесли, в воскресенье совет проголосовал, в понедельник переговоры возобновились.

За окном ветер бросил в стекло мелкую россыпь дождя, хотя прогноз обещал сухой день. Капли почти сразу исчезли, оставив на окне несколько тёмных дорожек. Внизу кто-то на ходу раскрыл зонт, но большинство прохожих даже не замедлились.

— Забронируй маленькую переговорную, — сказала Мия, закрывая ноутбук.

— До приезда Джулс.

Томас взял кофе и направился следом за Лео, но возле двери остановился.

— Она вчера опять сказала, что Гранту нужно дать время.

— Знаю. Поэтому мы и не покажем ей половину истории. Покажем все, что у нас есть.

К восьми сорока на стекле маленькой переговорной висел лист «Проверка оборудования», который должен был обеспечить им хотя бы минимальное подобие приватности. Проблема заключалась в том, что Джулия Моретти девять лет работала в маркетинге и прекрасно знала, как выглядит плохо проданная легенда. Она вышла из лифта в тёмно-бордовом лёгком пальто, которое обычно доставала в первые по-настоящему осенние дни. Ветер успел растрепать кудри, несколько прядей лежали на воротнике, а щёки слегка порозовели после дороги. В одной руке Джулс держала кофе, другой убирала телефон в сумку, дочитывая сообщение на ходу. Увидев лист на стекле, она замедлила шаг, за ним отчетливо просматривались четыре человека, один круассан, два ноутбука и лицо Лео, которое совершенно не соответствовало проверке оборудования.

Джулс толкнула дверь плечом.

— Какое именно оборудование вы проверяете?

Томас медленно посмотрел на круассан в руке.

— Пищеварительное. Пока работает нестабильно.

— Уберите эту бумажку. Если вы тайно обсуждаете меня, по крайней мере закажите нормальный завтрак и проявите уважение к процессу.

Мия не улыбнулась.

— Мы обсуждаем Гранта.

Джулс замерла с рукой на ремешке сумки. В последние дни имя нового исполнительного директора слишком часто произносилось в отделе на полтона тише обычного. Ей уже начинало казаться, что даже принтер при упоминании Гранта печатает с неодобрением.

— Что он еще успел сделать до девяти утра?

— Пока ничего. Сядь.

Этого оказалось достаточно и Джулс поставила кофе на стол, придвинула свободное кресло и села, так и не сняв пальто, Нора повернула к ней ноутбук. Она узнала Уэстбрука сразу, его фотографии регулярно появлялись в финансовой прессе, а имя последние месяцы встречалось в письмах VELA чаще, чем имена некоторых сотрудников. Жену Гранта Джулс тоже знала — видела на приемах, пару раз разговаривала с ней возле бара и даже помнила, что Элис любила белое вино и терпеть не могла громкие залы. Связать одно с другим ей просто никогда не приходило в голову.

Джулс прочитала подпись под фотографией и почувствовала, как внутри медленно, очень неприятно освобождается место для новой мысли.

— И?

Мия спокойно объяснила про фонд, перенесённую встречу и письма финансового отдела. Джулс слушала, скрестив руки на груди, но к середине рассказа уже сняла пальто и бросила его на соседний стул. К концу сняла серьги и положила их возле кофе — привычка, появлявшаяся у неё только тогда, когда мысли становились громче окружающего мира.

— Само по себе родство ничего не доказывает, — сказала она, хотя никто этого не утверждал.

— Поэтому мы и проверили остальное, — ответила Мия.

Она открыла переписку, Джулс прочитала письмо до конца, вернулась к предпоследней строке, затем прокрутила цепочку выше. Пятница. Воскресенье. Понедельник. Ее пальцы остановились на тачпаде.

— Кто это написал?

Мия назвала заместителя финансового директора.

— И все исходные файлы у вас есть?

— Все, — ответил Лео. — Письма, старые версии, даты. Ничего не удаляли.

— Хорошо.

Слово вышло слишком ровным, Томас бросил на Мию короткий взгляд. Джулс еще раз перечитала фразу про «гарантии по руководству». Всю неделю она заставляла вести себя профессионально и не превращать назначение Гранта в личную обиду. Не искать заговор там, где совет мог просто сделать другой выбор. Она сама сказала команде, что если Грант оказался сильнее, значит, нужно понять в чем и научиться с ним работать.

Именно этим она и занималась. До половины восьмого вечера объясняла ему собственный прогноз, возвращала имена команды в презентации, исправляла обещания, которые он успевал дать внешним партнерам раньше, чем интересовался, возможно ли их выполнить. Вчера на благотворительном вечере она сказала Джеку Уоррену, что не собирается уходить из VELA из-за одного человека. Теперь один человек начинал выглядеть далеко не единственной проблемой.

— Мы не знаем, что происходило на голосовании, — осторожно сказала Мия. — Но хотели, чтобы ты это увидела до того, как еще раз скажешь, что он просто не освоился.

Джулс резко подняла голову.

— Я сказала, что с ним можно работать и это не одно и то же.

— Именно поэтому мы сначала все проверили.

Она посмотрела на четверых людей напротив: на Лео, который явно ожидал вспышки, на Нору с открытой перепиской, на Томаса, забывшего о круассане и на Мию, спокойно выдерживавшую ее взгляд. За стеклом кто-то остановился возле таблички, прочитал «Проверка оборудования», пожал плечами и пошел дальше. Снаружи раздался смех, зазвонил телефон, заработал принтер. Обычный пятничный офис продолжался в нескольких метрах от них с оскорбительной легкостью.

Джулс выдохнула, придвинула ноутбук обратно к Мии и поднялась. — Пришли мне все и фотографию тоже. Лео, больше ничего не ищи, нам не нужен компромат — нам нужна правда.

Он кивнул, уже открывая почту, Джулс взяла пальто и только у двери вспомнила про серьги. Вернулась, надела их перед отражением в стекле и сердито поправила волосы.

— И снимите наконец эту бумажку. Вы четверо выглядите так, будто оборудование уже созналось.

Томас потянулся к листу.

— Оно долго сопротивлялось.

Улыбка у Джулс появилась, но исчезла еще до лифта.

Генри вернулся из Лондона минувшей ночью, завершив четырёхдневную командировку, запланированную задолго до назначения Гранта. Его расписание было заполнено встречами с европейским офисом, партнёрами и инвесторами настолько плотно, что едва оставалось время на дорогу между гостиницей и переговорными. Во вторник Джулс получила от него короткое

сообщение из аэропорта, а на следующий день он прислал фотографию дождливого Лондона с подписью: «Твой Нью-Йорк хотя бы не собирается так легко сдавать летние позиции».

За время его отсутствия она дважды собиралась позвонить и рассказать о происходящем в отделе, однако оба раза останавливала себя. Генри действительно был занят, а жаловаться наставнику на нового исполнительного директора спустя всего несколько дней после его назначения казалось Джулс особенно унизительным. Она и без того слишком болезненно восприняла решение совета, поэтому меньше всего хотела, чтобы Генри решил, будто она ищет у него защиты от человека, которому проиграла повышение. В среду она даже заявила Мии, что является взрослой женщиной, руководителем отдела и вполне способна самостоятельно разобраться с одним самоуверенным мужчиной в дорогом костюме. Правда, на середине этой речи её жестикуляция приобрела такой размах, что Мия предусмотрительно отодвинула собственную чашку подальше от края стола.

Теперь, когда Генри вернулся, необходимость разговора уже не вызывала сомнений. Только обсуждать Джулс собиралась совсем не профессиональные недостатки Гранта, а обстоятельства его назначения, о которых, судя по всему, руководство VELA предпочло умолчать. В лифте она нажала кнопку верхнего этажа и посмотрела на своё отражение в металлических дверях. Кудри после утреннего ветра слегка растрепались, винная помада оставалась безупречной, зато выражение лица совершенно не соответствовало тому спокойствию, которое Джулс намеревалась продемонстрировать.

— Только попробуй устроить скандал раньше, чем получишь ответы, — предупредила она собственное отражение.

К десяти утра Генри уже находился в кабинете. Возле стены стояла небольшая дорожная сумка, которую он, очевидно, не успел отправить домой, а на столе рядом с открытым ноутбуком лежали документы, принесённые помощницей. Сам Генри, несмотря на ночной перелёт, выглядел раздражающе безупречно, словно много лет назад заключил отдельное соглашение с законами физики и с тех пор успешно им пользовался. Джулс обнаружила его за чтением очередного отчёта. Обычно она непременно постучала бы, дождалась приглашения и поинтересовалась, как прошла поездка, но сегодня, едва переступив порог, положила перед ним распечатки, принесённые из переговорной.

— Грант женат на дочери Чарльза Уэстбрука, — произнесла она, внимательно наблюдая за его реакцией.

Генри поднял голову от документов. На мгновение в его глазах появилось выражение усталого человека, который только что понял, что спокойного возвращения к работе не получится, однако удивления Джулс не заметила.

— Да, это так, — подтвердил он.

Она ожидала чего угодно, только не настолько спокойного признания. До последнего момента Джулс оставляла ему возможность удивиться, попросить объяснений или хотя бы нахмуриться при виде фотографии. Ей хотелось верить, что Генри, как и она сама, впервые узнаёт о связи нового исполнительного директора с одним из крупнейших потенциальных инвесторов VELA. Но он лишь отложил отчёт и посмотрел на неё с таким видом, будто уже понимал, к чему приведёт разговор.

— И ты, разумеется, знаешь, что фонд Уэстбрука возобновил переговоры сразу после назначения Гранта?

— Знаю, Джулия.

Она медленно выдохнула. За девять лет совместной работы Генри неоднократно приходилось сообщать ей неприятные новости, и почти всегда он находил способ объяснить проис-

ходящее так, чтобы даже самое досадное решение казалось хотя бы разумным. Сегодня Джулс совершенно не хотелось слышать очередное безупречное объяснение.

— Тогда, пожалуйста, избавь меня от необходимости угадывать, какую часть этой истории ты собирался рассказать мне добровольно.

Генри снял очки, аккуратно положил их рядом с бумагами и откинулся в кресле.

— Уэстбрук дал понять председателю совета, что готов вернуться к обсуждению финансирования при условии назначения Гранта. Официального требования не было, и никто не собирался оформлять подобную договорённость документально, но его позицию поняли достаточно ясно. Для компании, которая несколько месяцев пыталась привлечь эти инвестиции, это было обстоятельство, которое совет не мог проигнорировать.

Джулс несколько секунд молча переваривала услышанное. Она и прежде подозревала, что возвращение фонда было не случайным совпадением, однако одно дело — строить догадки вместе с командой, изучая письма и фотографии, и совсем другое — услышать подтверждение непосредственно от Генри.

— Значит, должность досталась ему благодаря тестю, — произнесла она наконец.

— Это не единственная причина его назначения. Совет оценивал несколько факторов, включая опыт Гранта и его способность поддерживать отношения с ключевыми инвесторами.

— Madonna santa, Генри, неужели ты даже сейчас не можешь назвать вещи своими именами? — Джулс недоверчиво рассмеялась. — Ему предложили должность, потому что вместе с ним компания получила возможность вернуть деньги Уэстбрука. Остальное, конечно, звучит гораздо приличнее в протоколе заседания, но от этого суть происходящего не меняется.

— Ты несправедлива к Гранту. У него есть управленческий опыт, и он действительно умеет вести сложные переговоры.

— Какое счастье. Жаль только, что за четыре дня он не сумел разобраться даже в прогнозе, который собирается представлять этим самым инвесторам. Генри нахмурился, и Джулс, заметив его искреннее недоумение, почувствовала новый прилив раздражения.

— Всю неделю я пыталась понять, почему совет выбрал именно его, — продолжила она, стараясь говорить спокойнее. — Я пересматривала собственный план, сравнивала наши подходы и искала те преимущества, которые могли убедить руководство отдать должность человеку, проработавшему в VELA значительно меньше меня. Я действительно считала, что проиграла более сильному кандидату, и собиралась использовать это как возможность научиться чему-то новому, а теперь выясняется, что одним из его главных преимуществ оказался удачный брак.

Генри внимательно слушал, но при упоминании о прогнозе снова посмотрел на распечатки.

— Объясни, что именно произошло за время моего отсутствия. Из отчётов, которые я получал в Лондоне, складывалось впечатление, что передача полномочий проходит без серьёзных затруднений.

Джулс посмотрела на него с таким изумлением, будто он только что сообщил, что последние четыре дня провёл не в Лондоне, а на необитаемом острове.

— Разумеется, в отчётах всё прекрасно. Сомневаюсь, что Грант стал бы писать руководству, как успешно присвоил презентацию, которую готовил чужой отдел.

Она придвинула к нему распечатки и открыла страницу с перечнем изменений, внесённых новым директором за последние дни.

— За четыре дня он успел представить нашу стратегию как собственную, убрать имена сотрудников из материалов, пересмотреть бюджет без согласования и дать партнёрам обещания, которые мы потом исправляли до позднего вечера. Вчера он попросил меня объяснить ему финансовый прогноз простыми словами, хотя собирается самостоятельно обсуждать его с представителями фонда.

Генри взял документы и начал просматривать их с нарастающим беспокойством. Судя по выражению его лица, о некоторых решениях Гранта он действительно слышал впервые, и это обстоятельство не приносило Джулс никакого удовлетворения.

— Я не знал, что ситуация настолько серьёзная, — признал он. — В Лондоне я получал только общие сводки, а по ним переход выглядел вполне штатным.

— Потому что в этих сводках никто не упоминал, сколько времени моему отделу приходится тратить на исправление чужих решений, — ответила Джулс. — Ты попросил меня помочь Гранту освоиться, и я согласилась, поскольку считала, что совет назначил компетентного руководителя, которому необходимо немного времени, чтобы познакомиться с процессами. Но между помощью новому начальнику и выполнением его обязанностей существует разница, которую он, похоже, совершенно не замечает.

Генри закрыл папку и посмотрел на неё уже без прежней уверенности.

— Мне следовало узнать об этом раньше. Почему ты не позвонила мне? Этот вопрос оказался особенно неприятным, потому что Джулс прекрасно помнила оба вечера, когда сидела перед открытой перепиской, размышляя, стоит ли беспокоить наставника.

— Потому что я решила справиться сама, Генри. После того как меня не повысили, меньше всего мне хотелось обращаться к тебе с жалобами на человека, который получил эту должность. Я понимала, как это будет выглядеть, и старалась доказать прежде всего самой себе, что могу оставаться профессионалом независимо от решения совета. И знаешь, что особенно обидно? Я ведь даже гордилась собой за это.

Последняя фраза прозвучала тише, чем предыдущие, и Генри посмотрел на неё внимательнее, но Джулс уже отвернулась к окну, не желая видеть выражение его лица. За стеклом продолжалась привычная пятничная суета Манхэттена. По проспекту тянулась вереница жёлтых такси, у перекрёстка собиралась толпа в ожидании зелёного сигнала светофора, а на противоположной стороне улицы курьер на велосипеде отчаянно спорил с водителем, перегородившим ему дорогу. Сентябрьское солнце пробивалось сквозь тонкую пелену облаков, оставляя на фасадах соседних небоскрёбов мягкие золотистые отблески. Где-то внизу люди торопились на встречи, покупали кофе, смеялись над сообщениями в телефонах и совершенно не подозревали, что на одном из верхних этажей Джулия Моретти только что узнала, насколько дорого ей обошлась собственная преданность.

— Ты знал об этом до голосования? — спросила Джулс, продолжая смотреть в окно.

За её спиной Генри негромко отодвинул какие-то бумаги. Обычно она без труда угадывала его настроение по подобным мелочам, но сейчас не хотела даже пытаться.

— Да, Джулия. Я знал.

Она медленно повернула голову. В глубине души Джулс всё ещё надеялась услышать объяснение, которое позволило бы ей отделить человека, принимавшего участие в этом решении, от Генри, которого она знала девять лет. Но он сидел напротив, усталый после перелёта, и смотрел на неё с таким выражением, будто давно готовился к этому разговору.

— В понедельник я спросила, почему выбрали Гранта, — напомнила она. — Ты прекрасно помнишь тот разговор. Я хотела знать, чего мне не хватило, в чём он оказался сильнее и что мне необходимо изменить, чтобы в следующий раз заслужить эту должность. А ты говорил об управленческом опыте, осторожности совета и необходимости обеспечить компании спокойный переход.

— Всё это имело значение, — возразил Генри. — Грант действительно умеет работать с инвесторами и вести переговоры. Совет учитывал не только его связи.

— Но именно о связях ты предпочёл умолчать.

Генри устало вздохнул и указал на лежавшие между ними документы.

— Я не имел права посвящать тебя в детали переговоров с Уэстбруком. На тот момент фонд ещё не подтвердил окончательные условия, и любая утечка могла поставить под угрозу соглашение, которое компания пыталась заключить несколько месяцев.

— Dio mio, Генри, я не просила тебя показывать мне договор! — Джулс развела руками, — Мне не нужны были суммы, условия и фамилии людей, которые ужинали с председателем совета. Ты мог просто сказать, что решение связано не только с профессиональными качествами кандидатов. Я бы поняла. Возможно, не сразу, возможно, после пары бокалов вина и очень неприятного разговора с матерью, но поняла бы. Вместо этого ты позволил мне несколько дней разбирать собственную работу в поисках ошибки, которой, как выяснилось, могло вообще не быть.

— Я никогда не говорил, что ты допустила ошибку.

— Нет, ты сделал гораздо лучше. Ты позволил мне самой прийти к этому выводу.

Генри собирался возразить, но Джулс подняла ладонь, останавливая его. Сейчас её раздражала даже привычная манера, с которой он терпеливо дожидался окончания её речи, прежде чем подобрать спокойный, безупречно взвешенный ответ. Раньше в этом было столько уважения, что она невольно старалась говорить разумнее. Сегодня ей казалось, что он просто выбирает формулировку, способную сделать неприятную правду чуть более приемлемой.

— Скажи мне одну вещь, — попросила она. — Почему ты ничего не сказал? И, пожалуйста, обойдёмся без конфиденциальности фонда. Ты знаешь, о чём я спрашиваю.

— Я боялся, что ты уйдёшь.

Джулс не сразу нашлась с ответом. Она ожидала услышать что угодно: ссылку на председателя, интересы компании, даже признание, что Генри поддерживал кандидатуру Гранта с самого начала. Но подобное объяснение оказалось настолько неожиданным, что на несколько секунд заставило её забыть о собственной злости.

— Прости, что?

— После заседания ты была разочарована, и у тебя имелись все основания злиться на несправедливость решения совета. Я понимал, что если расскажу тебе о связи Гранта с Уэстбруком, ты воспримешь назначение как окончательное доказательство того, что твоя работа ничего не значит для совета и тогда вполне могла принять решение, о котором впоследствии пожалела бы.

Джулс смотрела на него, пытаясь уложить услышанное в голове.

— Значит, ты решил избавить меня от необходимости самой выбирать, о чём мне жалеть?

— Я хотел дать тебе время успокоиться и посмотреть на ситуацию шире. Она коротко рассмеялась, но смех вышел таким неверящим, что Генри нахмурился.

— Oh, per favore. Ты ведь слышишь себя? Мне тридцать один год, Генри. Я руковожу командой, отвечаю за многомиллионные кампании и регулярно принимаю решения, из-за которых у финансового отдела повышается давление. Но ты решил, что я недостаточно взрослая, чтобы узнать, почему меня не повысили?

— Дело не в твоём возрасте или способности принимать решения.

— Тогда в чём? Потому что пока получается, что ты солгал мне исключительно из добрых побуждений. Очень трогательно, разумеется. Пожалуй, стоит предложить юридическому отделу новую формулировку для подобных случаев.

— Я не собирался тебя обманывать, — произнёс он, обойдя кресло. — Я хотел сохранить то, над чем ты столько лет работала. Ты действительно готова была получить эту должность, и я прекрасно понимаю, насколько тяжело тебе далось решение совета. Но одно неудачное назначение не должно перечеркнуть всю твою карьеру в VELA.

— Тогда почему ты не доверился мне настолько, чтобы позволить самой это решить?

Вопрос прозвучал неожиданно спокойно. Генри остановился у края стола, явно подбирая ответ, и Джулс впервые за весь разговор подумала, что, возможно, он действительно верил в благородство своих намерений. От этого становилось только хуже.

— Совет рассчитывал, что ты останешься, — наконец сказал Генри. — У нас впереди европейский запуск, переговоры с партнёрами и несколько проектов, которые без тебя потеряют темп. Гранту необходимо время, чтобы разобраться в процессах, а ты лучше остальных понимаешь, как устроена работа отдела. Я тоже был уверен, что ты не станешь бросать команду из-за решения, с которым не согласна.

Джулс медленно опустила руки. До этого момента она злилась на назначение, на деньги Уэстбрука, на Гранта с его самодовольными письмами и на человека напротив, который не сказал ей правду. Теперь же все события последних дней неожиданно сложились в картину, гораздо более неприятную, чем она могла предположить.

— Подожди, — произнесла она, не сводя с него взгляда. — Совет был уверен, что я останусь?

— Мы знали, насколько ты предана компании.

— И поэтому решили, что можете отдать должность другому, а я всё равно буду выполнять работу, без которой он не справится?

— Никто не ставил вопрос подобным образом.

— Но именно это вы и сделали, Генри!

Она шагнула к столу, положив на него обе ладони. Теперь ей уже не хотелось ни ходить по кабинету, ни размахивать руками. Джулс смотрела на наставника и впервые за много лет не понимала, как разговаривать с человеком, которого привыкла считать своим самым надёжным союзником.

— Вы знали, что я люблю эту работу. Знали, что не оставлю ребят посреди запуска, не стану устраивать скандал и не позволю компании потерять деньги только потому, что мне не досталась должность. И воспользовались этим. Не потому, что считали меня слабой или недостаточно компетентной, а потому, что были уверены: на меня можно положиться, даже когда со мной поступают несправедливо.

Генри открыл рот, собираясь ответить, но она не дала ему такой возможности.

— Знаешь, что самое отвратительное? Вы ведь даже не ошиблись. Я действительно не собираюсь увольняться. И совершенно не потому, что ты меня удержал. Я останусь ради людей, которые работали рядом со мной все эти годы, ради проектов, в которые мы вложили столько сил, и ради себя самой. Но теперь я хотя бы понимаю, почему никто из вас особенно не беспокоился о том, как я восприму назначение Гранта.

Генри посмотрел на неё с искренним сожалением.

— Я понимаю, почему ты злишься. Поверь, мне самому нелегко видеть, что наши отношения пострадали из-за этого решения.

— Тогда не пытайся сейчас сделать так, будто мы оба одинаково пострадали, — попросила Джулс. — Ты знал правду и мог подготовиться к этому разговору. А я узнала её сегодня утром от собственной команды. Ты ведь понимаешь разницу?

Генри опустил взгляд.

— Я хотел, чтобы ты осталась, Джулия. И по-прежнему считаю, что VELA — лучшее место для твоей карьеры.

— Тогда в следующий раз попробуй удержать меня уважением, а не уверенностью в том, что я всё равно никуда не денусь. Поверь, оно обычно работает гораздо лучше.

Она направилась к выходу, но у самой двери остановилась. За спиной оставался человек, который девять лет назад поверил в слишком самоуверенную выпускницу, дал ей первую серьёзную возможность и научил отстаивать собственное мнение перед людьми, не привыкшими слушать молодых женщин. Генри знал её карьеру почти так же хорошо, как она

сама, и именно поэтому предательство оказалось таким болезненным. Джулс вдруг подумала, насколько проще было бы ненавидеть его, если бы все хорошие воспоминания исчезали вместе с доверием, но они никуда не делись.

— Я всегда думала, что ты первый человек, к которому можно прийти, если в VELA со мной поступят несправедливо, — сказала она, не оборачиваясь. — Никогда не предполагала, что однажды придётся выяснять отношения именно с тобой.

Не дожидаясь ответа, Джулс вышла из кабинета и направилась к лифту. Только оказавшись одна за закрытыми дверями, она позволила себе прислониться к прохладной стенке и выдохнуть. Ей отчаянно хотелось сказать Генри ещё десяток вещей, причём некоторые исключительно на итальянском, однако возвращаться ради этого на верхний этаж она не собиралась. На двадцать шестом этаже к ней присоединились двое сотрудников юридического отдела, и Джулс немедленно выпрямилась, обменявшись с ними приветствиями с такой безупречной любезностью, будто только что закончила самое обыкновенное рабочее совещание. Она даже поинтересовалась, как продвигается согласование договора с европейскими партнёрами, и терпеливо выслушала ответ. Правда, стоило коллегам выйти на двадцать третьем этаже, как вся её дипломатичность закончилась.

— Figlio di puttana, — процедила она, глядя на собственное отражение в металлических дверях.

Лифт отозвался негромким звоном, объявляя следующий этаж. Когда двери открылись на маркетинговом этаже, она почти сразу заметила, как изменилось поведение команды. Лео сидел за компьютером, Нора просматривала документы, Томас разговаривал по телефону, а Мия изучала таблицу, но стоило Джулс появиться, как все четверо отвлеклись от своих занятий. Разумеется, никто не собирался признавать, что последние сорок минут они ждали её возвращения.

Джулс остановилась возле маленькой переговорной и распахнула дверь.

— Полагаю, нам стоит обсудить результаты вашего утреннего расследования. И прежде чем кто-нибудь начнёт торжествовать, предупреждаю: моё настроение совершенно не располагает к празднованию чужой правоты.

Томас, закончивший телефонный разговор, направился за ней следом.

— А я уже приготовил речь. Там было несколько довольно трогательных моментов о том, как важно иногда прислушиваться к своим сотрудникам.

— Сохрани её до годового собрания, Томас. Возможно, к тому времени я буду настроена великодушнее.

Он усмехнулся и занял место рядом с Лео, пока остальные рассаживались вокруг стола. Джулс не стала пересказывать разговор с Генри дословно. Ей и самой было неприятно вспоминать некоторые его объяснения, поэтому она ограничилась обстоятельствами назначения Гранта, участием Уэстбрука и признанием наставника, что руководство заранее рассчитывало на её поддержку. К тому времени, когда она закончила, Мия перестала делать заметки, а Нора задумчиво смотрела на открытую переписку финансового отдела.

— Значит, возвращение фонда действительно было связано с назначением Гранта, — произнесла Нора. — Хотя официально нам по-прежнему будут говорить, что совет руководствовался его управленческим опытом.

— Скорее всего, именно так, — согласилась Джулс. — Мы не знаем всех обстоятельств голосования, и Генри не собирается раскрывать подробности переговоров, но теперь хотя бы понятно, почему инвесторы так быстро изменили своё отношение к сотрудничеству.

Лео, до этого молча слушавший разговор, отложил ручку.

— А для нашей работы это что-нибудь меняет? Грант ведь по-прежнему будет присылать нам исправления, которые потом придётся переделывать.

— Меняет, и довольно существенно. До сегодняшнего дня я старалась дать ему возможность освоиться, потому что считала, что совет выбрал человека, способного предложить компании более сильную стратегию. Теперь я знаю, что причины назначения были несколько сложнее, а значит, больше не вижу необходимости закрывать глаза на ошибки под предлогом адаптации.

Джулс придвинула к себе блокнот и раскрыла его на чистой странице.

— Мы продолжим работать над запуском и выполнять собственные обязанности, но с этого момента все изменения должны быть зафиксированы письменно. Если Грант захочет пересмотреть бюджет или пообещать инвесторам новые показатели, ему придётся согласовать это с теми, кто действительно отвечает за расчёты. И я настоятельно рекомендую сохранять каждую версию презентаций, потому что ещё одного случая исчезновения ваших имён из материалов я не потерплю.

— Особенно если они исчезнут одновременно с нашей работой, — заметил Томас.

— О, нет, работу он пока оставляет, — отозвалась Джулс. — Просто предпочитает, чтобы она выглядела результатом его исключительных способностей.

Мия не удержалась от улыбки, а Нора уже открывала папку с документами, готовясь внести изменения в порядок согласования.

— Думаю, нам стоит уведомить об этом и финансовый отдел, — предложила Мия. — Иначе они продолжат получать разные версии бюджета от нас и от Гранта.

— Хорошая мысль. Подготовь письмо, пожалуйста, а я согласую его с Генри после выходных. На сегодня моё желание общаться с ним полностью исчерпано.

Томас наблюдал за ней с нескрываемым удовлетворением. — Знаешь, а мне нравится, когда ты перестаёшь пытаться быть дипломатичной.

— Я всегда дипломатична.

— Конечно. Особенно когда называешь чужую стратегию профессиональным преступлением.

— Это была исключительно профессиональная оценка, и я по-прежнему готова её защитить.

Негромкий смех разрядил обстановку, но Мия, которая знала Джулс достаточно хорошо, чтобы не путать хорошую шутку с хорошим настроением, не спешила возвращаться к работе.

— Джулс, ты ведь понимаешь, что после этого разговора имеешь полное право пересмотреть свои планы?

На несколько секунд Джулс задумалась. Она могла уйти, получить собственную команду, полномочия и возможность работать там, где её профессиональные качества не будут сравнивать с родственными связями конкурирующего кандидата.

— Понимаю, — наконец ответила она. — У нас впереди европейский запуск, и я намерена довести его до конца. Правда, теперь нам придётся несколько иначе организовать работу. Совет допустил большую ошибку, решив, что моя преданность VELA означает готовность мириться с любыми его решениями. Если они рассчитывают, что я продолжу молча исправлять ошибки Гранта и выполнять за него работу, то их ждёт весьма неприятное разочарование. Я остаюсь, потому что люблю своё дело, а не потому, что кто-то может пользоваться этой любовью в собственных интересах.

В половине шестого Джулс закрыла ноутбук, чувствуя себя человеком, который каким-то чудом пережил затянувшееся совещание с собственной нервной системой. За панорамными окнами Манхэттен постепенно погружался в вечернюю суету: между небоскрёбами загорались первые огни, жёлтые такси собирались у перекрёстков, а прохожие спешили закончить свои пятничные дела, пока сентябрьское солнце окончательно не скрылось за крышами. Телефон

завибрировал как раз в тот момент, когда она собиралась уходить. Генри предлагал продолжить разговор и сообщал, что останется в кабинете до семи. Джулс перечитала сообщение, сдержала желание ответить ему исключительно на итальянском и убрала телефон в сумку. После сегодняшнего разговора ей требовалось хотя бы несколько часов, в течение которых не придётся видеть Генри, слышать его голос или размышлять о том, как человек, знавший её девять лет, сумел настолько неправильно распорядиться этим знанием.

К тому времени, когда Джулс добралась домой, раздражение ничуть не уменьшилось. Она сбросила туфли возле двери, оставила сумку на консоли и направилась в спальню, собираясь первым делом избавиться от причёски, которая за день успела превратиться в весьма неудачную попытку усмирить её кудри. Именно тогда позвонила Харпер.

— Надеюсь, ты хотя бы хлопнула дверью, когда уходила от Генри, — заявила она вместо приветствия. — Потому что, если нет, я официально разочарована кульминацией этой истории.

— Я вышла с достоинством, которое, между прочим, потребовало от меня нечеловеческих усилий.

— То есть не хлопнула. Какое расточительство, Джулс! Представляешь, какой замечательный звук могла бы издать дорогая дверь его кабинета?

Джулс рассмеялась вопреки собственному настроению, однако стоило подруге спросить, что именно сказал Генри, как смех исчез. Она прошла на кухню и начала рассказывать. Сначала она старалась придерживаться хронологии, но очень скоро обнаружила себя стоящей возле кухонного острова и размахивающей свободной рукой с таким усердием, словно Генри по-прежнему находился перед ней и мог услышать все аргументы, которые она не успела высказать утром.

— И знаешь, что он сказал? Что боялся моего ухода! Представляешь, Харпер? Девять лет я работала рядом с этим человеком, доверяла ему, прислушивалась к его советам, а он решил, что лучше меня знает, как мне распорядиться собственной карьерой. Он ведь даже не сомневался, что я останусь и помогу Гранту справляться с обязанностями, ради которых этого идиота, собственно, и назначили.

На другом конце провода Харпер перестала шутить.

— Джулс, это ужасно. Особенно потому, что Генри прекрасно понимал, насколько для тебя важна эта должность. Я бы на твоём месте тоже была в бешенстве.

— Вот именно! — Джулс указала пальцем на телефон, хотя подруга не могла этого видеть. — Спасибо. Наконец-то человек, который не предлагает мне войти в положение совета директоров.

— Пожалуйста, дорогая. А теперь открой дверь минут через двадцать, потому что я очень хочу обнять тебя и лично оскорбить нескольких людей, с которыми даже не знакома.

— Харпер, не нужно ехать ко мне через весь город. Я вполне способна пережить один отвратительный день самостоятельно.

— Конечно, способна. Но зачем тебе делать это одной, когда у тебя есть две совершенно замечательные подруги?

Через полчаса в квартире появились две женщины, присутствие которых Джулс всегда считала одной из самых удачных случайностей своей жизни. Харпер ворвалась первой, её рыжие волосы слегка растрепал ветер, кожаная куртка соскользнула с одного плеча, а в руках она держала бумажный пакет из кондитерской. Не дав Джулс произнести ни слова, она обняла её с такой непосредственностью, словно они не разговаривали по телефону всего полчаса назад.

— Я очень хотела приехать раньше, но Мэдди отказалась нарушать правила дорожного движения ради моей эмоциональной потребности обнять тебя.

— Твоя эмоциональная потребность едва не привела к тому, что ты попыталась выйти из машины на светофоре, — заметила Мэдди, входя следом. На ней был светлый тренч, волосы аккуратно собраны на затылке, а в руках находились термос и несколько контейнеров. Поставив покупки на кухонную столешницу, Мэдди подошла к Джулс, внимательно посмотрела на неё и нежно коснулась щеки.

— Бедная моя, — произнесла она с такой искренней теплотой, что у Джулс на мгновение сжалось горло. — Ты, должно быть, ужасно устала.

— Скорее ужасно разозлилась.

— Я заметила. Поэтому сначала мы тебя покормим, а потом ты сможешь рассказать всё, что захочешь. У нас целый вечер.

С этими словами Мэдди отправилась на кухню, где принялась доставать тарелки с уверенностью женщины, прекрасно знавшей расположение каждого шкафа в квартире подруги. Харпер тем временем устроилась на высоком стуле, вытянула ноги и начала изучать содержимое принесённого пакета.

— Я купила эклеры. Причём собиралась взять четыре, но потом подумала, что сегодня мы имеем полное право на шесть. Один, правда, не пережил дорогу, однако могу заверить, что остальные совершенно великолепны.

— Ты могла хотя бы дождаться, пока мы приедем, — заметила Мэдди, разливая по тарелкам горячий суп.

— А ты могла не заставлять меня слушать двадцать минут о том, почему нельзя перестраиваться через две полосы. Мы обе пошли на компромисс. Джулс, наблюдавшая за ними у кухонного острова, впервые за день почувствовала, как напряжение немного ослабевает. Мэдди подвинула к ней тарелку, убедилась, что суп не слишком горячий, и устроилась рядом, пока Харпер выбирала самый большой эклер, совершенно не скрывая своих намерений.

— Ну, рассказывай, — попросила она. — Мне нужны подробности, потому что из нашего разговора я поняла только одно: Генри удивительно плохо справился с ролью человека, которому можно доверять.

На этот раз Джулс говорила спокойнее, хотя упоминание о признании наставника попрежнему заставляло её повышать голос. Она рассказала, как команда обнаружила связь Гранта с Уэстбруком, как Генри подтвердил обстоятельства назначения и как выяснилось, что руководство изначально рассчитывало на её готовность поддержать нового директора. Харпер слушала с искренним возмущением, время от времени задавая вопросы, которые Джулс самой не пришло в голову задать утром. Мэдди почти не перебивала, но выражение её лица становилось всё более печальным.

— Мне больше всего жаль, что это оказался Генри, — произнесла она, когда Джулс закончила. — Я помню, как ты рассказывала о нём после своего первого повышения. Ты тогда сияла так, будто лично получила ключи от всего Манхэттена.

Джулс опустила взгляд на тарелку.

— Он был первым человеком в VELA, который действительно поверил, что я чего-то стою. И, наверное, именно поэтому всё это так неприятно. С Грантом хотя бы понятно, чего ожидать, а Генри…

Она не закончила, потому что сама не знала, как объяснить человеку, не работавшему рядом с ними, насколько важной частью её жизни был наставник. Мэдди придвинулась ближе и ласково погладила её по спине.

— Знаешь, тебе совершенно необязательно переставать любить человека только потому, что он сильно тебя разочаровал. Ты можешь продолжать помнить всё хорошее, что между вами было, и при этом иметь полное право не прощать ему сегодняшний поступок.

— Не слушай её, — вмешалась Харпер. — Она просто слишком воспитанная, чтобы признаться, что тоже хочет придушить Генри. А вот я совершенно готова это сделать, причём исключительно в переносном смысле, если здесь вдруг есть свидетели.

Мэдди рассмеялась и покачала головой, а Джулс наконец позволила себе улыбнуться по-настоящему. За окном мягкий сентябрьский вечер постепенно уступал место ночи. В соседних домах загорались окна, над тротуарами светились вывески ресторанов, а ветер шевелил ветви деревьев, среди которых уже появились первые золотистые листья. Джулс поднялась из-за стола и подошла к окну. Несколько минут назад ей казалось, что рассказать подругам всё случившееся будет достаточно, чтобы избавиться от тяжести этого дня, но теперь она понимала: неприятнее всего было возвращаться мыслями к понедельнику. Ей предстояло снова войти в VELA, встретиться с Генри, увидеть Гранта и продолжить работать в компании, руководство которой только что продемонстрировало, насколько мало считается с её интересами.

— Представляете, я всё равно хочу вернуться туда в понедельник, — призналась она. — И дело даже не в том, что мне хочется что-то доказать совету. Я действительно люблю свою работу, люблю нашу команду и не собираюсь позволять Гранту испортить всё, чего мы добились.

Харпер подошла к ней, остановилась рядом и посмотрела на огни города.

— Тогда возвращайся, Джулс. Просто не позволяй им обращаться с тобой так, словно твоё желание остаться означает, что теперь они могут делать всё что угодно.

— С этим я полностью согласна, — поддержала Мэдди. — Ты не обязана принимать чужие условия только потому, что раньше всегда старалась быть удобной для компании.

Джулс обернулась к подругам с подозрением.

— Вы сегодня удивительно рассудительны. Это начинает меня беспокоить. —

Прекрасно, потому что я как раз собиралась предложить кое-что совершенно нерассудительное, — объявила Харпер.

Она вдруг оживилась, будто идея только что возникла у неё в голове и уже успела превратиться в нечто чрезвычайно привлекательное.

— Мне кажется, тебе сегодня категорически противопоказано продолжать сидеть дома и думать об этом. Мы должны куда-нибудь поехать, желательно туда, где громко, весело и никто не заставляет тебя быть образцом профессионального поведения.

— Харпер, на часах почти восемь, — заметила Мэдди.

— Вот именно! Самое подходящее время для приключений.

Джулс скрестила руки на груди.

— Боюсь спрашивать, какое именно приключение ты имеешь в виду.

— Американские горки.

Кони-Айленд встретил их россыпью разноцветных огней, музыкой и свежим солёным воздухом, доносившимся со стороны океана. Летняя толпа заметно поредела, однако парк продолжал жить своей привычной жизнью: над павильонами мерцали гирлянды, дети уговаривали родителей купить ещё одну игрушку, а из открытых киосков тянуло запахом карамели, корицы и горячего теста. Сентябрьский вечер оставался достаточно тёплым, чтобы люди могли неспешно гулять по набережной, хотя лёгкий ветер уже напоминал о приближении осени.

Харпер, едва выйдя из машины, заметно оживилась. Она уверенно направилась к входу, по пути успев рассказать, что последний раз была здесь несколько лет назад и тогда совершенно позорно проиграла в тире мальчику, которому, по её собственным словам, едва исполнилось двенадцать.

— Он выиграл огромного медведя, а мне досталась крошечная пластиковая уточка, — с возмущением вспоминала она.

— И самое ужасное, что он ещё пожелал мне удачи. Представляешь, Джулс? Меня утешал ребёнок!

— Уверена, он просто был очень воспитанным, — заметила Мэдди.

— Ему было двенадцать, Мэдди. В этом возрасте люди ещё не имеют права настолько уверенно демонстрировать своё превосходство.

Джулс рассмеялась и посмотрела на возвышавшиеся над парком американские горки. По металлическим рельсам медленно поднимался состав, который спустя несколько секунд стремительно сорвался вниз, сопровождаемый таким громким криком, что даже музыка соседней карусели на мгновение показалась тише.

— Полагаю, именно туда ты собираешься нас отправить?

Харпер проследила за её взглядом и улыбнулась с совершенно детским предвкушением.

— Разумеется. Если уж мы решили избавить тебя от плохого настроения, то будем действовать радикально.

Мэдди посмотрела на аттракцион с выражением женщины, только теперь осознавшей истинный масштаб предстоящего мероприятия.

— Я надеюсь, у них регулярно проверяют оборудование.

— Конечно, проверяют, — беззаботно ответила Харпер.

— Не сомневаюсь, что иначе их давно бы закрыли.

— Меня совершенно не успокаивает слово «надеюсь», когда речь идёт о высоте нескольких десятков метров.

— Тогда лучше смотри на огни. Здесь красиво, правда?

Харпер взяла её под руку, и Мэдди не смогла удержаться от улыбки.

Очередь оказалась небольшой. Пока они ждали, Харпер рассказывала забавную историю со съёмки, где приглашённый специалист по спецэффектам случайно включил пожарную сигнализацию вместо установки искусственного дыма. Она так выразительно изображала возмущённого режиссёра и растерянного администратора, что Джулс несколько раз смеялась до слёз. Мэдди тоже слушала, хотя изредка поглядывала на вагонетки, пролетавшие над их головами.

— А ведь я могла сейчас сидеть дома с чашкой чая, — заметила она, когда очередь наконец приблизилась к платформе.

— Могла, — охотно согласилась Харпер. — Но тогда ты пропустила бы одно из самых удивительных событий сезона.

— Какое именно?

— Джулию Моретти, которая собирается публично выругать собственный совет директоров с американских горок.

Джулс посмотрела на неё с искренним удовольствием.

— Знаешь, а это действительно звучит заманчиво.

Когда подошла их очередь, они сели втроём в один ряд. Харпер устроилась между Джулс и Мэдди, объяснив свой выбор желанием услышать всё, что подруга собирается кричать во время спуска. Сотрудник проверил крепления, вагонетки медленно тронулись, и металлическая цепь потянула состав вверх. По мере подъёма огни парка постепенно опускались всё ниже, а за набережной открывался тёмный простор океана. Ветер путался в волосах Джулс, выбивая из причёски кудри, но она почти не замечала этого, заворожённо наблюдая за городом, который с высоты выглядел удивительно маленьким и спокойным.

— Это гораздо выше, чем казалось снизу, — призналась она, почувствовав, как сердце начинает биться быстрее.

Харпер ласково сжала её руку, а Мэдди наклонилась вперёд, чтобы видеть Джулс.

— Просто смотри вперёд, дорогая. И помни, что сейчас мы совершенно добровольно занимаемся этим ради твоего удовольствия.

Харпер повернула голову к Джулс и улыбнулась.

— Джулс, ты готова?

Ответить она не успела. Передний вагон перевалил через вершину, и в следующую секунду весь мир стремительно рухнул вниз.

— ГРАНТ, ЧТОБ ТЕБЯ-А-А-А!

Крик вырвался у Джулс совершенно непроизвольно. Ветер ударил в лицо, вагонетки стремительно вошли в поворот, а Харпер завизжала от восторга, подняв обе руки. Джулс расхохоталась, чувствуя, как её переполняет безудержное, почти детское веселье. Она совершенно забыла о необходимости подбирать слова и сохранять достоинство, которым так гордилась в офисе.

— САМ СВОИ ТАБЛИЦЫ ДЕЛАЙ! И ПРЕЗЕНТАЦИИ ТОЖЕ!

— И НАУЧИСЬ ИХ ЧИТАТЬ! — немедленно поддержала Харпер.

Следующий спуск оказался ещё круче, и Джулс выкрикнула несколько итальянских выражений, которые вряд ли стали бы украшением официальной переписки VELA. Мэдди неожиданно рассмеялась так громко, что Джулс едва поверила собственным ушам. Подруга крепко держалась за поручень, совершенно забыв о привычной сдержанности, а на очередном повороте даже позволила себе высказать весьма нелестное мнение о Генри.

— МЭДДИ! — восхищённо завопила Джулс.

— Я ТОЖЕ ИНОГДА МОГУ ЗЛИТЬСЯ! — прокричала та в ответ.

Это окончательно развеселило всех троих. К тому времени, когда состав начал замедляться, Джулс уже с трудом могла отличить собственные крики от смеха. Харпер пыталась убрать растрепавшиеся волосы с лица, Мэдди всё ещё улыбалась, а у самой Джулс болели щёки от совершенно непривычного после сегодняшнего дня счастья.

— Признай, что это было великолепно! — потребовала Харпер, едва они выбрались из вагонеток.

Мэдди поправила волосы и оглянулась на аттракцион.

— Я признаю, что получила значительно больше удовольствия, чем ожидала. Но если кто-нибудь из вас расскажет об этом посторонним, я буду всё отрицать.

— Поздно, дорогая, — рассмеялась Харпер, указывая на экран у выхода. — У нас есть документальное подтверждение.

На фотографии, сделанной во время первого спуска, Джулс сидела с широко открытым ртом и совершенно растрёпанными волосами, Харпер восторженно смеялась, подняв руки, а Мэдди выглядела настолько счастливой, что её привычная безупречная сдержанность казалась чем-то совершенно невероятным. Харпер немедленно объявила, что подобное произведение искусства необходимо сохранить для потомков.

— Я возьму три экземпляра, — сообщила она сотруднику.

— Четыре, пожалуйста, — неожиданно поправила Мэдди.

Джулс с удивлением посмотрела на неё.

— Зачем тебе два?

Мэдди улыбнулась, всё ещё рассматривая фотографию.

— Один поставлю дома. Думаю, мне будет приятно вспоминать этот вечер.

Харпер немедленно обняла её за плечи.

— Ты даже не представляешь, насколько сильно я сейчас тебя люблю!

— Представляю, дорогая. Но, пожалуйста, не задуши меня раньше, чем мы заберём фотографии.

Они вышли к набережной, где свежий ветер приятно охлаждал разгорячённые лица. Джулс некоторое время шла молча, прислушиваясь к музыке и смеху вокруг. Лишь теперь она заметила, что впервые за весь день совершенно не думает о том, какой именно фразой следовало закончить разговор с Генри. Харпер, внимательно наблюдавшая за ней, вдруг предло-

жила прокатиться ещё раз. Джулс посмотрела на горку, затем на подругу и улыбнулась с таким выражением, что Мэдди сразу поняла: вечер ещё далёк от завершения.

— Знаешь, мы ведь почти ничего не сказали Генри, — задумчиво произнесла Джулс. — А у меня к нему осталось несколько очень важных замечаний.

Харпер восторженно рассмеялась.

— Тогда нам определённо необходим второй круг.

Мэдди на мгновение прикрыла глаза, однако спорить не стала. Вместо этого она достала из сумки резинку для волос, протянула её Джулс и попросила на этот раз хотя бы попытаться сохранить причёску. Во время второго спуска Джулс наконец высказала всё, что не успела сказать наставнику. Она кричала о девяти годах работы, чужих решениях и преданности, которой совершенно не следовало пользоваться как гарантией. Харпер поддерживала её с таким энтузиазмом, словно сама несколько лет работала в VELA и лично присутствовала на заседании совета. Даже Мэдди не удержалась от смеха, когда Джулс в порыве возмущения предложила Генри лично объяснять Гранту финансовые прогнозы до конца его профессиональной карьеры.

Когда они снова оказались на земле, Джулс чувствовала себя совершенно измотанной, но удивительно счастливой. Мэдди предложила наконец поесть, и через несколько минут они уже сидели на скамье у набережной с бумажным пакетом горячих пончиков, покрытых сахаром и корицей. Вокруг продолжалась вечерняя жизнь парка. Над павильонами мерцали гирлянды, вдалеке звучала музыка карусели, дети торопились к последним открытым аттракционам, а за ограждением негромко шумел океан. Харпер устроилась рядом, поджав под себя одну ногу, Мэдди аккуратно разложила салфетки, и Джулс вдруг подумала, насколько же сильно ей не хватало именно такого вечера. Без разговоров о назначении, без необходимости кому-либо что-то доказывать и без постоянного ощущения, что каждый следующий шаг определит всю её карьеру.

— Ну как ты? — спросила Мэдди, когда они немного посидели молча.

Джулс задумалась, прислушиваясь к собственным ощущениям.

— Гораздо лучше. Хотя, боюсь, завтра я снова проснусь злой.

— Имеешь полное право, — заметила Харпер. — Было бы подозрительно, если бы предательство Генри удалось окончательно исправить двумя поездками на американских горках.

Джулс улыбнулась и откинулась на спинку скамьи.

— Самое странное, что я действительно не хочу увольняться. Вчера я сказала об этом Джеку, а сегодня, несмотря на всё, что узнала, по-прежнему думаю так же.

Харпер с любопытством повернулась к ней.

— Тогда почему тебя это беспокоит?

— Потому что раньше я собиралась остаться из преданности компании, а теперь совершенно не хочу, чтобы Генри или совет восприняли моё решение как подтверждение собственной правоты. Мне нравится VELA, нравится моя работа, но я больше не собираюсь быть человеком, который молча исправляет последствия чужих решений.

Мэдди посмотрела на неё с одобрением.

— В таком случае тебе стоит обсудить с Генри именно это. Ты можешь продолжать работать в компании, но при этом потребовать чёткого распределения полномочий и ответственности. Особенно если Грант собирается самостоятельно представлять инвесторам результаты вашего отдела.

— И пусть наконец научится отвечать на вопросы по собственным презентациям, — добавила Харпер. — Хотя бы из уважения к людям, которые их для него подготовили.

Джулс невольно рассмеялась.

— Боже, как же мне нравится эта идея.

— Мне тоже, — согласилась Мэдди. — И знаешь, я действительно считаю, что ты поступаешь правильно. Только не забывай, дорогая: твоя любовь к работе не обязывает тебя терпеть всё, что происходит в компании.

Джулс достала телефон, открыла переписку с Генри и некоторое время смотрела на непрочитанное сообщение. В другое время она, вероятно, потратила бы несколько минут на подбор дипломатичных формулировок, однако сейчас ей совершенно не хотелось скрывать собственное недовольство за вежливыми оборотами: «Поговорим в понедельник. Я хочу обсудить мои полномочия, границы ответственности Гранта и работу моей команды». Перечитав сообщение, она отправила его и убрала телефон обратно в сумку. Харпер довольно улыбнулась.

— Прекрасно. Теперь, когда с корпоративными проблемами на сегодня покончено, можем вернуться к гораздо более интересным вопросам.

Джулс уже собиралась спросить, что именно подруга имеет в виду, когда её внимание привлёк высокий аттракцион в конце аллеи. Ряд сидений медленно поднимался над павильонами, на несколько мгновений замирал на вершине и стремительно падал вниз, сопровождаемый восторженными криками. Она прищурилась, оценивая высоту конструкции.

— А там сколько времени дают на то, чтобы высказать всё накопившееся?

Харпер посмотрела на неё с совершенно искренним восхищением.

— Моретти, я всегда знала, что мы с тобой прекрасно поладим.

Мэдди проследила за их взглядами и тихо рассмеялась, уже понимая, чем закончится разговор.

— Только дайте мне допить кофе, девочки. Если уж вы намерены продолжать семейную терапию с помощью свободного падения, я предпочла бы встретить её хотя бы с некоторым достоинством.

Джулс поднялась со скамьи, поправила джемпер и протянула подругам руки.

— Хорошо, но предупреждаю: на этот раз я вспомнила финансовый отдел.

Харпер расхохоталась, а Мэдди, покачав головой, всё-таки взяла её за руку. Пожалуй, впервые за всю неделю Джулс совершенно не беспокоило, что именно ждёт её в понедельник.

Примечание к главе

Вечерний Кони-Айленд, ветер в волосах и три подруги, которым есть что выкрикнуть на резком спуске. Особенно Джулс.

Визуализация «Выше всех проблем»: ссылка на Pinterest

Глава 6. Один звонок

Саундтрек к главе: Take Me Out — Franz Ferdinand

— Доброе утро, Нью-Йорк! Сегодня среда, за окном дождь, и, если вы выбираете между красивыми туфлями и непромокаемыми, я обязана посоветовать вторые. Сама я, разумеется, в первых.

В динамиках зазвенела бодрая мелодия.

— На дорогах тесно, а зонты у выхода из метро уже подорожали. Приятно знать, что хотя бы у кого-то утро складывается удачно. Теперь посмотрим, что приготовили звёзды: Овны, сегодня вам будет трудно скрыть хорошее настроение. Всё-таки попробуйте, если причиной стали чужие неприятности, особенно, если дело касается вашего соперника […] Рыбы, сегодня особенно важно вовремя остановиться. Удачный ответ вполне можно испортить следующим предложением.

Ведущая выдержала паузу.

— И помните: плохое утро ещё можно исправить. Лично я собираюсь начать с кофе и человека, который принесёт мне сухую обувь.

В среду дождь начался ещё затемно. К девяти утра вода уже не успевала уходить в стоки, у светофоров стояли длинные очереди машин. По стеклянным дверям отеля бежали струи, жёлтые такси рассекали лужи у тротуара, а женщины под козырьком по очереди проверяли, что ещё можно спасти: причёску, замшевые туфли или отношения с мужчиной, который держал зонт слишком высоко. Швейцар перебегал от машин к двери с большим чёрным зонтом. Гости жались к нему плечом, на ходу подхватывая сумки и мокрые полы пальто. За дверями начинался совершенно другой город. Здесь под мягким золотистым светом стояли белые орхидеи, пахло свежим кофе и духами. На стойках поблёскивали золотые логотипы спонсоров, салфетки под чашками подбирали в цвет обивки, а дождь существовал главным образом как повод заговорить с нужным человеком. Индустрия красоты собралась обсуждать будущее, предусмотрительно оставив лужи и мокрые пальто обслуживающему персоналу.

Джулс остановилась у зеркальной колонны и осмотрела последствия короткого перехода от машины. Кудри растрепались, край жакета потемнел от воды, а правая туфля теперь тихо хлюпала при каждом шаге. Она перенесла вес на другую ногу. В магазине эти туфли обещали элегантность и удобство. Уточнить, совместимы ли они с дождливой погодой, Джулс не догадалась. До панели оставалось сорок минут. После неё — встреча с розничной сетью, затем звонок команде и согласование материалов для запуска. Мия уже прислала обновлённый прогноз, Нора нашла ошибку в отчёте партнёров, а Томас спрашивал, какое именно «чуть теплее» имели в виду, когда утверждали фон. Она ответила всем троим, поправила винную помаду и промокнула уголок губ салфеткой. У зеркала горкой лежали открытки спонсора: «Двенадцать часов безупречной стойкости». Помада пока оправдывала обещание, а собственную выдержку Джулс предпочла бы продлевать хотя бы на час вперёд. В понедельник они с Генри почти час обсуждали, как работать дальше.

Джулс по-прежнему руководила командой и кампаниями. Спорные вопросы они с Генри договорились разбирать до заседаний совета, а материалы передавать Гранту заранее, оставляя время на его внезапные замечания. Она составила порядок согласований, разослала письма и обнаружила, что всё ещё умеет исправлять рабочие процессы быстрее, чем собственное отно-

шение к людям. Оставалось понять, как разговаривать с Генри: о назначении Гранта он знал заранее, но позволял ей готовиться к повышению.

На подсвеченных подиумах флаконы сверкали почти ювелирными гранями. Рядом лежали белые карточки с тиснением и пробники, которые предлагали брать по одному, но никто не следил. Редакторы обменивались воздушными поцелуями, основатели молодых марок ловили закупщиков, закупщики старались успеть за кофе. По пути к регистрации Джулс встретила представителя сети, чья ассистентка две недели не могла найти для неё свободного окна. Оказалось, окно помещалось между капучино и миндальным круассаном. Она сразу записала время, прежде чем мужчина вспомнил о своей исключительной занятости.

Над стойкой регистрации золотыми буквами сияло: «Лидерство, доверие и профессиональный рост». Джулс перечитала надпись, потом проверила, не стоит ли рядом логотип VELA. В её компании за последние дни успели особенно творчески переосмыслить все три понятия. На конференции, правда, обещали ещё и обед, что уже делало предложение привлекательнее. На соседнем экране перелистывалась программа. Рядом с её фотографией появился Кэмерон Хейз. Организаторы снова посадили их вместе: после первой же совместной панели выяснилось, что в таком составе аудитория слушает даже обсуждение остатков на складе. С тех пор их фамилии в программе обычно стояли рядом.

Девушка за стойкой нашла её имя и протянула ленту с бейджем. Под JULIA MORETTI аккуратно напечатали EXECUTIVE DIRECTOR, VELA. Джулс посмотрела на карточку чуть дольше, чем следовало. Вот и всё: девять лет работы, три собеседования с советом, стратегия развития на пять лет — а решила вопрос в конце концов девушка с принтером.

— Боюсь, меня повысили без согласования, — сказала она, возвращая бейдж.

— Директор по маркетингу. Исправите, пожалуйста?

Девушка сверилась со списком, извинилась и принялась открывать программу печати. Джулс положила ошибочный бейдж на стойку и тут же услышала рядом голос рядом.

— Не отдавай. Хоть кто-то здесь решил тебя повысить.

Кэм стоял у соседней стойки с кофе и правильным бейджем. На тёмно-синем костюме не было ни одного мокрого пятна, светлые волосы лежали волосок к волоску. Он снял крышку со стакана и обернул его салфеткой: обычно у кофе есть особая привилегия оставлять следы на манжетах, но даже ему сегодня нельзя. Он прочитал надпись на карточке и с удовольствием посмотрел на неё. Если бы неприятности Джулс продавались по подписке, Хейз давно оплатил бы год вперёд.

— Доброе утро, Хейз. Как видишь, я как раз её исправляю.

— А я бы походил так до обеда. Пусть остальные понервничают.

— Ты бы ещё визитки заказал, прежде чем заметили ошибку.

Девушка за стойкой отвернулась к принтеру, пряча улыбку. Джулс решила не замечать: хотя бы кто-то действительно занимался исправлением бейджа. Он рассмеялся и сделал глоток кофе. На вопрос, нужно ли ему что-нибудь ещё, ответил, что своё он уже получил, но уходить пока не хочется.

— Тогда хотя бы отойди от принтера, — сказала она. — Мы тут пытаемся вернуть мне настоящую работу.

— Я просто смотрю. Редко вижу, чтобы человек так упорно отказывался от повышения.

Принтер наконец выдал исправленную карточку. Джулс проверила должность и поблагодарила девушку. Кэм тоже прочитал новую подпись, разочарованно приподнял брови и отступил, наконец освободив место у стойки.

— Всё, Грант может расслабиться. Ты опять директор по маркетингу.

— Позвони ему, если так переживал. Думаю, вы быстро найдёте общий язык.

— Я вполне доволен его назначением.

— Ещё бы. Я бы на твоём месте тоже радовалась.

Возражений у него не нашлось. У кофейной стойки его окликнули, и Кэм сразу назвал нового собеседника по имени, пожал ему руку и спросил о вчерашней встрече. Её раздражение он оставил без внимания. Джулс надела бейдж, чувствуя, как холодный край мокрого жакета касается запястья, и пошла к комнате для спикеров. Правая туфля напомнила о себе, к счастью, достаточно тихо, чтобы Хейз не получил ещё одну тему для надсмешек.

Генри встретил её у комнаты для спикеров и придержал дверь. Обычно она задержалась бы рядом, рассказала о пойманном у кофе закупщике, пожаловалась на погоду. Сегодня Джулс тихо прошла внутрь и поставила сумку на свободный стул. В тесной комнате пахло лаком для волос и горячей бумагой. Кто-то репетировал вступление, женщина у зеркала ватной палочкой убирала помаду с уголка губ, а ассистентка искала спикера, который только что «отошёл на минутку». Генри убрал телефон и заговорил о встрече с сетью. Рабочая тема оказалась удобна им обоим.

— Они опять хотят больше рекламы, — сказал он. — Просят сразу принести варианты.

Джулс открыла файл Мии. Пока Генри говорил, она нашла нужную таблицу и повернула к нему экран: в магазинах с обученными консультантами продажи были выше. В остальных реклама исправно приводила людей к полке, где их встречал сотрудник, знавший о новом продукте примерно столько же, сколько покупатель. Заплатить за ещё одну рекламную волну означало пригласить больше людей на тот же неудачный разговор.

— Я принесу оба расчёта, — объяснила она. — Пусть сравнят стоимость обучения и дополнительной рекламы. Мы уже приводим покупателей в магазин, Генри. Прежде чем платить за новых, я хочу понять, почему уходят те, кого мы привели.

Закончив с расчётами, Генри сложил программу, потом снова расправил её, а Джулс принялась поправлять уже ровно лежавшую папку. От неловкой паузы её спасла Харпер. На снимке с американских горок Харпер сидела между Джулс и Мэдди и смеялась. Джулс вцепилась в поручень, закрыла глаза и, судя по открытому рту, всё ещё пыталась дать понять всему парку аттракционов как сильно она несогласна с решением совета. Подпись предлагала план на среду: никого не убить и вечером отчитаться. Она улыбнулась, хотя исполнение первого пункта после встречи с Кэмом уже потребовало усилий, и спросила Генри, что ещё им нужно обсудить.

— Ребекка Стоун здесь, — произнёс Генри. — Может спросить про Гранта.

— Я видела список прессы. Решения совета комментирует совет. — Хорошо. Только помни, что сейчас любой ответ могут превратить в заголовок.

Джулс медленно убрала телефон. Он говорил разумные вещи, которые она и сама объясняла молодым сотрудникам перед интервью. Именно это раздражало сильнее всего: в его голосе появилась назидательная осторожность. Раньше он не напоминал ей перед каждым выступлением, что следует держать себя в руках.

— Генри, я девять лет представляю VELA. Не собираюсь обсуждать кадровые решения перед четырьмя сотнями человек.

— Я не прошу тебя защищать Гранта.

— Тогда пожелай мне удачи, Генри. Перед выступлением это было бы полезнее, чем напоминание о том, как я могу всё испортить.

Из прохода Генри показали, что для него приготовили место. Он пожелал ей удачи и на секунду задержался у двери. Джулс уже открыла тезисы, и Генри вышел, не возвращаясь к разговору. На первом слайде стояли результаты запуска. Джулс просмотрела знакомые цифры и почувствовала, как понемногу расслабляются плечи. Эти результаты она помнила наизусть, для разговора о них не требовалось угадывать, что от неё скрыли.

Клэр Беннетт, ведущая панели, собрала спикеров у тяжёлой шторы. Адам Прайс, руководитель закупок крупной сети, искал глазами таймер, а Селия Роуэн, основательница молодой

косметической марки, складывала карточки, уже исписанные до самых полей. Кэм подошёл последним, закончив разговор о ланче. Он успел уточнить название ресторана, попросить стол у окна и только после этого взял микрофон.

— Сорок минут, затем вопросы, — напомнила Клэр. — И очень прошу дать высказаться всем четверым.

— Почему ты смотришь на меня? — поинтересовался Кэм.

— Потому что в прошлый раз Адам не успел закончить ни одного ответа.

— Зато мы закончили вовремя.

— В этот раз попробуем услышать его целиком, — сказала Джулс.

Клэр вышла на сцену, и гул зала стих. Джулс поправила папку под мышкой и посторонилась, пропуская техника к разъёму у стены. Каблук попал в петлю кабеля, но выяснилось это лишь на следующем шаге, когда туфля осталась на месте, а сама Джулс уже уверенно направилась к сцене. На мгновение ей показалось, что положение ещё можно исправить: достаточно выпрямиться, перенести вес и сделать вид, что именно так она обычно ходит. Однако Джулс взмахнула свободной рукой и угодила ладонью Кэму в грудь, ухватившись за лацкан с решимостью, которой его портной вряд ли бы обрадовался. Кэм подхватил её за предплечье, но под натиском отступил к столу. Чашки за его спиной звякнули, техник нырнул к кабелю, а Джулс ещё несколько унизительных секунд пыталась поставить под себя ногу, продолжая прижимать папку локтем. Подготовленные к выступлению материалы она, по крайней мере, спасала безупречно.

Когда каблук наконец выскользнул из петли, она резко выпрямилась и едва не задела Кэма лбом по подбородку. Он успел отклониться, придержал её за локоть и дождался, пока обе туфли прочно встанут на пол. Только после этого Джулс разжала пальцы, оставив на его пиджаке складку, которую уже невозможно было выдать за замысел портного. Хейз сначала осмотрел лацкан и лишь затем перевёл взгляд на неё. Судя по порядку проверки, главным пострадавшим он считал пиджак.

— Ты не могла просто попросить меня подвинуться?

— Я споткнулась, Хейз. И уже стою. Отпусти руку.

— Пожалуйста. В следующий раз падай левее, там никого нет.

Техник поднял кабель и принялся извиняться. Кэм великодушно заверил его, что от VELA ему и раньше доставалось, хотя до сих пор всё ограничивалось электронной почтой. Джулс смерила Хейза взглядом и попыталась отойти, но рукав натянулся, удерживая её рядом. Она оглянулась: декоративная петля на манжете зацепилась за застёжку его часов. В магазине эту деталь назвали изящным акцентом. О способности удерживать возле неё руководителя конкурирующей компании продавец не предупредил.

— Madonna santa…

Кэм проследил за её взглядом и приподнял запястье. Рука Джулс послушно поднялась вместе с ним.

— Только не начинай, — предупредила она, передавая микрофон Селии. — И стой спокойно, я сейчас отцеплю.

Она подхватила петлю ногтем и осторожно потянула ткань к застёжке. Кэм немедленно повернул руку, чтобы лучше видеть. Манжета натянулась, и Джулс пришлось шагнуть ближе, едва не наступив ему на туфлю.

— Если будешь двигаться, я попрошу ножницы.

Он посмотрел на её рукав, затем на часы.

— Уточни, пожалуйста, что именно ты собираешься отрезать.

— Пока ещё выбираю, поэтому советую не мешать.

Кэм выпрямился и демонстративно уставился в потолок, оставив руку между ними с видом человека, которого уговорили участвовать в сомнительной медицинской процедуре. На

сцене представляли Адама. Ассистентка у шторы показала Джулс два пальца, затем указала на выход, но та и без подсказки прекрасно понимала, сколько у неё осталось времени. Селия ждала рядом с двумя микрофонами, благоразумно воздерживаясь от помощи: свободных рук возле застёжки и так было больше, чем требовалось. Петля почти соскользнула, когда Кэм всё-таки опустил голову.

— Ты уверена, что тянешь в нужную сторону?

Джулс медленно подняла на него глаза, продолжая держать его за запястье. — Хейз, я девять лет вывожу продукты на международный рынок. Дай мне хотя бы попробовать справиться с твоими часами без руководства. Джулс сделала последнюю попытку, и петля наконец поддалась.

Джулс поспешно отступила, пригладила манжету и забрала у Селии микрофон, теперь оставалось выйти на сцену и убедить четыреста человек в своей способности держать ситуацию под контролем. Кэм придержал штору, пропуская её вперёд.

— Осторожно, ещё провод.

Джулс остановилась и посмотрела под ноги. На совершенно чистом полу не оказалось ничего, кроме её туфель. За спиной раздался довольный смешок.

— Чтоб тебя, Хейз.

Он мягко коснулся её руки, направляя микрофон подальше от лица. — Вот теперь тебя и в последнем ряду услышат.

Клэр уже произносила её имя, поэтому ответить Хейзу тем, чего он заслуживал, пришлось бы при четырёхстах свидетелях. Джулс расправила плечи и вышла к аудитории с привычной приветливой улыбкой. В третьем ряду Генри коротко кивнул ей. Грант сидел возле него с раскрытой программой, и Джулс поспешила перевести взгляд на Клэр. Ближайший час ей предстояло говорить о том, что она любила и в чём разбиралась. Сейчас ей хотелось сосредоточиться именно на этом.

Первые вопросы достались Селии и Адаму. Они рассказали о новых запусках, привычках покупателей и магазинах, которые всё неохотнее выделяли место незнакомым маркам. Затем Клэр попросила вывести на экран два рекламных кадра. На первом женщина стояла у открытого окна с флаконом духов в руке. За её спиной виднелись парижские крыши, ветер шевелил занавеску, а сама она выглядела так, будто могла провести у этого окна всё утро и никто не прислал бы ей сообщение: «Ты где?». На втором тот же флакон был снят крупно, рядом с описанием аромата и ценой.

— Представим, что это два предложения для одного запуска, — сказала Клэр. — Первая кампания продаёт настроение, вторая сразу рассказывает о продукте. На тестировании история лучше запомнилась зрителям, зато объявление с флаконом принесло больше заказов. Бюджета хватает только на одну кампанию. Что выберете?

— Историю, — ответила Джулс. — У покупательницы уже есть духи, и, возможно, она даже обещала себе сначала закончить хотя бы один флакон. Чтобы ей захотелось купить ещё один, мало сообщить, что мы его выпустили. Нужно дать ей почувствовать, почему он ей нужен.

Кэм посмотрел на экран.

— Я выберу второй вариант. Если он уже приносит заказы, значит, часть покупателей нашла ответ на этот вопрос без нашей помощи. Не уверен, что теперь нам обязательно оплачивать им ещё и утро в Париже.

— Париж помогает представить настроение аромата.

— Пока я вижу квартиру, свободное время и женщину, которой не нужно ехать на работу. Если вы научились помещать всё это во флакон, я готов пересмотреть решение.

В зале засмеялись. Джулс повернулась к нему, удобнее перехватив микрофон.

— Покупатели понимают, что квартира не входит в комплект, Хейз. Но им может понравиться ощущение, которое вызывает эта сцена. У кого-то она напомнит о поездке, кто-то давно мечтает оказаться в Париже, а кому-то просто захочется хоть немного этой беззаботности в собственном утре.

— И как мы узнаем, что человеку захотелось наших духов, а не отпуска? — Он запомнит аромат, придёт его попробовать и, если тот ему понравится, купит. История даёт ему причину обратить внимание именно на нас.

Кэм чуть повернулся к ней, положив руку на подлокотник.

— А во втором случае он уже купил. Поэтому, когда мне нужно решить, куда вложить деньги, я предпочту поступок, который человек совершил, намерению, которое мы ему приписали. Джулс подалась вперёд.

— Но первый заказ ещё не означает, что он выбрал твою марку. Возможно, ему подошла цена, понравился флакон или просто вовремя попалось объявление. В следующий раз так же удачно попадётся другое. Я хочу, чтобы у него появилась причина искать именно нас.

— И я посмотрю, вернётся ли он за вторым флаконом. Если вернётся без нового объявления и скидки, у меня будет подтверждение, что мы ему действительно понравились.

— А я хочу создать эту привязанность, а не только зафиксировать её в отчёте. Люди выбирают духи не так, как батарейки. Иногда им нравится даже не сам запах, а то, какими они себя с ним чувствуют.

Кэм взглянул на экран с новым интересом.

— Надеюсь, наша женщина у окна чувствует себя состоятельной. Нам с ней ещё окупать съёмки.

Джулс выдержала паузу, пока в зале смеялись.

— Она чувствует себя счастливой. Представь, такое тоже влияет на решения.

— Именно поэтому я стараюсь не утверждать бюджеты в хорошем настроении.

Она всё-таки улыбнулась, хотя собиралась этого не делать. Хейз заметил и устроился удобнее.

— Я не предлагаю перестать считать деньги, — продолжила Джулс. — Но не все результаты появляются в день запуска. Сегодня человек увидел рекламу, через неделю попробовал аромат, а через месяц купил его перед отпуском. Если мы выберем только то, что быстрее приносит заказ, то будем каждый раз продавать отдельный флакон, так и не дав людям повода полюбить марку. — А если за этот месяц он ничего не купит? Ролик ему понравился, Париж тоже, но деньги он потратил на что-нибудь другое. Сколько мы готовы платить за то, чтобы оставаться приятным воспоминанием?

Вопрос прозвучал спокойно, без насмешки, и Джулс ответила так же серьёзно:

— Столько, сколько заранее решили вложить в кампанию. У неё должны быть срок и понятная цель. Если люди начинают искать аромат, спрашивать о нём в магазинах, приходить за пробниками, я дам этому интересу время. Если они помнят только красивый ролик, значит, мы не справились.

Клэр дождалась тишины и вмешалась:

— Но если вы оба готовы проверять результат, в чём тогда ваше главное разногласие?

— В том, сколько уверенности нам нужно до того, как мы рискнём, — ответила Джулс. — Я готова вложиться в историю, которая вызывает сильный отклик, даже если пока она продаёт хуже. Потому что со временем эта связь может сделать марку гораздо ценнее для покупателя. Он будет выбирать её не из-за удачного предложения, а потому, что она ему близка.

— А я сначала вложусь в предложение, которое уже приносит прибыль, — сказал Кэм. — Это позволит нам оплатить производство, выпустить следующий продукт и продолжить работу. Я понимаю, что история может дать больше в будущем. Но за возможность это выяснить приходится платить сегодня.

Джулс повернулась к нему.

— Если каждый раз ждать доказательств, можно так и остаться компанией, у которой всё разумно устроено, но никто не замечает, когда её товар исчезает с полки.

— А если слишком долго добиваться любви, можно однажды обнаружить, что ставить на полку больше нечего. Я бы предпочёл, чтобы покупатели успели по нам соскучиться по какой-нибудь менее окончательной причине.

Клэр перевела взгляд с него на Джулс и улыбнулась:

— Получается, Джулия хочет, чтобы покупатель влюбился, а Кэм — чтобы у этих отношений было будущее?

— Я хочу, чтобы он пришёл на второе свидание, — уточнил Кэм. — Желательно без необходимости снова заманивать его подарками. — Как предусмотрительно, — заметила Джулс. — Ты и после первого свидания считаешь, оправдался ли ужин? Он посмотрел на неё с неторопливой улыбкой.

— Только если весь вечер слушал, что должен дать чувствам время, а счёт уже принесли.

Клэр дождалась тишины и предложила вопросы из зала. К этому моменту Джулс уже почти простила этой среде её начало. Поднялись руки, по проходам двинулись ассистентки, заговорили об инфлюенсерах, пробных поставках и стоимости рекламы. Она отвечала, уточняла, один раз попросила вернуть предыдущий слайд. Генри слушал, наклонившись вперёд, и к концу третьего вопроса Джулс перестала на него поглядывать. Именно тогда микрофон получила Ребекка Стоун.

— Business Beauty Review, — представилась журналистка. — Джулия, вы девять лет работаете в VELA и считались главным внутренним кандидатом на должность исполнительного директора. Совет выбрал Гранта Бомонта, пришедшего извне. В индустрии обсуждают, что решающую роль сыграли его связи с Уэстбруком. Вы можете это подтвердить?

Шорох программ стих. Грант перестал листать свою, Генри выпрямился, а Клэр чуть подалась вперёд с микрофоном. Джулс ответила раньше, чем модератор успела вмешаться. Для таких вопросов у неё давно имелись проверенные формулировки. Она пользовалась ими и раньше, когда ещё не приходилось отвечать о собственной карьере.

— Я не участвовала в голосовании и не могу комментировать мотивы членов совета. По вопросам назначения можно обратиться в пресс-службу VELA. Клэр поблагодарила и уже выбрала человека в другом проходе. Ребекка осталась стоять. По тому, как спокойно она держала микрофон, стало ясно: первый ответ она тоже предусмотрела.

— А вы сами считаете решение справедливым?

— Это уже другой вопрос.

— Именно поэтому я его задаю.

В дальнем ряду негромко засмеялись. Клэр напомнила о теме панели, но Ребекка вернулась к словам о развитии сотрудников — достаточно точно, чтобы разговор нельзя было просто объявить посторонним.

— Что вашей команде нужно сделать для повышения, если ваших девяти лет работы оказалось недостаточно?

— Назначение на одну должность не является единственной оценкой работы. У людей должны быть понятные цели, обратная связь и возможности для роста. Всё это остаётся важным независимо от решения совета.

— То есть вы и дальше будете убеждать их показывать результаты, хотя ваш пример доказывает, что связи работают лучше?

Джулс ответила сразу. Она не собиралась позволять Ребекке объяснять её сотрудникам, что их усилия бессмысленны. Нужно было вернуть разговор к работе, к результатам, к чему угодно, кроме одного кресла, которое теперь занимал Грант.

— Мой пример этого не доказывает. Результаты важны, даже когда не гарантируют назначения. Можно отдать работе девять лет и проиграть одному правильно набранному номеру, но это не делает работу всей команды бесполезной.

Когда Джулс закончила, зал застыл с той абсолютной неподвижностью, которой фотографы обычно добиваются безуспешно. Мужчина у прохода держал чужую сумку, не успев передать её хозяйке. Селия замерла с приоткрытой папкой, Адам поднял глаза от программы. Из фойе донёсся звон фарфора и чейто мирный голос: «А можно ещё молока?». Джулс вдруг очень захотелось оказаться рядом с этим человеком. В его жизни существовал вопрос, на который до сих пор можно было ответить просто.

Клэр держала микрофон у губ. В третьем ряду Грант медленно опустил программу на колени. Заметив направленный в его сторону телефон, он прикрыл рот ладонью и выпрямился. Генри не двигался. Ребекка чуть наклонилась вперёд, и Джулс поняла, что полную запись выступления сегодня смотреть не будут. Для публикации хватало последних десяти секунд. Она опустила взгляд на микрофон. За всё утро это была единственная техническая вещь, которая не подвела ни на мгновение. Справа Кэм поднял брови и обернулся к Гранту. Когда он снова посмотрел на Джулс, улыбку сдержать уже не удалось. Она не сомневалась, что завтра он перескажет всё в лицах.

— Одному правильно набранному номеру? — переспросила Ребекка.

С другого конца зала спросили про вмешательство Уэстбрука. Мужчина у центрального прохода вскочил, задел коленом соседнее кресло и поднял телефон над чужими головами. Скрипнули кресла, несколько программ одновременно захлопнулись, и тишина разлетелась на голоса. Джулс поднесла микрофон, стараясь успеть раньше собственного заголовка.

— Я не комментирую обстоятельства назначения. Это неудачная формулировка. Я говорю о том, что ценность работы не сводится к повышению одного человека.

— Значит, звонок всё-таки был? Кто кому звонил?

Ребекка ещё пользовалась микрофоном. Остальные быстро выяснили, что можно без него. Спрашивали, уйдёт ли Джулс из VELA, кто согласовал её заявление, что теперь скажет совет. Её ответ уже превратился в официальное заявление, которого она не делала. Джулс вскинула ладонь, пытаясь остановить вопросы.

— Я не делала заявления. Я отвечала на вопрос о работе команды.

Фотограф, до этого неторопливо снимавший общий план, оказался у самой сцены. Джулс отвернулась от первой вспышки и попала под вторую, закрылась ладонью и услышала ещё три щелчка. Стоило что-нибудь предпринять, как это немедленно получало отдельный снимок. Она опустила руку и решила хотя бы не снабжать редакции дополнительным выбором. Клэр напомнила тему, попросила соблюдать очередь и передавать микрофон. Ассистентка подошла к мужчине у прохода, но тот уже снимал одной рукой, а другой торопливо подзывал её ближе. Соседняя журналистка тоже потянулась к микрофону. Девушка прижала его к груди и посмотрела на Клэр с немым вопросом, который не был предусмотрен инструктажем.

— Коллеги, пожалуйста, соблюдайте очередь, — повторила Клэр и указала на женщину у прохода. Вопрос немедленно задал мужчина через два ряда от неё. Кто-то заметил Гранта, и по залу пронеслось «Бомонт здесь». Ближайший фотограф поднялся на носки, второй переместился в проход. Через секунду на Гранта смотрели уже четыре объектива, а его соседка торопливо забирала сумку с пути оператора. Грант выпрямился и принялся застёгивать пиджак. Пуговица не поддавалась. Пока он пытался застегнуть пиджак, его спросили, правда ли один звонок оказался важнее девяти лет работы. Генри встал, коротко наклонился к нему и вышел в проход. Грант остался с телефоном в руке и наконец справился с пуговицей, но фотографы не перестали снимать. У дальних дверей разливали кофе. На служебном экране Клэр исправно убывали секунды, на большом обещали рост продаж, а под ним люди разворачивали телефоны

горизонтально, чтобы Джулс лучше поместилась в запись. Ещё ни на одном её выступлении аудитория не слушала так внимательно. Очень хотелось, чтобы слушали чуть хуже.

Кэм негромко рассмеялся. Он сидел вполоборота, опершись на подлокотник, и следил за Грантом с нескрываемым интересом. Джулс захотелось забрать у него хотя бы удобное кресло.

— Ты можешь хотя бы не радоваться? — спросила она сквозь улыбку, опустив микрофон.

— Могу попробовать. Но ты видела Бомонта?

— У меня сейчас другие проблемы.

— А зря. Очень многое пропускаешь.

Она повернулась к нему, и фотограф немедленно оценил новый ракурс. Кэм встретил её взгляд без малейшей попытки изобразить сочувствие. Для него всё складывалось прекрасно, и врать по этому поводу он считал излишним.

— Это не представление специально для тебя, Хейз.

— Знаю. Поэтому особенно приятно.

В первом ряду попросили Кэма прокомментировать заявление, и он поднял микрофон. Улыбка исчезла так быстро, что она отдельно возненавидела этот навык.

— AURELLE не участвовала в кадровом решении VELA. Полагаю, компания сможет объяснить его самостоятельно.

Кэм опустил микрофон и невинно посмотрел на Джулс. Только что он произнёс слова, за которые ему совершенно точно не придётся объясняться завтра, и оба это знали. Даже завтра в новостях Хейз останется благоразумным руководителем, который никому ничего лишнего не сказал.

Клэр поблагодарила спикеров. За их спинами возникли чашка кофе и круассан, а бодрая музыка заиграла посреди вопроса о связях Гранта. Адам поднялся, Селия дождалась ассистентки у прохода, Джулс принялась собирать карточки. Одна упала. Она наклонилась и услышала щелчки: теперь к подборке добавлялся директор по маркетингу, скрывающийся под столиком. Джулс выпрямилась и собрала остальные карточки, не проверяя, все ли на месте.

— Dio mio…

Генри встретил её у ступеней, забрал папку и заслонил от поднятых телефонов. На просьбу Ребекки уточнить сказанное он ответил, что вопросы к компании следует направлять в пресс-службу. У дверей как раз попросили Гранта прокомментировать услышанное. Как только камеры развернулись к Гранту, Генри увёл Джулс за кулисы.

— Не останавливайся, — негромко сказал он, придерживая дверь.

— Мне нужно объяснить, что я имела в виду.

— Сейчас тебе нужно убрать микрофон.

Она посмотрела на свою руку. Микрофон всё ещё был у неё. Джулс отдала его подоспевшей девушке с гарнитурой, стараясь не смотреть на кнопку выключения: воспользоваться ею следовало минуты три назад. Генри прикрыл дверь перед человеком с камерой и вернул ей папку. Пока он говорил с ассистенткой, Джулс заказала машину. Чёрный седан, одна минута ожидания — впервые за утро приложение предлагало решение, которое не требовало совещания. Она показала ассистентке экран, и та вызвалась проверить, где ждёт водитель.

В фойе всё ещё пахло кофе и дорогими духами. Орхидеи стояли на прежнем месте, люди ели те же маленькие круассаны, но теперь при появлении Джулс разговоры смолкали. Телефоны поднимались с поразительной синхронностью. Утром организаторы потратили десять минут на общий снимок. Оказывается, для нужного кадра достаточно было попросить её высказаться о совете директоров.

— Машина уже у входа, — сказала подоспевшая ассистентка. — Чёрная, номер…

— Генри!

Грант стоял у дверей зала в окружении двух сотрудников VELA. Он вполголоса выговаривал одному из сотрудников, не сводя глаз с Генри. Генри задержал взгляд на Джулс, и она поняла, что дальше пойдёт одна. На этот раз она не собиралась выяснять, что именно ему скажут без неё. Он шагнул ближе, чтобы их разговор не услышали люди у кофейной стойки. Джулс машинально выпрямилась, ожидая замечания. Ещё недавно ей не приходилось готовиться к каждому разговору с ним.

— Дома позвони мне. До этого никому ничего не комментируй.

— Я поняла.

Генри задержался, посмотрел на собравшихся у кофейной стойки и заговорил ещё тише:

— Мы поговорим без этого всего. Просто позвони.

Джулс кивнула. Грант позвал его снова. За спиной у ассистентки появилась Ребекка. Журналистка уже держала телефон наготове.

— Джулия, вы сожалеете о своём заявлении?

Джулс жалела и о фразе, и о том, что микрофон не сломался за секунду до неё, и даже о туфлях, в которых теперь предстояло спасать остатки достоинства. Делиться этим с Ребеккой она не стала и направилась к выходу. Ассистентка показала на двери и осталась между ней и мужчиной, который уже поднимал диктофон. Девушке удалось задержать его вопросом об аккредитации. Ребекка тем временем обогнула стойку с программами и снова поравнялась с Джулс. Другой журналист решил срезать путь через соседний сектор вращающейся двери и оказался за стеклом, продолжая задавать вопрос.

Джулс не разобрала ни слова. Он показал жестом, чтобы она остановилась. Джулс развела руками и продолжила толкать створку — задерживать очередь у неё не было никаких оснований.

Джулс вылетела из отеля под дождь, прижимая сумку к груди. У тротуара стояли два чёрных седана, телефон настойчиво предлагал поговорить с Грантом, а за спиной уже звали по фамилии. Когда у ближней машины мигнули фары, она решила, что водитель её заметил, и едва не почувствовала к нему благодарность. Через секунду Джулс захлопнула пассажирскую дверь.

— Поезжайте, пожалуйста. Адрес я сейчас… На водительском сиденье лежала папка.

Джулс посмотрела на неё, затем на пустой руль. Прежде чем она успела выяснить, куда делся водитель, с другой стороны открылась дверь и в салон заглянул Кэм. Он перевёл взгляд с неё на папку.

— Надеюсь, она согласилась тебя отвезти. У неё сегодня плотный график.

— Я перепутала машину.

— Это я понял. Пытаюсь выяснить, на каком этапе ты собиралась заметить. Джулс схватилась за ручку, но за стеклом уже подняли камеру. Фотограф увидел Кэма и обернулся к ступеням:

— Сюда! Она у Хейза!

К окну протиснулась Ребекка, за её плечом возник телефон, потом ещё один. Чужой зонт стукнулся о крышу, его владелец извинился и немедленно спросил, давно ли Джулия ведёт переговоры с AURELLE. Выйти из машины, сохранив хоть какое-нибудь достоинство, больше не представлялось возможным.

— Садись, — сказала она Кэму.

Он улыбнулся, перебросил папку назад и устроился за рулём.

— Спасибо. Всё-таки моя машина.

— Ты мигнул фарами. Я решила, что это водитель.

Кэм положил ключи в нишу у консоли.

— Я её открыл. Не думал, что придётся выбирать пассажира.

В стекло постучали. Джулс отпрянула и показала на выезд сразу обеими руками.

— Кэм, поезжай!

— А где волшебное слово?

— Пожалуйста, пока я не придумала другое!

Он рассмеялся и завёл двигатель. Из динамиков ударила гитара, на дисплее появилось Take Me Out. Джулс откинулась на спинку сиденья как раз в тот момент, когда ее озарила такая яркая вспышка, что она на мгновение перестала видеть даже дорогу.

— Джулия, вы переходите к конкурентам?

Она подняла сумку, закрывая лицо.

— Почему вы прячетесь?

Джулс опустила сумку, фотограф щёлкнул снова, а Кэм включил поворотник и приоткрыл окно.

— Освободите проезд, пожалуйста.

Человек с камерой перед капотом попятился под чужой зонт. Пока двое мужчин выясняли, кто кому мешает, Кэм посмотрел в зеркало и пригладил волосы у виска.

— Что ты делаешь?

— Поправляю причёску.

— Пока нас снимают?!

— Для этого я её и поправляю.

Кэм поднял стекло и выехал от тротуара, пока Ребекка пыталась обойти такси, заслонившее ей дорогу. Джулс оглянулась только после поворота и, убедившись, что никто не бежит следом, опустила сумку на колени. За последние десять минут она успела наговорить лишнего журналистам, сесть не в ту машину и оказаться наедине с человеком, который наверняка запомнил каждую подробность.

— Пристегнись и скажи, куда тебя отвезти, — предложил Кэм, поглядывая в зеркало.

Джулс потянула ремень слишком резко, и тот заблокировался. Она дёрнула ещё раз, уже с возмущением, после чего медленно повернула голову к Хейзу.

— Только попробуй что-нибудь сказать.

Он приподнял свободную ладонь, невинно улыбаясь, и предоставил ей самостоятельно выяснить отношения с ремнём. Со второй попытки Джулс удалось пристегнуться без дальнейшего ущерба для достоинства.

— Пока просто уедем от отеля. Мне нужно отменить встречу и написать команде.

Открыв приложение, она обнаружила, что настоящий водитель всё ещё ждёт её у входа. Джулс поспешно отменила поездку и уставилась на уведомление об удержанной плате.

— Великолепно, теперь я ещё и заплатила за машину, в которой не еду.

Кэм остановился перед светофором и протянул ладонь.

— Можешь заплатить за эту тоже, если так тебе будет спокойнее. Я приму наличные и письменное признание, что оказался полезен.

Джулс хлопнула его по руке сложенной программой конференции. Он рассмеялся и вернул ладонь на руль с таким довольным видом, что ей захотелось ударить ещё раз.

— Если собираешься вести себя невыносимо, высади меня у следующего отеля.

— Конечно. Только поправь волосы, пока не подъехали. Будет обидно уйти от одних фотографов и плохо получиться у других.

Она уже подняла руку к причёске, когда заметила его улыбку. Кэм проследил за движением и даже не попытался скрыть удовольствие. Джулс отвернулась к телефону, пока не дала ему ещё один повод для насмешек. Попросила Мию отменить встречу, написала команде, чтобы вопросы журналистов передавали в пресс-службу, и открыла ссылку Харпер. В заголовок вынесли её фразу о девяти годах. На фотографии Джулс возмущённо жестикулировала, подавшись к Хейзу, а он слушал с выражением терпеливого, воспитанного мужчины, которого

совершенно незаслуженно втянули в неприятную сцену. Джулс дождалась следующего красного сигнала и развернула к нему экран.

— Посмотри на это! Из всего выступления они взяли одну фразу и фотографию, на которой я выгляжу так, будто ты только что объявил мне о разводе.

Кэм наклонился к телефону, внимательно изучил снимок и удовлетворённо кивнул.

— Причём квартиру явно оставили мне. Пришли, пожалуйста, у меня редко получаются настолько убедительные фотографии.

— Ты понимаешь, что они сделали? Я говорила о работе, о команде, о том, как принимаются решения, а теперь всё выглядит так, будто я вышла на сцену исключительно пожаловаться на Гранта!

Она взмахнула рукой с телефоном и едва не задела его плечо. Кэм мягко отвёл её запястье в сторону, успев ещё раз взглянуть на экран.

— Джулс, я сидел рядом и всё слышал. Но ты сама дала им девять лет, один телефонный звонок и обиженного руководителя в третьем ряду. Они не станут разбирать твою мысль о командной работе, когда у них уже готов заголовок. Светофор переключился, и он спокойно вернулся к дороге. Джулс опустила телефон, сердясь ещё сильнее оттого, что возразить было нечего.

— Нормальный человек хотя бы сделал бы вид, что ему жаль.

Несколько минут они ехали под негромкую музыку и шорох дворников. За стеклом тянулись мокрые витрины, пешеходы торопились под зонтами, а Джулс постепенно перестала ждать, что из следующего переулка появится Ребекка с новым вопросом. Она прислонилась к спинке и позволила себе просто смотреть в окно, хотя рука время от времени всё равно тянулась к сумке.

— Джулс, а у тебя есть что-нибудь, кроме VELA?

Она повернулась к нему, уже приготовившись возмутиться. Вопрос казался очередной попыткой её задеть, и Джулс хотела ответить так, чтобы хотя бы на минуту стереть с его лица самодовольство.

— Разумеется, у меня есть…

Она замолчала, потому что вслед за этими словами почему-то ничего не пришло. Были родители, Харпер, Мэдди, квартира, в которой она собиралась наконец разобрать книжные полки. Но стоило попытаться вспомнить, чего ей самой хотелось в последнее время, как в голове возникали запуск, новая должность и планы развития VELA. Отпуск она откладывала до завершения проекта, ужины переносила из-за совещаний, а на вопрос «Как ты?» обычно отвечала рассказом о том, что происходило в компании. Джулс опустила взгляд на бейдж. Под её именем стояли должность и название марки, и до этого утра такая подпись казалась ей исчерпывающей.

Кэм больше не улыбался и смотрел на дорогу, не предлагая ни ответа, ни удобной возможности перевести всё в шутку. Джулс уже хотела сказать, что он выбрал неподходящее время для подобных разговоров, когда в сумке завибрировал телефон. Она достала его с облегчением, которое исчезло, едва она прочитала сообщение.

Генри: «Джулия, завтра в 9:00 назначено собрание с Грантом, юристом компании, представителями пресс-службы и кадров. Переговорная совета. Твоё присутствие обязательно».

Примечание к главе

Меньше всего Джулс хотелось оказаться в руках Кэма Хейза. Но один неудачный шаг — и она уже цепляется за его пиджак, пока он удерживает ее от падения.

Визуализация «Не тот человек, за которого стоит держаться»: ссылка на Pinterest

Глава 7. В интересах компании

Саундтрек к главе: Feel - Robbie Williams

— Доброе утро, Нью-Йорк! Сегодня четверг, дождь наконец закончился, и можно проверить, действительно ли ваши туфли пережили вчерашний день. На мостах пробки, в центре тоже, поэтому, если вы уже опаздываете, перестаньте сердиться на водителя: сейчас у вас с ним гораздо больше общего, чем кажется. А пока все стоят, посмотрим, что советуют звёзды. Овны, прежде чем делать выводы, дождитесь продолжения истории. Особенно если начало вам очень понравилось. […] Рыбы, сегодня вам пригодится умение говорить прямо. Постарайтесь только заранее решить, что вы хотите сказать, а что лучше оставить для разговора с подругами.

Ведущая ненадолго замолчала, пропуская короткую музыкальную заставку.

— И небольшой совет для всех знаков: если вы не выспались, не назначайте важные разговоры на утро. Хотя, судя по моему расписанию, люди, которые назначают важные разговоры, наше радио не слушают.

К половине седьмого Джулс успела переписать заявление для прессы восемь раз, выпить два кофе и так и не добраться до кровати. Когда шторы начали раздвигаться, она сидела за столом, подперев щёку ладонью, и смотрела на слова «сожалею о выбранной формулировке». За последние несколько часов сожаление стало вполне искренним.

На кухне включилось радио. Джулс выслушала совет не назначать важных разговоров на утро, потянулась за чашкой и обнаружила, что кофе давно остыл. До встречи с Генри оставалось два с половиной часа. Можно было лечь минут на сорок, но после того, как она закрыла глаза и едва не уснула прямо за столом, идея доверить свою карьеру будильнику показалась ей слишком смелой. Холодный душ немного помог. У зеркала Джулс собрала волосы, нанесла консилер под глаза и, отступив на шаг, добавила ещё немного. Чёрный жакет, светлая блузка, серьги — всё было привычным, и руки справлялись почти без её участия. Только застёжка на запястье никак не поддавалась, отчего она тихо выругалась по-итальянски и оставила браслет на столике.

В такси Джулс снова открыла заявление, но на третьем прочтении заметила, что уже некоторое время смотрит на одну и ту же строку. Она убрала телефон и прижалась затылком к сиденью. Веки стали тяжёлыми почти сразу, а водитель, поймав её взгляд в зеркале, участливо предложил сделать музыку потише.

— Лучше погромче, — попросила она, выпрямляясь. — И, если я всё-таки усну, пожалуйста, разбудите меня у офиса. Даже если буду убеждать вас, что передумала туда ехать.

К девяти утра в переговорной совета уже пахло свежим кофе. Джулс задержалась у двери, пытаясь вспомнить, положила ли в сумку зарядку, и только потом подняла глаза на экран у дальней стены. Там было открыто её вчерашнее выступление. Запись остановили в момент, когда она подалась вперёд с поднятой рукой, рядом сидел Кэмерон Хейз, безукоризненно спокойный и, судя по выражению лица, вполне довольный происходящим. После бессонной ночи видеть его таким было особенно неприятно. Джулс остановилась у свободного кресла и посмотрела на руководительницу пресс-службы.

— Если собираетесь оставить это на экране до конца встречи, хотя бы обрежьте Хейза. Я и без него прекрасно помню, как прошёл вчерашний день.

Женщина поспешно свернула запись. Генри отодвинул соседний стул, и Джулс села, осторожно опустив сумку возле ног. Плечи ныли после нескольких часов за ноутбуком, а от яркого света хотелось щуриться. Она выпрямилась и положила руки на стол, надеясь, что со стороны это выглядит достаточно бодро. Генри тихо спросил, успела ли она поспать.

— В половине пятого решила, что закончила. В пять нашла, что исправить, а потом уже побоялась ложиться, — призналась она, доставая ноутбук. — Зато теперь могу объяснить разницу между неудачной формулировкой и неуместным высказыванием. Надеюсь, хоть кому-нибудь это сегодня пригодится.

Генри подвинул ей воду и не стал продолжать расспросы. Вчера они долго разговаривали по телефону, сначала о выступлении, потом о том, что можно сделать до утра. Он не пытался убедить её, что ничего страшного не произошло, за что Джулс была ему благодарна: после заголовка с собственным именем подобное утешение потребовало бы слишком много вежливости. Вместо этого Генри связался с пресс-службой, попросил собрать запросы журналистов и предложил ей подготовить вариант заявления к девяти.

Теперь этот вариант лежал перед каждым из присутствующих. Юрист компании уже отметил несколько строк, директор по персоналу открыла блокнот, а Грант сидел во главе стола, не притрагиваясь к чашке. На её приветствие он ответил кивком и сразу предложил начать. Джулс подключила ноутбук, открыла документ и прежде всего спросила, есть ли заявления со стороны партнёров. Руководительница пресс-службы покачала головой: две сети хотели подтвердить сроки, остальные письма пришли от журналистов. Одни просили объяснить высказывание, другие — прокомментировать отношения с новым руководством. Один редактор предлагал совместное интервью с Грантом.

— Интервью нам не нужно, — сказала Джулс, повернувшись к нему. — Я готова признать, что выбрала неудачные слова, но если мы теперь сядем перед камерой и начнём доказывать, как прекрасно работаем вместе, обсуждать будут уже это.

— А что, по-твоему, следует обсуждать? — спросил Грант.

— Продукт. Сроки запуска. Работу, которую мы собирались делать до вчерашнего дня. Для этого нужно один раз ответить на вопрос, а потом перестать снабжать его новыми подробностями.

Она вывела текст на экран. В заявлении было всего два абзаца: её реплика прозвучала неуместно, она сожалела о выбранной формулировке, а сказанное о ценности команды не являлось комментарием к обстоятельствам назначения. Джулс прочитала его вслух, стараясь не торопиться, и дождалась замечаний. Очень хотелось добавить, что сожаление о фразе не отменяет всего, что к ней привело, однако эту часть она предусмотрительно оставила за пределами документа. Юрист предложил убрать последнюю строку, пресс-служба — сократить вступление. Они некоторое время спорили о том, стоит ли повторять слова про девять лет, пока Джулс не заметила, что журналисты и без их помощи прекрасно запомнили её стаж. Генри согласился, и разговор наконец перешёл к тому, что она умела делать значительно лучше извинений.

Нужно было подтвердить партнёрам договорённости, подготовить ответ сотрудникам и сохранить обычный график публикаций. Отдельно Джулс предложила связаться с сетью, встречу с которой пришлось отменить после панели: там ждали расчёты по обучению консультантов, и ещё один день молчания мог повредить переговорам сильнее, чем её выступление.

— Я позвоню сама, — сказала она, открывая календарь. — У нас уже всё готово. Мия проверила цифры, осталось договориться о времени и объяснить, почему новая рекламная волна не заменит людей, умеющих продавать продукт.

— До обеда успеешь? — уточнила руководительница пресс-службы.

— Если мы не решим ещё раз переписать первый абзац, то вполне.

Генри склонился над своими заметками, а Джулс впервые за утро позволила себе немного расслабиться. Пока никто не отменял поставки и не разрывал договоры. Это было неприятно,

унизительно и потребовало ночи, которую она предпочла бы провести иначе, но работа оставалась понятной. За девять лет ей уже приходилось разбираться с потерянными образцами, сорванными съёмками и знаменитостями, которые обнаруживали несовместимость с брендом через сутки после подписания договора. Теперь неприятность носила её имя, что заметно осложняло отношение к ней, однако ещё не делало её неразрешимой. К девяти сорока они согласовали текст и распределили ответы. Джулс записала возле первых звонков своё имя, уточнила у Генри контакт представителя сети и закрыла ноутбук, уже думая о том, что скажет ребятам внизу. Грант почти всё время молчал, но теперь придвинул к себе её распечатку.

— Отправь окончательную версию всем присутствующим. Публикацию я подтвержу отдельно, до этого с партнёрами тоже не связывайся.

Джулс посмотрела на часы. Возражать из-за нескольких минут согласования после вчерашнего было бы глупо, и она кивнула, убирая ноутбук в сумку. Ей хотелось уйти из этой комнаты с ощущением, что они хотя бы начали что-то исправлять.

На маркетинговом этаже Томас встретил её с двумя вариантами заголовка. Джулс прочитала оба, спросила, не сохранился ли третий, и услышала за спиной его облегчённое замечание, что способность отвергать чужую работу к ней вернулась. Она обернулась, собираясь ответить, но вместо этого улыбнулась и пошла в кабинет. Через несколько минут на столе стоял кофе, исправленный текст был отправлен, а Мия получила короткое сообщение: «план приняли, ждём разрешения на рассылку».

В десять ноль семь пришло приглашение от директора по персоналу. «Дисциплинарная комиссия. Рассмотрение обстоятельств публичного выступления Джулии Моретти. Начало в 11:00». Джулс перечитала тему, поставила чашку и открыла вложение. Там перечислялись положения корпоративного кодекса, предлагалось подготовить объяснения и сообщалось, что по результатам рассмотрения могут быть приняты меры вплоть до прекращения трудовых отношений. Она вернулась к письму, надеясь найти хотя бы строку, которая связывала бы его с только что закончившимся разговором. Ничего подобного не было. Генри ответил на звонок почти сразу.

— Я тоже только что получил приглашение, — сказал он, прежде чем она успела задать вопрос. — Попробую поговорить с Грантом до заседания. Пока подготовь полную запись и пояснения к своему ответу.

— Мы сорок минут обсуждали, кому я позвоню до обеда, Генри. Нельзя было предупредить тогда?

— Комиссия ещё не означает увольнения, Джулс. Я буду там, и мы всё разберём.

Она подошла к окну, придерживая телефон плечом, и провела ладонями по лицу, вовремя вспомнив о косметике. Выговор, отказ от публичных выступлений, неприятная запись в личном деле — всё это было возможно. После вчерашнего она и сама с удовольствием передала бы ближайшую панель человеку, который умел заканчивать ответ вовремя.

— Хорошо, — произнесла Джулс, возвращаясь к столу. — Пришлю запись. И утренний план приложу, если его уже успели забыть.

Оставшееся время она потратила на расшифровку. Отметила вопрос Ребекки, свой первый ответ, уточнение после фразы о звонке. Ничего нового на записи не обнаружилось, но Джулс всё равно просмотрела её ещё раз и распечатала копии. К одиннадцати она снова стояла у двери переговорной, с папкой подмышкой и надеждой, что на этот раз никто не станет предлагать совместное интервью.

Внутри успели убрать чашки и заменить воду. Генри стоял у окна, а перед директором по персоналу лежал открытый протокол и тонкая серая папка. Джулс спросила взглядом, удалось ли ему поговорить с Грантом, Генри едва заметно покачал головой и отодвинул для неё

стул. Она села на то же место, положила бумаги перед собой и осторожно разгладила ткань брюк на коленях. Утром здесь ей предложили подключить ноутбук, теперь директор по персоналу перечислила участников, сообщила, что объяснения будут внесены в протокол, и передала слово Гранту.

— Рассматриваются три нарушения внутренних правил, — начал он, развернув лист. — Комментирование кадрового решения за пределами согласованной темы выступления, публичное высказывание, ставящее под сомнение добросовестность руководства, и несоблюдение порядка работы с запросами прессы. Вопрос о назначении следовало передать в пресс-службу, не продолжая обсуждение на сцене.

Джулс выслушала его до конца, хотя палец уже нетерпеливо постукивал по краю папки. Когда он замолчал, она раскрыла расшифровку и подвинула её через стол.

— Я так и ответила в начале, это здесь отмечено. Потом Ребекка спросила о команде, я продолжила разговор и сказала то, что сказала, но после этого сразу уточнила, что не комментирую обстоятельства назначения. Я прошу учесть ответ целиком.

— Уточнение не отменяет предыдущую фразу.

— Я это понимаю, Грант. Именно поэтому мы утром готовили заявление, а не делали вид, что ничего не произошло. Я готова дать письменные объяснения и временно отказаться от выступлений. С партнёрами при этом нужно продолжать работать.

Генри придвинул свою копию к протоколу и попросил приложить к нему утренний план.

— И всё же после выступления ты уехала с Кэмероном Хейзом, — сказал Грант, не взглянув на телефон. — Сначала публично поставила под сомнение решение собственного руководства, потом села в машину сотрудника AURELLE. Ты не находишь, что это вызывает вопросы о твоей лояльности компании? Джулс застыла. Несколько секунд она смотрела на него, ожидая, что он уточнит вопрос, потому что ответить на тот, который только что прозвучал, не получалось.

— О моей… — Она положила телефон на стол и медленно выпрямилась. — Прости, что?

— Мне известно, с кем ты уехала. Я хочу понять, какие отношения связывают тебя с нашим прямым конкурентом.

— Вчера нас связывала поездка в машине. До этого — взаимное желание никогда больше не сидеть рядом на одной панели. Боюсь, поездка ничего не изменила.

Грант не улыбнулся.

— Я задал серьёзный вопрос, Джулия.

— А я пытаюсь понять, в чём ты меня обвиняешь. — Она развела руками, посмотрела на остальных и снова повернулась к нему. — Я села не в ту машину, Грант. По ошибке. После выступления за мной толпой шли журналисты, и мне хотелось оттуда уехать. Вот и вся история.

— И ты осталась, когда поняла, кто за рулём?

— Да. Представляешь, не выпрыгнула на светофоре ради репутации VELA.

— Джулия.

— Нет, подожди. — Она подалась вперёд, упершись ладонями в стол. — Ты сейчас серьёзно пытаешься выяснить, предала ли я компанию по дороге из конференц-центра? Что именно, по-твоему, я сделала? Передала ему расчёты? Рассказала об условиях контрактов? Назови хоть что-нибудь, кроме того, что я сидела на пассажирском сиденье.

— Вопрос в том, чьи интересы ты представляешь.

У Джулс перехватило дыхание. Она откинулась назад, провела рукой по лбу, но почти сразу снова наклонилась к столу.

— Девять лет я представляю интересы VELA. Девять, Грант. Вчера ночью, после всего, что произошло, я сидела дома и писала заявление для нашей прессслужбы. Утром пришла сюда с планом, который вы приняли. Он до сих пор лежит перед тобой. — Она указала на

распечатку, и голос всё-таки сорвался. — Посмотри на него, прежде чем ещё раз спросить, на кого я работаю.

Генри повернулся к Гранту.

— У тебя есть сведения о передаче информации или о договорённостях с AURELLE?

— Я говорю о поведении руководителя, которое подрывает доверие.

— Тогда прошу не подменять одно другим. Сама по себе поездка ничего подобного не доказывает и в уведомлении об этом обвинении не было ни слова.

Джулс благодарно взглянула на Генри, но остановиться уже не могла. Её возмущало даже не то, что приходилось объяснять поездку. Грант сидел напротив и ждал, когда она убедит его, что заслуживает остаться в компании, ради которой не спала всю ночь.

— Ты можешь требовать от меня объяснений за слова на сцене, я их даю. Но у тебя нет права говорить со мной о верности VELA так, будто я должна её тебе доказать. — Она прижала ладонь к груди, не замечая, как смяла край блузки. — Я осталась здесь после назначения, продолжила работать с тобой. Сегодня пришла исправлять свою ошибку, а не обсуждать предложения конкурентов и если всего этого недостаточно, скажи прямо. Только не делай из чужой машины доказательство того, что мне плевать на компанию.

В переговорной стало тихо, Джулс убрала руку от воротника и посмотрела на директора по персоналу.

— И это тоже внесите в протокол. Вместе с тем, что никаких сведений о передаче информации у Гранта нет.

Женщина опустила глаза к записям, Джулс снова придвинула к себе папку, стараясь справиться с дыханием, и дождалась, пока перестанут дрожать губы. Грант отодвинул расшифровку, так и не прочитав, и вернулся к выступлению.

— Вчера Чарльзу звонили из трёх изданий. Его спрашивали, покупает ли он должности для родственников, — сказал он. — Ты понимаешь, в какое положение поставила человека, с которым компания несколько месяцев ведёт переговоры?

Джулс подняла глаза от папки.

— Ребекка назвала Уэстбрука до моего ответа. Я не сообщала ей ни условий переговоров, ни того, что обсуждал совет.

— Но дала ей основание связать его имя с моим назначением.

Он говорил с той сдержанностью, которая требовала всё больших усилий, последние слова прозвучали громче, чем предыдущие. Джулс вспомнила, как вчера он сидел в третьем ряду, пытаясь застегнуть пиджак под направленными на него камерами, и окончательно поняла, что спокойного разговора у них не будет, сколько бы копий она ни принесла.

— Фонд отказался от переговоров? — спросил Генри.

— Пока нет. Уэстбрук ждёт от нас убедительной реакции.

— Тогда давайте обсудим, что для этого требуется, — предложила Джулс, раскрыв ладони над столом. — У нас есть заявление, ответы для прессы и план работы с партнёрами. Я признаю, что не должна была произносить эту фразу.

Что ещё я могу сделать?

Грант посмотрел на неё, затем на директора по персоналу, та открыла серую папку и достала несколько скреплённых листов.

— Продолжать твою работу в VELA я считаю невозможным, — произнёс он. — Я принял решение о прекращении трудовых отношений.

Джулс несколько секунд ждала продолжения. Ей казалось, он должен назвать срок, условие, хотя бы ещё один пункт, после которого можно будет возразить, но Грант замолчал, а женщина напротив уже положила перед ней документы, повернув их так, чтобы было удобно читать.

— Ты меня увольняешь? — спросила Джулс, не притрагиваясь к листам.

— С сегодняшнего дня обязанности руководителя направления будут распределены…

— Подожди, Грант, — перебил Генри, подаваясь вперёд. — Комиссия ещё не закончила рассмотрение. Ты с кем обсуждал это решение?

— Кадровые вопросы входят в мои полномочия.

— Я спросил, с кем ты его обсуждал. Совет знает?

— Совет получит уведомление.

Генри снял очки и положил их на стол. Джулс смотрела на него, пытаясь понять, не повторяется ли разговор, к которому он, в отличие от неё, успел подготовиться. Но он уже повернулся к директору по персоналу и спросил, когда было дано поручение подготовить документы, в его голосе не осталось обычной осторожности.

— Вчера вечером, — ответил вместо неё Грант. — Это моё решение, Генри.

Джулс опустила глаза на бумаги. На верхнем листе стояло её полное имя, ниже начинался текст предложения об условиях прекращения сотрудничества.

— Вчера вечером, — повторила она. — До того, как я прислала заявление? — Заявление было нужно компании независимо от того, кто продолжит руководить отделом.

Генри что-то сказал, но Джулс не сразу разобрала слова. Она посмотрела на юриста, затем на руководительницу пресс-службы, та отвела взгляд к своему блокноту. Директор по персоналу передвинула ручку ближе к документам, и это маленькое движение оказалось почему-то невыносимее всего остального. Утром они уточняли, успеет ли она позвонить до обеда. Спорили о формулировках, просили сократить вступление, ждали окончательный вариант. Потом дали ей почти час, чтобы подготовить объяснения к решению, которое уже лежало в папке.

Джулс коротко рассмеялась и прикрыла рот пальцами. Попыталась остановиться, но, встретившись с возмущённым взглядом Гранта, рассмеялась снова.

— Джулия, я не вижу здесь ничего смешного.

— А ты попробуй посмотреть с моей стороны. — Она опустила руку, всё ещё улыбаясь. — Я всю ночь думала, как вам помочь, а вы всю ночь готовились от меня избавиться. Утром получили мой план, потом позвали объясняться. Dio mio, я ведь даже расшифровку распечатала! Вам нужно было предупреждать, какие документы ещё способны повлиять на разговор, а какие я могу не приносить.

Директор по персоналу предложила дать ей несколько минут, но Джулс покачала головой и отодвинула ручку.

— Нет, спасибо. Вы и так слишком долго ждали возможности сообщить мне главное.

— Грант, это серьёзная ошибка, — произнёс Генри. — У нас европейское расширение, переговоры с сетью и команда, которая держит на себе подготовку запуска. Ты сегодня слушал, как Джулия собирается сохранить договорённости.

Кто будет делать это вместо неё?

— Мы перераспределим обязанности.

— Между кем? Если ты уже принял решение, у тебя должен быть ответ.

Грант сжал губы и посмотрел на Джулс.

— Пока она остаётся в компании, любое выступление и любая публикация будут возвращать нас к вопросу о том, почему её не повысили. Мы не можем бесконечно обсуждать личное разочарование одного сотрудника вместо продукта.

Джулс убрала ладони с колен и медленно положила их на стол.

— То есть вчера журналисты спрашивали, почему меня не повысили, а завтра, узнав об увольнении, сразу заинтересуются новым ароматом? Ты действительно на это рассчитываешь?

— Именно поэтому мы предлагаем согласованное заявление, — вмешался юрист. — Без взаимных публичных претензий. У вас будет время рассмотреть условия.

Она наконец перевернула первый лист и увидела формулировку о взаимной договорённости. Несколько секунд смотрела на неё, потом подняла глаза.

— Как предусмотрительно. Осталось только договориться со мной.

— Джулия, — Грант выпрямился в кресле, — я понимаю, что ты расстроена, но прошу сохранять профессиональное отношение.

Она откинулась на спинку и недоверчиво посмотрела на него. Ещё вчера такая просьба заставила бы её проверить собственный тон, выбрать более спокойные слова и убрать руки со стола. Сейчас Джулс вдруг стало ясно, что она больше не обязана помогать ему проводить этот разговор удобно.

— Ты получил профессиональное отношение утром, Грант. Вместе с планом, заявлением и списком людей, которым я собиралась звонить. Теперь придётся выслушать меня без приложения к письму.

Она поднялась, придержав кресло, чтобы оно не ударилось о соседнее, и посмотрела на Генри, тот не отвёл глаз.

— В прошлую пятницу ты сказал, что совет рассчитывал на мою преданность. Вы знали, что я останусь ради команды и буду помогать человеку, которому отдали должность. Я осталась. В понедельник мы договорились, как работать дальше, и я выполнила всё, о чём мы говорили. А сегодня мне объясняют, что моё присутствие мешает компании.

— Я не поддерживаю это решение, Джулс.

— Я вижу, — ответила она, и от необходимости признать это вслух стало ещё тяжелее. — Но ты понимаешь, почему я больше не хочу слушать, что всё делается в интересах VELA? Эти интересы каждый раз требуют от меня ещё немного потерпеть, ещё что-нибудь исправить и желательно не рассказывать, чего это стоит.

Грант попытался возразить, однако Джулс подняла ладонь и повернулась к нему.

— Мы с тобой работаем шесть лет. Я знаю, что ты умеешь вести переговоры, и никогда этого не отрицала. Именно поэтому собиралась предложить тебе место в исполнительной команде, если бы выбрали меня. Ты это помнишь? Он не ответил, и она продолжила, уже не стараясь сдерживать движения рук:

— Я не собиралась убирать тебя за то, что мы спорим. А ты получил мою стратегию, убрал из материалов имена людей, которые над ней работали, и представил всё совету под своим именем. Сократил расходы на обучение, рекламу и пробники, но оставил восемнадцать процентов роста, рассчитанные для другого бюджета. Когда я попросила открыть примечания, выяснилось, что проблема в моей реакции. Не в цифрах, Грант. Во мне.

— Сейчас мы рассматриваем твоё выступление, а не стратегическую сессию.

— Разумеется. Вы вообще очень аккуратно выбираете, что именно рассматриваете. Мой ответ без вопроса, прогноз без условий, прекращение сотрудничества без самого сотрудничества. Удивительно, сколько лишнего можно убрать, если оно мешает принять удобное решение.

У руководительницы пресс-службы замерла ручка, Джулс заметила это и впервые не стала гадать, как её слова будут выглядеть в чужих записях.

— Я сказала лишнее на сцене и готова за это отвечать, но не надо делать вид, что до вчерашнего дня у нас всё было прекрасно. Пока ты обещал партнёрам невозможные сроки, мы оставались после работы и искали, как их выполнить. Когда менял условия, мы пересчитывали модель. Если тебе казалось, что со всем справляешься ты, это только потому, что мы слишком хорошо делали свою работу.

Грант резко положил ладонь на стол.

— Достаточно, Джулия. Ты перешла все границы.

Она посмотрела на его руку, затем снова на лицо.

— А что ты сделаешь? Я больше не сотрудник VELA.

Он открыл рот, но ответил не сразу. Генри опустил глаза к своим очкам, директор по персоналу поправила край протокола. Джулс стояла, чувствуя, как горят щёки и дрожат пальцы,

и больше всего боялась, что голос подведёт именно сейчас. Она вдохнула, убрала волосы за плечо и продолжила уже тише:

— После моего ухода прогноз всё равно придётся пересчитать. Условия с сетью — выполнить. А людям внизу понадобится руководитель, который хотя бы назовёт их имена, когда будет представлять результаты. Надеюсь, с этим ты справишься лучше.

Юрист осторожно предложил вернуться к документам. Джулс собрала их, не читая дальше, и положила в папку поверх расшифровки, которая за последний час окончательно потеряла практическую ценность.

— К документам мы вернёмся, когда их изучит мой юрист. Основания увольнения, положенные выплаты, компенсации, премии и все условия, которыми вы решите сопроводить нашу взаимную договорённость. Я хочу разобраться в каждом пункте, прежде чем что-либо подписывать. До этого никаких заявлений от моего имени.

Она прижала папку к себе, Генри поднялся вместе с ней и сказал, что свяжется с председателем совета. Джулс кивнула, не обещая ни ждать, ни верить, хотя ещё несколько часов назад одного такого обещания от него было бы достаточно, чтобы она успокоилась. У двери она всё-таки остановилась, Грант сидел на прежнем месте, рядом с чашкой, к которой так и не притронулся.

— VELA совершает огромную ошибку, — сказала Джулс, посмотрев ему прямо в глаза. — Только на этот раз у вас не получится попросить меня её исправить.

Она вышла с высоко поднятой головой и закрыла дверь, прежде чем ктонибудь успел предложить ей более подходящую формулировку.

По дороге к лифту Джулс ответила на приветствие сотрудницы финансового отдела и даже придержала дверь человеку с коробкой бумаг. Она понятия не имела, что только что ему сказала, но тот поблагодарил, значит, хотя бы с этой частью разговора всё было в порядке. Только за закрытыми дверями лифта она позволила себе опереться ладонью о стену и заметила, как сильно дрожит рука. Пока Грант сидел напротив, ей всё время находилось что сказать, теперь она смотрела на меняющиеся цифры и пыталась придумать первую фразу для команды. Не для прессы, не для протокола, не для людей, которым требовалось объяснить, почему всё останется под контролем. Для Мии, Томаса, Норы и Лео, которые ждали её внизу и ещё утром спрашивали о планах на день.

Лео поднялся первым, едва она вышла на этаж. Мия сняла очки и отложила их рядом с ноутбуком, Нора повернулась в кресле. Джулс позвала всех к себе, пропустила вперёд и прикрыла дверь. В кабинете ничего не изменилось: возле монитора стоял утренний кофе, на столе лежали образцы, а в открытом календаре всё ещё было занято почти каждое свободное окно.

— Меня уволили, — сказала она, положив папку на стол.

Томас перестал разворачивать лист, который принёс с собой. Мия переспросила, затем сразу заговорила о Генри, и Джулс покачала головой, не дав ей закончить.

— Он не знал. Грант решил вчера вечером, пока я составляла заявление. Сегодня они получили мой план, пригласили на комиссию и очень внимательно послушали объяснения, после которых выдали готовые документы.

Джулс расстегнула жакет, сняла его и повесила на спинку кресла, но ткань соскользнула. Она поймала рукав, сердито встряхнула его и бросила жакет на сиденье, окончательно отказавшись поддерживать порядок.

— Madonna santa, я ведь утром ещё обрадовалась! Подумала: наконец-то мы разговариваем нормально. Они спрашивали, успею ли я связаться с сетью до обеда, а я сидела и объясняла, как всё разрулю. Могли хотя бы попросить перед увольнением приготовить им кофе, чтобы я точно ничего не упустила.

Лео сделал шаг к двери и предложил пойти к Генри, Джулс остановила его движением руки: Генри уже собирался говорить с председателем, и подниматься туда ещё раз сейчас не нужно. Она сама больше не выдержала бы ни одного спокойного голоса из той комнаты.

Томас, стоявший у стола, осторожно передвинул тяжёлый образец флакона подальше от её локтя. Джулс проследила за его рукой.

— Я не собираюсь его бросать.

— Знаю. Просто другого в нужном цвете у нас пока нет, а тебе сегодня и так достаточно расстраиваться.

Она коротко рассмеялась, и от этого почти сразу защипало глаза. Томас больше ничего не добавил, а Нора придвинула к ней стул и забрала жакет, чтобы повесить нормально. Джулс села, сцепив руки на коленях, пока Мия устраивалась рядом.

— Что теперь будет? — негромко спросил Лео.

Джулс подняла голову. Обычно за этим вопросом следовало что-нибудь вполне определённое: открыть расчёт, позвонить подрядчику, собрать всех через двадцать минут. Она успела даже посмотреть на ноутбук, прежде чем вспомнила, что больше не может начинать разговор привычным «ладно, давайте разберёмся».

— Я не знаю, — ответила она.

Никто не стал торопить, и от этого сказать что-нибудь ещё оказалось труднее. Мия смотрела спокойно, без той настойчивой бодрости, с которой посторонние люди обычно сообщали, что всё обязательно устроится. Лео стоял возле двери, Томас прислонился к краю стола, а Нора села на соседний стул, достаточно близко, чтобы Джулс почувствовала её плечо.

— У нас завтра встреча с подрядчиком, — произнесла она наконец. — Я вчера попросила перенести её на утро, чтобы потом успеть к сети и Мия должна была показать мне расчёт…

Она замолчала, услышав собственный голос. Никто не спрашивал о завтрашней встрече, а другого ответа у неё не было. Даже отказав Джеку, она не думала, чем могла бы заняться за пределами VELA. Тогда всё казалось простым: у неё была команда и работа, которую она любила. Она не собиралась уходить, а о том, что однажды ей могут не оставить выбора, думать не хотелось. За дверью зазвонил телефон. Джулс машинально повернулась на звук, и Мия накрыла её ладонь своей.

— Мы пока посидим с тобой, хорошо?

Джулс кивнула, стараясь не смотреть ей в лицо. Когда Нора обняла её за плечи, она ненадолго уткнулась лбом в её рукав и закрыла глаза. В кабинете было тесно, кто-то задел коленом стол, Лео тихо передвинул стакан с водой, а Томас перестал шуршать своим листом. Никто не предлагал немедленно искать новую работу и не говорил, что ей повезло уйти. Они просто оставались рядом, и Джулс впервые за утро не нужно было подбирать слова.

Собираться всё-таки пришлось. Из отдела кадров прислали порядок передачи дел и попросили оставить рабочий ноутбук, Джулс прочитала письмо, закрыла крышку и некоторое время держала на ней ладонь, потом достала из ящика личную зарядку, духи, запасные колготки и блокнот, в котором рабочие заметки чередовались со списками покупок, до которых она так и не добралась. У задней стенки лежала табличка с её именем, которую Лео собирался повесить на другую дверь в день объявления. Он увидел её раньше, чем Джулс успела убрать блокнот.

— Я положу? — спросил он, протянув руку.

Она кивнула, не пытаясь придумать шутку. Лео завернул табличку в чистый лист, чтобы не поцарапалась, и осторожно убрал в сумку. Джулс смотрела на его сосредоточенные движения и думала о том, что ещё совсем недавно больше всего боялась испортить им приготовленный праздник.

До лифта они проводили её все вместе. Мия попросила написать, когда она доберётся, Томас принёс забытый шарф, а Нора обняла ещё раз, уже без слов. Джулс пообещала выйти

на связь и шагнула внутрь, пока снова не начала плакать. Когда двери стали закрываться, ей захотелось их остановить. Она даже подняла руку, но успела только помахать.

Домой Джулс вернулась вскоре после часа. Консьерж придержал дверь, удивился, что она так рано, и почти сразу пожелал хорошего дня, заметив, что объяснений не будет. Она поблагодарила и прошла к лифту, крепче прижимая сумку к боку, табличка упиралась в бедро при каждом шаге.

В квартире пахло чистым бельём и свежими цветами. По четвергам приходила уборщица, поэтому чашки, оставленные ночью, уже исчезли, на диване ровно лежали подушки, а возле ноутбука аккуратно сложили распечатки. Джулс остановилась у стола, увидев на верхнем листе собственную пометку «спокойнее». В половине четвёртого она обвела это слово дважды, убеждённая, что всё дело в тоне: если подобрать достаточно точную фразу, утром её услышат.

Она перевернула лист, поставила сумку возле кресла и сняла туфли. На телефоне было несколько сообщений от Харпер и Мэдди, Джулс написала Мии короткое «дома», после чего выключила звук, не открывая остальные переписки. Подругам она ответит, когда немного поспит. Сейчас даже пересказать, что произошло, казалось работой, на которую больше не хватало сил.

В ванной Джулс смыла косметику, долго держала ладони под прохладной водой и только потом вернулась в спальню. Чёрный жакет остался на банкетке вместе с брюками, она надела мягкую футболку, опустила шторы и легла поверх покрывала. Прежде чем закрыть глаза, по привычке потянулась к будильнику, но остановилась. Никаких встреч до вечера у неё больше не было.

Проснулась Джулс в темноте и несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь понять, сколько времени. Потом нашарила телефон, увидела 19:18 и резко села: к этому часу она обещала проверить материалы, которые Томас должен был получить от подрядчика.

Рабочая почта попросила войти заново, Джулс ввела пароль, получила сообщение об отключённой учётной записи и только тогда окончательно вспомнила, почему оказалась дома посреди дня. Она осталась сидеть на краю кровати, держа телефон обеими руками. На личную почту пришли документы из отдела кадров, Генри написал, что поговорил с председателем и свяжется с ней завтра, но читать дальше она не стала.

В гостиной горела лампа, включённая по таймеру, за высокими окнами светились соседние дома, на проспекте тянулась вечерняя очередь машин. Из квартиры было видно, как люди переходят улицу, заходят в кафе, останавливаются возле цветочного магазина, но здесь не слышалось почти ничего, кроме негромкого шума вентиляции. Джулс прошла на кухню и открыла холодильник. Внутри стояли аккуратные контейнеры, бутылка белого вина и коробка ягод, которую она купила несколько дней назад с намерением начать нормально завтракать. Она достала воду, закрыла дверцу и некоторое время стояла возле каменного острова, не находя причины идти дальше.

Деньги у неё были, хватило бы и на долгий перерыв, и на поездку, и на ту самую неделю у моря, которую она каждый раз откладывала до завершения очередного проекта. Квартира принадлежала ей, счета оплачивались автоматически, в гардеробной висели костюмы, тщательно подобранные для жизни, в которой с утра всегда было куда идти. Джулс не требовалось немедленно искать способ сохранить всё это, и оттого свободный вечер становился только длиннее. Телефон завибрировал в руке, Харпер спрашивала, проснулась ли она, и предлагала приехать с ужином. Выше было сообщение Мэдди: «Мы рядом. Не обязательно сейчас что-нибудь объяснять». Джулс открыла переписку и набрала, что только встала. Несколько секунд смотрела на эти слова, представляя, как сразу раздастся звонок, Харпер спросит, ела ли она, а потом начнёт перечислять, что можно заказать. Подруги приехали бы, если попросить. Она знала это

так же точно, как знала, что сегодня ещё не готова увидеть их сочувствие и снова произнести вслух: её уволили.

Она стёрла ответ, положила телефон на стол и унесла воду в гостиную. По дороге задержалась возле сумки, из которой торчал шарф. Нужно было разобрать вещи, достать зарядку, решить, куда поставить табличку, но Джулс только поправила ремень, чтобы не наступить на него, и прошла дальше. На диване оказалось непривычно много места. Обычно рядом лежал ноутбук, на подлокотнике держалась папка, а телефон приходилось искать среди распечаток. Теперь подушки были разложены ровно, на стеклянном столике стояла ваза, и книга, которую она собиралась дочитать ещё летом, лежала там же, где её оставили после уборки. Джулс взяла её, нашла закладку и прочитала первый абзац, почти сразу забыв, о чём он был.

Из коридора донеслись голоса, кто-то вернулся домой, поздоровался с соседями, попросил придержать дверь. Послышался детский смех, затем щёлкнул замок, и всё снова стихло. Джулс закрыла книгу, не передвинув закладку. Вчера Кэм спросил, есть ли у неё что-нибудь, кроме VELA. Тогда вопрос показался особенно неприятной попыткой задеть её в тот момент, когда защищаться и без того было трудно. Она собиралась ответить, но разговор прервало сообщение Генри, и Джулс с облегчением вернулась к делу, о котором хотя бы могла говорить уверенно, теперь работа не помогала придумать ответ.

Джулс посмотрела на стол у окна, на кресла, на полки, которые давно обещала разобрать. Всё это покупалось для свободных вечеров, ужинов, выходных дома. Она выбирала красивую посуду, удобный диван и большой стол, за которым чаще всего сидела одна, проверяя письма. Когда подруги предлагали увидеться, она старалась успеть, но почти всегда приходила с телефоном в руке и начинала рассказывать, что случилось в офисе. Даже жалобы на работу незаметно превращались в увлечённый разговор о том, что они собираются сделать дальше.

Завтра Мия откроет расчёты, Томас вернёт подрядчику неправильный цвет, Нора проверит публикации, а Лео начнёт утро со списка дел. Джулс знала их привычки, могла представить голоса и даже спор, который возникнет у кофемашины. Они продолжат работать, она сама учила их принимать решения, не дожидаясь её разрешения по каждой мелочи, и не сомневалась, что они справятся. А как ей проснуться без них и без VELA, пока было совершенно непонятно.

Джулс потянулась к телефону, собираясь написать Мии о завтрашнем подрядчике, но остановилась, увидев последнее сообщение: «Хорошо. Постарайся отдохнуть». Мия ответила ещё днём, когда она сообщила, что добралась. Раньше после этих слов почти неизбежно появлялся файл с припиской, что это можно посмотреть утром, сегодня файла не было. Она положила телефон на столик, подтянула к себе плед и легла на бок. Из этого угла была видна почти вся гостиная, мягкий свет над кухонным островом и приоткрытая дверь спальни. Ничего не нужно было доделывать перед сном, никуда не требовалось звонить, никто не ждал решения, которое могла принять только она.

Слёзы потекли тихо, впитываясь в край подушки, Джулс не вытирала их и не пыталась сесть ровнее, как в кабинете, когда рядом были ребята. Телефон снова засветился: звонила Мэдди. Она смотрела на знакомое имя, пока вызов не закончился, потом прижала край пледа к губам и закрыла глаза. Ответит позже, когда сможет поговорить, не начиная с того, что сама ещё не понимает. Лампа у окна продолжала гореть, завтра в половине седьмого поднимутся шторы, включится музыка, город начнёт очередное утро. Джулс представила, как проснётся в большой кровати, сварит кофе и по привычке посмотрит на часы. Торопиться ей будет некуда.

Примечание к главе

У Джулс всегда была VELA — вместо планов на вечер, долгих выходных и человека, которому можно позвонить без причины. Она так любила дело своей жизни, что не заметила, как оно стало всей ее жизнью.

Визуализация «Все, что у нее есть»: ссылка на Pinterest

Глава 8. Старшая

Саундтрек главы: Bitter Sweet Symphony — The Verve

— Доброе утро, Нью-Йорк! На календаре пятница, третье октября, и осень окончательно решила, что с нас хватит летних развлечений. За окном десять градусов, к обеду обещают пятнадцать, переменную облачность и холодный ветер, поэтому, если вы всё ещё надеетесь обойтись лёгким жакетом, настоятельно рекомендую пересмотреть свои планы. На Бруклинском мосту традиционные пробки, Манхэттен спешит на работу, а я в очередной раз задаюсь вопросом, кто все эти счастливчики, которые в девять утра спокойно пьют кофе, выгуливают собак и читают книги посреди рабочего дня. Если знаете их секрет, обязательно поделитесь. Желательно до понедельника.

А теперь посмотрим, что приготовили нам звёзды. Овны, на этой неделе вы могли обнаружить, что даже самые продуманные решения иногда имеют последствия. Прежде чем снова брать ситуацию под контроль, попробуйте хотя бы выслушать тех, кто предупреждал вас заранее. […] Рыбы, последние события могли заставить вас усомниться в том, что ещё недавно казалось незыблемым. Но не торопитесь заполнять освободившееся место новыми обязательствами. Возможно, вы слишком долго старались стать тем человеком, которого от вас ожидали окружающие, и совершенно забыли спросить, кем хотите быть сами. И небольшой совет для всех знаков: не переживайте, если к пятнице так и не успели разобраться со всеми своими проблемами. Некоторые ответы приходят только тогда, когда мы перестаём их искать. А пока одевайтесь теплее, покупайте себе хороший кофе и помните, что впереди целых два выходных. Хотя, конечно, некоторым из вас теперь совершенно не обязательно их ждать.

Джулия Моретти медленно поставила чашку на блюдце. Разумеется, она не считала, что ведущая утреннего эфира каким-то образом узнала о её увольнении и теперь развлекается за её счёт. Хотя после восьми дней безработицы Джулс уже не исключала существования тайного заговора, в котором участвовали звёзды, бывшее руководство VELA и, по всей видимости, сотрудники ньюйоркского радио.

В девять утра она сидела за столиком у окна небольшой кофейни на Мэдисон-авеню, пила второй капучино и изучала особую категорию жителей Нью-Йорка, существование которой долгие годы вызывало у неё искреннее недоверие. Эти люди приходили в кафе среди рабочего дня, заказывали кофе в чашках, читали книги, разговаривали с собаками и совершенно никуда не спешили. Один мужчина уже полчаса разглядывал газету. Девушка возле стойки выбирала между двумя пирожными с таким сосредоточенным видом, что Джулс начала испытывать профессиональное уважение к сложности принятого ею решения. У окна напротив женщина в кашемировом свитере гладила маленького пса.

До прошлой недели Джулс была уверена, что все эти люди либо богаты, либо безработны, либо состоят в каком-нибудь тайном сообществе, где по утрам обмениваются рекомендациями по правильному безделью. Теперь ей открылась неприятная истина: по меньшей мере две категории могли прекрасно существовать в одном человеке. Третью, тайное сообщество, она пока искала.

За стеклом привычный Нью-Йорк продолжал бежать. Мужчина в костюме пытался застегнуть пальто, одновременно разговаривая по телефону. Женщина в туфлях на шпильке пересекала улицу с такой решимостью, что Джулс мысленно пожелала удачи сотруднику, который опаздывал на её совещание. Курьер ловко объехал такси, водитель которого немедленно сообщил об этом всему кварталу. Ещё десять дней назад Джулс была частью этой прекрасной, раздражительной системы. К девяти она уже успевала проверить ночные отчёты, поругаться с подрядчиком и выяснить, что Грант Бомонт снова назначил встречу, о которой не счёл нужным предупредить людей, обязанных на ней присутствовать.

Сегодня она могла наблюдать за городом сколько угодно. Ни один человек не ожидал её на маркетинговом этаже VELA. Даже принтер, который она однажды обвинила в преднамеренном саботаже, продолжал работать без угрозы быть выброшенным из окна.

— Принести вам что-нибудь ещё? — официантка остановилась возле столика с маленьким блокнотом.

Джулс взглянула на пустую тарелку, потом на часы. Девять двенадцать. В обычный рабочий день она бы уже опаздывала на встречу. Сейчас единственным человеком, которого могло огорчить её решение заказать ещё еду, была собственная мать, убеждённая, что в приличных семьях завтракают дома.

— Лимонный тарт, пожалуйста... И ещё кофе.

Официантка улыбнулась, Джулс улыбнулась ей в ответ, открыла телефон и обнаружила на экране сообщение от Мии: «Лео попросил нового согласующего письменно подтвердить, что тот действительно хочет переделать утверждённый макет. Томас сказал, что за девять лет впервые увидел такой красивый акт сопротивления. Мы живы». Джулс рассмеялась, слишком громко для кофейни, и поспешно прикрыла рот ладонью. Девушка с книгой подняла глаза, а пёс посмотрел на неё с неодобрением. Видимо, даже среди людей, которым некуда спешить, существовали правила поведения.

Новостей из VELA за неделю накопилось достаточно, чтобы открыть небольшое отраслевое издание. Причём с ежедневной рубрикой «Чего ещё не предусмотрел новый исполнительный директор». Джулс узнавала о происходящем из сообщений бывшей команды и не особенно гордилась тем, как быстро начала ждать этих сообщений по утрам. Она никогда не просила присылать служебные документы и не собиралась управлять отделом на расстоянии, но иногда руки сами тянулись написать Мии что-нибудь вроде: «Только проверьте бюджет перед утверждением».

Приходилось буквально удерживать себя от попыток руководить компанией, которая за неделю до этого совершенно определённо сообщила, что в её услугах больше не нуждается. Правда, о том, кто будет отвечать за маркетинг со следующего утра, Бомонт не сказал ни слова. Судя по новостям, ни на следующее утро, ни позже готового ответа у него не появилось.

По версии Томаса, финансовый отдел внезапно решил лично согласовывать оттенки фона. По более спокойной версии Мии, никто не понимал границ временных полномочий. Лео несколько дней собирал список зависших решений и отправлял их Генри, предусмотрительно сохраняя каждое письмо. Нора переживала за молодых сотрудников, которым после увольнения Джулс теперь казалось, что одно неверное замечание на совещании может закончиться коробкой для личных вещей. Несколько партнёров потребовали повторно подтвердить сроки и условия сотрудничества, а пресс-служба выпустила настолько безупречно бессодержательное заявление, что Томас предложил отправить его на конкурс корпоративной дипломатии. По его мнению, написать три абзаца, ни разу не объяснив, что произошло, и при этом умудриться поздравить самих себя с профессионализмом — талант, за который в VELA, очевидно, полагалась отдельная премия.

Работа, впрочем, не остановилась. No. 9 продолжал продаваться, новые публикации выходили, договорённости с магазинами исполнялись. Если верить Мии, всё это работало

настолько хорошо, насколько может работать система, собранная за один день из профессионализма сотрудников и раздражения на собственного директора. Генри сдержал и другое обещание. Ещё вечером после комиссии он сообщил Джулс, что поговорил с председателем совета. Теперь тот затребовал материалы увольнения и объяснение временного порядка работы. Генри не обещал вернуть ей должность, и она была ему благодарна именно за это. После случившегося возможность вернуться в VELA уже не казалась Джулс той прекрасной наградой, ради которой стоило немедленно составить новый план из семнадцати пунктов.

«Мы справляемся, — написала Мия следом. — И тебе не надо проверять, кто подписал наши расходы. Я знаю, что ты сейчас об этом думаешь».

Джулс возмущённо выпрямилась: её недооценивали. Она вообще-то думала ещё и о согласовании рекламных материалов.

Она напечатала: «Я очень вами горжусь. И не забудьте…» Посмотрела на последнюю фразу и стёрла её.

«Я очень вами горжусь. Передай всем привет», — отправила она наконец и, чтобы не передумать, немедленно убрала телефон в сумку. Пальцы задели плотную карточку во внутреннем кармане. Джулс вытащила её вместе со старым чеком из химчистки и резинкой для волос. Белая бумага, золотые буквы

AURELLE, имя Джека Уоррена. Визитка, которую он дал ей на благотворительном вечере, каким-то образом перекочевала из маленького вечернего клатча в обычную сумку. Вероятно, в тот вечер Джулс переложила в спешке всё содержимое, даже не заметив. Она некоторое время рассматривала номер.

— Не сейчас, Уоррен, — пробормотала она, убирая визитку обратно.

— Простите? — переспросила подошедшая официантка.

— Я разговариваю с визиткой. Не волнуйтесь, она ничего мне не отвечает.

Официантка с безупречной вежливостью поставила тарелку и отошла. Джулс проводила её взглядом, подумав, что ещё неделя подобного отдыха — и её наверняка начнут узнавать во всех кофейнях Верхнего Ист-Сайда исключительно по репутации женщины, которая беседует с канцелярскими принадлежностями. В качестве меры предосторожности она решила заказать счёт.

В течение восьми дней без работы Джулс успела совершить несколько открытий, каждое из которых в другое время сочла бы признаком начинающегося жизненного кризиса.

Во-первых, в её квартире существовал телевизор. Она прекрасно знала об этом раньше, поскольку лично выбирала его диагональ, но до последнего четверга пользовалась экраном преимущественно для просмотра презентаций и редких фильмов, на которых обычно засыпала раньше середины.

Во-вторых, все красивые блокноты, купленные за последние годы для «идей вне работы», оставались практически пустыми. Джулс нашла их семь. На первой странице одного красовалась запись «Выучить португальский лучше», на второй — название ресторана, который рекомендовала Мэдди. Остальные страницы обещали бесконечное пространство для прекрасных планов, совершенно не желавших приходить ей в голову.

И в-третьих, человеку совершенно не обязательно переживать романтический разрыв, чтобы провести три вечера подряд в компании суши, пива и людей, обсуждающих чужие браки по телевизору.

Началось всё в воскресенье. Джулс решила, что заслужила вечер без новостей, писем и разговоров о работе. Заказала роллы, открыла бутылку пива, включила телевизор и собиралась найти какую-нибудь лёгкую комедию. Пульт остановился на ток-шоу, где женщина по имени Мелисса обсуждала, должна ли свекровь иметь ключ от квартиры молодожёнов. Мелисса была

против. Свекровь считала, что её сыну необходима постоянная помощь. Муж Мелиссы утверждал, что «обе женщины по-своему правы», за что Джулс немедленно лишила его права высказываться у себя в гостиной.

— Вы только посмотрите на него, — сообщила она пустой квартире. — Он за двадцать минут не принял ни одного решения. Интересно, как он выбирает себе зубную пасту?

На следующий день она решила посмотреть, чем закончилась история. К концу выпуска выяснилось, что свекровь однажды без предупреждения переставила всю мебель в спальне молодых супругов. Джулс всерьёз обдумала возможность написать в редакцию письмо с юридическими рекомендациями, хотя официально никогда не работала в этой отрасли. Во вторник ток-шоу рассказывало о женщине, которая проверяла верность своего жениха с помощью подставного свидания. В среду ведущая представила эксперта по отношениям, трижды разведённого и по каким-то причинам совершенно уверенного, что именно он должен объяснять остальным, как сохранить брак. К четвергу Джулс знала имена постоянных ведущих, помнила историю каждой семейной ссоры за неделю и начала раздражаться, когда эксперты повторяли одни и те же советы. Разумеется, в какой-то момент она составила в заметках небольшую таблицу с аргументами всех участников. Просто для собственного удобства, а не потому, что ей катастрофически не хватало работы.

Самым подозрительным было то, что она уже три вечера подряд открывала пиво и заказывала суши, меняя ресторан только после того, как курьер начал узнавать её у двери. Вчера он пожелал ей приятного просмотра, по выражению лица можно было предположить, что знает даже название передачи.

За эти дни Джулс также успела посетить адвоката, который внимательно выслушал историю увольнения, попросил не подписывать документы VELA и пообещал сам вести переписку с юридическим отделом. После этого она вышла из кабинета с официальным разрешением ничего не делать по одному из самых важных вопросов собственной жизни. Ощущение было совершенно непривычным. Она даже переспросила, не требуется ли подготовить какиенибудь материалы к следующей встрече, но адвокат только улыбнулся и сообщил, что у него всё необходимое уже есть.

Конечно, в свободное время можно было заняться собой. Джулс записалась на пилатес, купила продукты для домашней пасты и два часа перебирала одежду. Спортивное занятие закончилось пониманием, что её мышцы годами исполняли обязанности, о существовании которых она не подозревала. Попытка приготовить домашнюю пасту закончилась заказом из итальянского ресторана, зато Джулс с чистой совестью могла утверждать, что приложила к ужину собственные усилия. Мать, узнав об этом, потребовала объяснить, зачем было покупать дорогие помидоры, если в результате дочь всё равно доверила свою судьбу незнакомому повару. Гардеробная обнаружила любопытный факт: приблизительно девяносто процентов вещей Джулс были предназначены для женщины, у которой каждый день назначено хотя бы одно важное совещание.

Вечером Джулс обнаружила на кухне контейнер с последними роллами и решила, что пора переходить к более взрослому образу жизни. Для начала выбросила палочки и переложила суши на красивую фарфоровую тарелку. В том, чтобы есть доставку из дорогой посуды, было нечто обнадёживающее. Возможно, настоящие взрослые именно так и поступали. После раздался звонок в дверь.

Джулс ждала доставку продуктов и потому открыла без особых приготовлений: в мягких брюках, старой футболке университетских времён и с волосами, собранными в нечто, что ещё утром обещало стать пучком. На пороге стояли Мэдди и Харпер. Мэдди держала пакет из гастронома и бутылку вина, Харпер — букет, мороженое и маленькую розовую коробку с надписью «СРОЧНАЯ ПОМОЩЬ».

— Мы приехали на вмешательство, — объявила Харпер, не дожидаясь приглашения.

— Господи, только не говори, что вы опять записали меня на свидание. В прошлый раз это закончилось мужчиной, который сорок минут рассказывал о своём марафоне и так и не спросил, чем я занимаюсь.

— Сегодня никакого свидания. — Мэдди поцеловала её в щёку и прошла на кухню. — Мы решили, что сначала ты должна пережить расставание.

Джулс закрыла дверь.

— Какое ещё расставание? У меня даже парня нет.

Харпер с серьёзным видом поставила коробку на журнальный столик. — Девять лет отношений, совместные планы, обещанное будущее, и в один прекрасный день твой избранник заявляет, что больше не хочет тебя видеть. Джулия, дорогая, у тебя классический болезненный разрыв. Просто большинство мужчин возвращают ключи от квартиры, а твой отправил соглашение о прекращении трудовых отношений.

— VELA не мой избранник.

— Судя по количеству ночей, проведённых вместе, я бы поспорила. Мэдди тем временем открыла холодильник и застыла перед его содержимым. Несколько секунд она разглядывала контейнеры с соевым соусом, бутылки пива, йогурт и ягоды, которые Джулс приобрела с решительным намерением питаться правильно.

— Мне нужно задать вопрос, — сказала Мэдди. — И я прошу ответить на него без попыток представить всё как профессиональный эксперимент. Когда ты в последний раз ела еду, которую нужно готовить?

— Во вторник была паста. Между прочим, по маминому рецепту, только с небольшими творческими изменениями.

— Из чего состояли изменения?

— Я заказала пасту из ресторана, когда поняла, что уже сорок минут пытаюсь добиться правильного соуса.

Харпер торжественно открыла розовую коробку. Внутри лежали упаковка салфеток, маленькая свеча, шоколадное пирожное и карточка с надписью «НЕ ЗВОНИ БЫВШЕМУ».

— Эта памятка обязательна, — объяснила она. — Мы с Мэдди обсудили риски. Обычная женщина после пары бокалов вина отправляет бывшему сообщение о том, как он испортил ей жизнь. Ты можешь отправить Гранту исправленную финансовую модель, поэтому телефон после восьми вечера мы временно конфискуем.

— Вы меня недооцениваете, — сказала Джулс, взяв карточку. — Я прекрасно способна написать и то и другое в одном письме.

Мэдди вздохнула.

— Именно этого мы и боимся.

Пятнадцать минут спустя они расположились в гостиной. Харпер, придирчиво оглядев интерьер, переставила вазу с цветами подальше от окна, поскольку, по её мнению, это не соответствовало атмосфере вечера, посвящённого разбитому сердцу. Мэдди тем временем расставила на журнальном столике закуски и разлила напитки, а Джулс, ещё утром уверенная, что за последние восемь дней исчерпала запас жизненных потрясений, неожиданно для самой себя увлечённо рассказывала подругам о Мелиссе, её нерешительном муже и свекрови, чьё вмешательство в чужой брак заслуживало, как минимум, отдельного телевизионного сезона.

— Погоди, — перебила Харпер. — Ты знаешь, как зовут всех участников? — Не только участников. Я знаю ведущих, экспертов и даже имена их бывших супругов, когда это имеет значение для обсуждения.

— Это уже не безработица, — сообщила Харпер. — Это новая профессия. — Между прочим, довольно сложная. Вчера один мужчина уверял, что не изменял жене, потому что был в другом городе, а через минуту выяснилось, что любовница поехала вместе с ним. Там серьёзные проблемы с логикой.

Мэдди посмотрела на экран телевизора, где начинался повтор вчерашнего выпуска.

— Если у них есть совместное имущество, история становится намного интереснее. Включи с начала, я хочу понять, какие именно у них договорённости.

Харпер уставилась на неё.

— Мы приехали спасать Джулс от ток-шоу. Пожалуйста, не говори, что ты тоже собираешься в это втянуться.

— Я всего лишь хочу проверить факты, — ответила Мэдди, уже устраиваясь удобнее.

Вскоре все трое возмущённо спорили с телеведущей, обвиняли её эксперта в некомпетентности и отказывались признавать, что передача затянула их сильнее любого сериала. Джулс даже почувствовала удовлетворение от того, что наконец снова оказалась в команде, где можно ожесточённо обсуждать совершенно бессмысленный вопрос и получать поддержку коллег. Правда, вместо графика запуска они решали, стоит ли Мелиссе прощать мужа. Итог оказался категоричным: нет. Все три участницы совещания согласились единогласно.

Когда в гостиную вернулась тишина, Мэдди посмотрела на часы, затем на новое уведомление и устало перевернула телефон экраном вниз. Джулс заметила движение, потому что сама ещё недавно делала то же самое каждые несколько минут.

— Работа? — спросила она.

— К сожалению, не только, — сказала Мэдди. — Мой бывший муж решил, что отчёт за прошлый месяц настолько срочный, что обсудить его необходимо сегодня. Желательно за ужином, в ресторане, в котором мы когда-то отмечали годовщину.

Харпер возмущённо выпрямилась.

— Может, ему ещё свадебный альбом приложить к таблице? Для полноты отчётности.

Мэдди улыбнулась, но в её лице появилась знакомая усталость.

— Вчера я до самого вечера объясняла, почему цифры не сходятся, потом

два часа исправляла их вместе с ним, а перед уходом услышала, что нам стоило бы поговорить о том, как всё изменилось. Я не понимаю, почему ему требуется обсуждать развод каждый раз, когда заканчивается рабочее совещание. Мы расстались не вчера, но он продолжает вести себя так, словно достаточно подобрать правильный момент и я передумаю.

Джулс отложила бокал.

— Ты ведь говорила, что после последнего разговора он наконец оставил тебя в покое.

— На три дня. Это, надо признать, почти личный рекорд. — Мэдди сделала глоток вина. — Я не собираюсь уходить из компании, потому что мне нравится моя работа. Но иногда возвращаюсь домой настолько уставшей от необходимости сохранять профессиональное лицо, что у меня нет сил даже разогреть ужин.

Мэдди и раньше рассказывала о неловких встречах с бывшим мужем, его попытках завязать разговор и бесконечных предлогах задержаться после работы. Кажется, даже не раз, однако Джулс всякий раз воспринимала эти истории как очередные неприятные последствия развода, о которых можно пожаловаться за бокалом вина и благополучно забыть до следующей встречи. Только теперь она начала понимать, что для Мэдди всё выглядело совершенно иначе.

— Почему я не знала, что всё настолько тяжело? — спросила она.

Мэдди мягко улыбнулась.

— Ты знала, Джулс. Просто в последние недели у тебя было достаточно собственных проблем. Не нужно немедленно чувствовать себя виноватой, я не собиралась вручать тебе ещё один проект для спасения.

Джулс невольно вспомнила, сколько раз за последние годы подругам приходилось выслушивать её возмущённые рассказы о VELA. Разумеется, каждый из них заслуживал отдельного внимания, поскольку непременно содержал несколько вопиющих примеров управленческой некомпетентности, совершенно абсурдные решения и подробности, без которых невозможно было в полной мере оценить масштаб происходящего безобразия. Мэдди и Харпер терпеливо

слушали, сочувствовали, иногда смеялись, а порой даже успевали поужинать, прежде чем Джулс переходила к заключительной части своего монолога. Всё же, как бы неприятно ни было это признавать, она совершенно не могла вспомнить, когда в последний раз сама интересовалась, как Мэдди справляется с последствиями развода, не возвращаясь спустя несколько минут к очередной катастрофе в VELA.

С Харпер дела обстояли ничуть не лучше. Та как раз рассказывала о недавней съёмке для цветочного бренда, заказчица которого мечтала о «естественной, непринуждённой романтике», предусмотрительно сопроводив пожелание списком из двадцати трёх обязательных требований к расположению каждой розы. По мнению Джулс, подобная степень контроля могла испортить романтическое настроение даже свадебному букету, однако Харпер, кажется, волновало совсем другое. Во время съёмки она познакомилась с привлекательным мужчиной, который впоследствии пригласил её выпить кофе. Знакомство складывалось замечательно, пока несчастный не совершил роковую ошибку: предложил встретиться в конкретный день. Именно в этот момент весь романтический потенциал их общения, по словам Харпер, внезапно оказался под большим вопросом.

— И ты отказалась? — уточнила Джулс.

— Я сказала, что у меня занята вся неделя. Это была правда, в моём календаре действительно уже стояло несколько важных дел.

— Например? — заинтересовалась Мэдди.

— Вымыть кисти, заказать новые вазы и купить грунт для растений.

Серьёзные обязательства, между прочим. Если я отменю их ради мужчины, где гарантия, что мои цветы переживут такую измену?

Джулс рассмеялась, но Харпер неожиданно перестала улыбаться первой. — Он хороший, правда. Просто каждый раз, когда знакомство становится чем-то большим, чем приятный разговор, мне хочется придумать убедительную причину не продолжать. Не знаю, чего вы от меня ждёте. Возможно, однажды я научусь иначе.

— Мы ничего не ждём, — сказала Мэдди. — Кроме того, что ты однажды перестанешь считать любое приглашение на кофе предварительной заявкой на совместную ипотеку.

Харпер закатила глаза, но спорить не стала. Джулс посмотрела на подруг и вдруг ощутила странную неловкость. Одна продолжала каждый день работать с бывшим мужем и пыталась не позволить прошлому управлять настоящим. Другая строила красивую, яркую жизнь, где легко было снимать цветы и улыбаться незнакомым людям, но гораздо труднее пустить кого-нибудь ближе. Джулс могла рассказать о каждом конфликте VELA за последний месяц, однако едва заметила, что происходило рядом. Неприятное чувство вины появилось быстро и без предварительного согласования. Джулс даже хотелось открыть заметки и составить план того, как стать более внимательной подругой. — Я вам кое-что должна, — призналась она. — Последнее время говорила только о работе. Даже когда мы встречались просто выпить вина, я умудрялась превратить разговор в совещание, где в роли главного отрицательного персонажа выступала VELA. Я не хочу, чтобы вы думали, будто ваши проблемы для меня менее важны.

— Мы так не думаем, — ответила Мэдди. — Но будет приятно, если иногда ты станешь приходить к нам без презентации.

Харпер подняла бокал.

— Предлагаю отметить историческое событие. Джулия Моретти добровольно пообещала обсуждать чужую жизнь. Девочки, запомните дату, потому что следующую встречу я уже собираюсь посвятить моей новой теории о том, почему мужчинам совершенно нельзя доверять выбор подушек.

— Сначала всё-таки поговорим о твоих свиданиях, — невозмутимо заметила Мэдди.

— Вот поэтому я и предпочитаю цветы. Они не задают вопросов о моём будущем.

Вечер закончился гораздо позже, чем они собирались. Харпер оставила на холодильнике розовую карточку с запретом звонить бывшему работодателю, Мэдди забрала пустые бутылки и заставила Джулс пообещать, что завтра она хотя бы позавтракает чем-нибудь, кроме капучино. На прощание подруги снова обняли её, на этот раз без осторожного сочувствия, которое так пугало Джулс в первые дни после увольнения.

Когда дверь закрылась, она вернулась в гостиную. На ковре остались крошки, на столике — три бокала и недоеденное мороженое, а цветы Харпер занимали половину кухонного острова. Впервые за неделю этот беспорядок понравился ей гораздо больше безупречного порядка, который обычно оставался после уборки. Она отправила Мэдди сообщение с предложением встретиться на следующей неделе без особого повода. Харпер написала, что помнит о выставке, на которую Джулс давно хотела сходить, и с удовольствием составит компанию. Затем, немного подумав, заказала себе на утро нормальный завтрак.

В воскресенье Джулс столкнулась с проблемой, которая при других обстоятельствах показалась бы ей совершенно нелепой: она понятия не имела, что надеть на семейный ужин. Причём дело было вовсе не в отсутствии подходящей одежды. Гардероб женщины, девять лет проработавшей в индустрии красоты, позволял ей без особых усилий собраться на деловую конференцию, благотворительный вечер и даже на неожиданную встречу с бывшим любовником. Однако подобрать наряд, который не вызвал бы у Терезы Моретти ни единого вопроса, оказалось задачей значительно сложнее. Деловой костюм немедленно навёл бы мать на мысль о тайных собеседованиях, а спортивные брюки послужили бы неопровержимым доказательством того, что дочь окончательно пала духом и нуждается в горячем обеде, заботе близких и, возможно, консультации семейного врача. Платье неизбежно спровоцировало бы разговор о мужчинах, свиданиях и подозрительно счастливой дочери какой-нибудь маминой знакомой, которая совсем недавно вышла замуж. Даже любимая дизайнерская сумка представляла определённую опасность: стоило Терезе вспомнить её стоимость, как Джулс предстояло в очередной раз выслушать подробный расчёт количества пармезана, прошутто и оливкового масла, которое можно было приобрести за деньги, потраченные на аксессуар, чьим главным предназначением, по мнению матери, было хранение вещей, прекрасно помещавшихся в карманах.

В результате Джулс выбрала тёмные джинсы, мягкий кремовый джемпер, золотые серьги и любимую винную помаду. Последнюю она нанесла просто из принципа. У женщины, только что лишившейся должности, должно остаться хотя бы одно средство производить впечатление человека, который прекрасно понимает, что делает.

Перед выходом она взглянула на розовую карточку Харпер, всё ещё красовавшуюся на холодильнике. «НЕ ЗВОНИ БЫВШЕМУ». Джулс подумала, что неплохо бы изготовить ещё одну, специально для семейных ужинов. «НЕ ОБСУЖДАЙ МОЁ БУДУЩЕЕ». Правда, в случае с Терезой её пришлось бы печатать на итальянском, английском и, на всякий случай, размещать на стенах в каждом помещении.

Такси привезло её в Кэрролл-Гарденс без десяти пять. По дороге она пересекла привычную часть Бруклина, где старые кирпичные дома соседствовали с новыми кофейнями, пекарнями и магазинами, продававшими керамические чашки по цене небольшого семейного ужина. На углу всё ещё работала парикмахерская, в которой пятнадцатилетняя Джулс однажды решила укоротить кудри и получила причёску, ставшую семейным анекдотом на несколько следующих Рождеств. Чуть дальше располагалась лавка цветов, где Энцо Моретти, отец Джулс, каждую годовщину покупал жене розы, а потом жаловался на то, что цены выросли сильнее, чем качество. Наконец появилась тёмно-зелёная вывеска MORETTI ALIMENTARI.

Когда-то Энцо и Тереза Моретти открыли маленький магазин с несколькими полками, двумя холодильниками и почти непростительным количеством оптимизма. Тридцать лет спу-

стя у них было целое царство итальянских продуктов: длинный деревянный прилавок, витрины с сырами и мясными деликатесами, банки с оливками, домашняя паста, ароматное масло из Тосканы и Сицилии, печенье, шоколад, красочные коробки конфет и фокачча, которую Тереза выпекала с раннего утра. Постоянные покупатели приходили сюда за пармезаном, хлебом и новостями о жизни соседей. Последнее, по мнению Джулс, являлось самой востребованной и наименее прибыльной частью ассортимента.

Магазин занимал первый этаж кирпичного дома, а два верхних принадлежали семье. В детстве Джулс делала уроки за маленьким столиком возле кассы и успевала выучить не только таблицу умножения, но и особенности каждого поставщика, прежде чем ей разрешали пойти гулять. Позднее она помогала отцу с праздничными рекламными листовками. Энцо до сих пор хранил плакат, который дочь нарисовала в шестнадцать лет, хотя сама Джулс уже давно предлагала заменить его на что-нибудь менее компрометирующее для её профессиональной репутации.

Входная дверь была открыта. Из магазина пахло хлебом и базиликом, а сверху доносился голос Терезы, которая с недовольством интересовалась, почему кто-то положил ложки туда, где должны были лежать вилки. Не успела Джулс подняться по лестнице, как ей навстречу выбежала Нина.

— Тётя Джули!

Четырёхлетняя племянница с такой скоростью врезалась в её колени, что Джулс едва удержала сумку.

— Amore mio! Неужели в этом доме ещё сохранился человек, который рад видеть меня без предварительного обсуждения моей карьеры?

— Я тоже рада! — заверила Нина, серьёзно обнимая её за ноги. — Только у меня сегодня магазин, и я буду продавать тебе овощи. Бабушка сказала, что настоящие деньги брать нельзя, поэтому я нарисовала свои.

— Очень разумно. Независимая денежная система, никаких банковских комиссий.

— Там один помидор стоит пять долларов.

— Тогда поговорим о финансовой грамотности чуть позже.

Из квартиры выглянула Тереза Моретти. В свои пятьдесят шесть она оставалась красивой, ухоженной женщиной с густыми тёмно-каштановыми волосами, в которых уже поблёскивали первые серебристые пряди, большими карими глазами и выразительными чертами лица, удивительно похожими на черты старшей дочери. Высокие скулы, аккуратный прямой нос и полные губы придавали ей особую итальянскую красоту, а привычка выразительно вскидывать брови позволяла сообщить окружающим о своём недовольстве ещё до того, как она успевала открыть рот. На Терезе были белая блузка с закатанными рукавами, тёмная юбка и светлый фартук, а в руках она держала кухонное полотенце, которым немедленно принялась жестикулировать, едва завидев дочь. Джулс невольно улыбнулась: теперь хотя бы было совершенно ясно, от кого она унаследовала привычку разговаривать не только голосом, но и обеими руками.

— Джулия! Почему ты стоишь на лестнице? Заходи, я как раз закончила соус. Дай посмотрю на тебя, ты совсем исхудала, tesoro, разве тебя никто не кормит в Манхэттене?

— Мам, меня кормят. У меня даже появилось любимое место, где знают мой заказ наизусть.

— Прекрасно, тогда сегодня ты наконец поешь нормально.

Джулс обняла мать и вдохнула знакомый запах духов и домашней выпечки. Тереза обладала редким умением одновременно управлять семейным магазином, приготовлением ужина, двумя младшими дочерьми и дискуссией с человеком, который вообще не просил её совета. В вопросах питания её убеждения были столь же прочны, как семейные традиции. Кофе не считался завтраком, йогурт — едой, а салат без хлеба — тревожным признаком того, что дочь опять начиталась модных журналов.

Из кухни появился Энцо Моретти. В свои шестьдесят он оставался крепким, широкоплечим мужчиной с густыми серебристыми волосами, зачёсанными назад, тёплыми карими глазами и крупными, выразительными чертами лица. От природы смуглая кожа, прямой нос и густые брови, которые начинали двигаться задолго до того, как он успевал высказать своё мнение, придавали ему сходство с итальянскими актёрами из старых фильмов, особенно когда Энцо принимался горячо спорить, совершенно забывая о необходимости понижать голос. На нём были светлая рубашка с закатанными до локтей рукавами и тёмные брюки, а на запястье поблёскивали часы, которые Тереза подарила ему ещё на двадцатую годовщину свадьбы. Увидев старшую дочь, он широко улыбнулся, заключил её в крепкие объятия и поцеловал в макушку, после чего, не тратя времени на излишние сантименты, сообщил, что на этой неделе в магазин привезли превосходный пекорино, который ей непременно следует попробовать. Судя по выражению его лица, новость о сыре была настолько важной, что вполне могла соперничать с известием о возвращении дочери домой.

— Пап, я только вошла.

— Именно поэтому и говорю сейчас, пока ты не отвлеклась. У меня два поставщика, оба уверяют, что их сыр лучший. Тереза говорит, что я должен перестать спорить и выбрать тот, который дешевле, но мы с тобой понимаем, что подобные решения не принимаются исключительно на основе цены. — Слышала? — крикнула Тереза из кухни. — Он опять собирается советоваться с дочерью, которая неделю назад говорила по телефону, что больше не хочет думать о работе!

— Это не работа, — возразил Энцо. — Это семейное дело.

— Конечно, — пробормотала Джулс. — В этом доме маркетинг просто носит фартук.

София встретила её в прихожей. Средней из сестёр Моретти было двадцать семь. Невысокая, с женственной фигурой, длинными светло-каштановыми волосами, большими ореховыми глазами и мягкими чертами лица. София обладала особенным обаянием, позволявшим добиваться желаемого одной ласковой улыбкой. Джулс, которой для этого обычно требовались убедительные аргументы и активная жестикуляция, считала подобный талант вопиющей несправедливостью.

Она работала в семейном магазине, занимаясь заказами, поставками и общением с покупателями, однако последние четыре года совмещала эти обязанности с куда более ответственной должностью — матери маленькой Нины, чьи требования, в отличие от запросов самых капризных клиентов, не предусматривали ни выходных, ни возможности перенести сроки исполнения. За отца девочки София так и не вышла замуж. Их отношения закончились вскоре после рождения дочери, и она вернулась в родительский дом, где постепенно научилась совмещать работу, материнство и редкие попытки устроить собственную личную жизнь. София старалась самостоятельно обеспечивать Нину, но помощь Энцо и Терезы давно стала неотъемлемой частью их повседневности, а сама девочка, судя по всему, считала бабушку и дедушку полноценными членами своего небольшого обслуживающего персонала. — Посмотри, кто у нас! — воскликнула София, обнимая старшую сестру. — Надеюсь, ты приехала не с деловым предложением, потому что Бьянка уже приготовила ноутбук, а папа собирается привлечь тебя к дегустации. Я бы на твоём месте немедленно потребовала отпускные.

— Я уже безработная. Мне теперь положено хотя бы два часа без совещаний.

— Тогда не заходи в гостиную.

Из гостиной тут же показалась Бьянка, словно услышала собственное имя за пять комнат. В свои двадцать три младшая Моретти меньше всего походила на сестёр. Худощавая, с короткими тёмно-русыми волосами, серо-зелёными глазами и россыпью веснушек на носу, она предпочитала свободные брюки, объёмные футболки и серьги разной формы. Огромные наушники практически не покидали её головы, поэтому Терезе периодически приходилось снимать их собственноручно, особенно когда просьба вынести мусор оставалась без ответа. С выбо-

ром профессии у Бьянки дела обстояли значительно сложнее, чем с гардеробом. За последние несколько лет она успела увлечься графическим дизайном, программированием, аналитикой данных и несколькими направлениями онлайн-бизнеса, каждое из которых неизменно объявляла своим истинным призванием. К сожалению, примерно к середине очередного курса выяснялось, что в мире существует занятие куда интереснее, перспективнее и, разумеется, гораздо лучше соответствующее её многочисленным талантам. Джулс относилась к этим поискам с любовью и искренним желанием поддержать младшую сестру, хотя её банковский счёт придерживался несколько иной позиции. После очередного оплаченного курса она даже начала подозревать, что Бьянка не столько ищет профессию, сколько собирается получить образование во всех существующих областях человеческой деятельности.

— Джули, я ничего не буду показывать до ужина, обещаю, — сообщила Бьянка вместо приветствия. — Просто хочу предупредить, что у меня наконец есть нормальный проект. Не идея и не список вдохновения, а настоящий прототип, который работает. Почти.

— Сестра, я тебя обожаю, — сказала Джулс, обнимая её, — но слова «настоящий проект» и «почти» в одном предложении действуют на меня хуже любого понедельничного совещания.

— Вот поэтому я и решила сначала накормить тебя, — заявила Тереза, появившись с тарелкой оливок. — Вы все становитесь невыносимыми, когда долго не едите.

В квартире Моретти всё время что-нибудь происходило: на лестнице исчезали ключи, на кухне звенела посуда, в гостиной одновременно играли музыка и детский мультфильм, а Энцо регулярно выяснял, кто передвинул его любимую чашку. На стенах висели семейные фотографии, на полках стояли керамические тарелки из Италии и сувениры, которые родственники привозили с каждой поездки. Большой деревянный стол помнил школьные проекты, воскресные обеды, споры, примирения и несколько катастроф с краской, произошедших по вине Бьянки в детстве.

Джулс любила этот дом. В нём было шумно, тесно и слишком много вещей, но здесь никто не пытался заставить подушки лежать под правильным углом. Здесь вообще мало что лежало правильно, если не считать любимой ложки Энцо, исчезновение которой семья каждый раз воспринимала как чрезвычайное происшествие.

На ужин Тереза приготовила лазанью, фокаччу, салат с помидорами и базиликом, несколько видов сыра и целую батарею маленьких блюд, содержимое которых Энцо счёл необходимым подробно представить. Когда дошло до оливок, Нина уже дважды попросила десерт, София успела отвлечь её рассказом о детском саде, а Бьянка пыталась незаметно сфотографировать стол для своего нового проекта. Тереза заметила и это.

— Сначала едим, потом фотографируем! — велела она. — У вас всё наоборот. Скоро я начну спрашивать, можно ли накормить семью, не согласовав меню с телефоном.

— Мам, это называется контент, — объяснила Бьянка.

— В моё время это называлось обедом, и никто от этого не пострадал. Джулс улыбнулась и взяла кусок фокаччи. Первые полчаса всё шло замечательно, отец рассказывал о поставщике, перепутавшем накладные, София жаловалась на покупателя, который просил итальянское печенье без сахара, масла и муки, Нина сообщила, что в детском саду её будущий муж передумал жениться после ссоры из-за наклейки с динозавром.

— Очень правильно, tesoro, — заметила Джулс. — Если мужчина не способен уважать твои коллекционные наклейки, серьёзные отношения с ним строить рано.

— Джулия, не учи ребёнка вести бракоразводные переговоры до школы, — попросила София.

— Я просто защищаю её интересы. Кто-то должен.

Энцо с гордостью рассказал, что они получили крупный заказ на подарочные корзины к праздникам, и Джулс невольно предложила разделить наборы по трём ценовым категориям. Через пять минут она уже обсуждала упаковку и возможность предварительного заказа на

сайте. Лишь когда София засмеялась, Джулс заметила, что снова начала рисовать пальцем в воздухе невидимую схему.

— Я приехала отдыхать, — объявила она, откладывая вилку. — И пожалуйста, никто не спрашивайте меня про целевую аудиторию. Я сегодня беззащитна. — Как жаль, — протянула Бьянка. — Потому что мне как раз надо кое-что показать.

Она открыла ноутбук и развернула экран. На нём действительно был прототип небольшого приложения для магазина. Главная страница с продуктами, раздел подарочных наборов, карточки товаров и корзина. Пусть кое-что выглядело сыро, но Бьянка впервые не ограничилась списком красивых ссылок и обещанием когда-нибудь научиться всему необходимому.

— Хорошо, — признала Джулс после внимательного просмотра. — Правда хорошо. Но сначала проверь, сколько покупателей захотят этим пользоваться. Возможно, для начала нам хватит сайта и простой формы заказа. Обязательно подумай, как обновлять остатки. Если мама продаст последний пекорино через приложение, а папа за минуту до этого отпустит его в магазине, у нас начнётся гражданская война.

— Именно поэтому я хочу записаться на новый курс, — воодушевилась Бьянка. — Там есть блок про исследования пользователей, и преподаватель работал с настоящими стартапами. После него я смогу закончить проект нормально.

Джулс посмотрела на сестру поверх бокала.

— А тот курс, который ты проходила весной? Там тоже обещали проекты.

Может, сначала закончишь его, прежде чем покупать следующий?

— Он был про аналитику данных, Джули. Я попробовала и поняла, что мне интереснее продукт. Мне же всего двадцать три, разве я обязана уже сейчас знать, кем буду работать всю жизнь?

Тереза покачала головой и положила Бьянке ещё салата.

— Не обязана, конечно. Ты молодая, попробуй разные направления. Лучше искать своё дело, чем потом всю жизнь жалеть, что не решилась.

Джулс хотела возразить, что оплаченный и неоконченный курс — не совсем то же самое, что благородные поиски призвания. София как раз попросила мать посидеть завтра вечером с Ниной.

— Мы с Дэниелом собрались в кино, а потом, возможно, поужинать. Я постараюсь не задерживаться, но если будет поздний сеанс, ты не против уложить её спать?

— Конечно, tesoro. И не спеши домой, пожалуйста. Ты постоянно работаешь, занимаешься Ниной, а ведь тебе нужно иногда выходить куда-нибудь для себя.

Оставь пижаму и любимую книжку, я со всем справлюсь.

София благодарно улыбнулась, и Джулс улыбнулась тоже, хотя прежняя лёгкость куда-то исчезла. Она обожала Нину, искренне радовалась, что сестра снова устраивает личную жизнь, и сама не раз предлагала посидеть с племянницей. И всё же её неприятно кольнуло, с какой готовностью Тереза согласилась помочь, хотя ещё утром жаловалась на усталость и боль в спине. Софии позволяли иногда забыть о материнских обязанностях, Бьянке — искать себя и бесконечно менять планы. Джулс вовсе не хотела лишать сестёр этой свободы. Просто ей самой за последние полторы недели успели не раз напомнить о необходимости двигаться дальше, словно даже временная растерянность была роскошью, которую старшая Моретти позволить себе не могла.

— Кстати, Джулия, — произнёс Энцо, отламывая хлеб, — ты уже разговаривала с кем-нибудь по поводу новой должности? Тереза сказала, тебе поступали предложения. Не думаю, что стоит слишком долго откладывать. Тебя хорошо знают в индустрии, у тебя отличный опыт, а подобные возможности не ждут вечно.

Джулс медленно поставила бокал на стол.

— Я разговаривала с адвокатом, пап. А работодателям пока ответила, что мне нужно время. Прошла всего неделя.

— Никто тебя не торопит. Просто разумно начинать переговоры, пока есть интерес. Ты ведь сама всегда говорила, что в бизнесе важно не упускать момент.

— Я говорила так о рекламных кампаниях, а не о собственной жизни.

Энцо вздохнул, явно считая различие не особенно существенным.

— Я переживаю за тебя, principessa. Ты столько лет шла к этой должности и, если позволишь, мне до сих пор кажется, что историю с конференцией можно было закончить иначе. Ты могла выбрать слова аккуратнее, не давать Бомонту повод для подобных обвинений.

Джулс почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

— Пап, мы уже говорили об этом. Я не отрицаю, что на конференции сказала лишнее, но Грант пришёл на комиссию с готовым решением. Даже если бы я идеально произнесла все извинения на свете, он всё равно не собирался меня оставлять.

— Я не оправдываю его. Просто хочу, чтобы в следующий раз ты была осторожнее.

— В следующий раз я непременно попрошу работодателя заранее прислать список того, что мне разрешено говорить, когда меня публично унижают, — ответила Джулс резче, чем собиралась.

Тереза положила ладонь на стол.

— Давайте не будем ссориться. Джулия и без того пережила неприятную неделю. Возможно, ей сейчас действительно полезно отдохнуть, заняться собой. Ты ведь всегда откладывала личную жизнь из-за работы. Может быть, наконец появится время ходить на свидания.

Джулс закрыла глаза. Конечно, вот он. Служебный выход к обсуждению женихов. В её голове зазвучала тревожная мелодия, подходящая для кинофильма, в котором героиня только что обнаружила, что её семья решительно настроена выдать её замуж.

— Мама, мне всего тридцать один. Я пока не собираюсь обращаться в бюро поиска последнего свободного мужчины Нью-Йорка.

— Я этого и не предлагаю. Но вот у Марии Риччи дочь Изабелла недавно родила второго ребёнка, у них с мужем прекрасный дом. Я иногда думаю, как было бы хорошо, если бы ты тоже встретила человека, который сделал бы тебя счастливой.

— Меня может сделать счастливой и отсутствие ежедневных вопросов о том, когда я выйду замуж.

— Джулия! Мы просто хотим знать, что у тебя есть планы на будущее. Она посмотрела на мать, потом на отца, на Софию и Бьянку, которые уже подозрительно притихли. На столе остывала лазанья, Нина в гостиной пыталась заставить игрушечного кролика уснуть, а Джулс вдруг подумала, что для семейного разговора требуются совершенно иные защитные средства, чем для любого заседания совета директоров. Там хотя бы никто не спрашивал о детях между обсуждением продаж и десертом.

— А если у меня нет планов? — спросила она.

Тереза нахмурилась.

— Что значит нет?

— То и значит, мам. Я не знаю, что буду делать дальше. Я не знаю, хочу ли немедленно искать новую работу, переезжать, путешествовать или месяц ничего не делать. Совершенно точно не знаю, когда собираюсь выйти замуж. Мне кажется, за девять лет я впервые могу позволить себе остановиться, но все вокруг ведут себя так, будто я забыла подготовить домашнее задание.

— Мы волнуемся, потому что ты всегда была самой ответственной, — осторожно сказал Энцо. — Ты наша старшая. Ты с детства умела поставить цель и добиться своего. Неудивительно, что сейчас нам трудно видеть, как ты растерялась.

«Ты наша старшая».

Джулс вспомнила маленькую девочку на одной из фотографий возле лестницы: десять лет, серьёзное лицо, по сестре в каждой руке. Тогда ей очень нравилось, что взрослые доверяют ей важные дела. Умение справляться постепенно стало её любимым способом заслужить похвалу. Сначала хорошие оценки, затем университет, первая работа, повышение, квартира, новая должность и всё время кто-нибудь говорил, что Джулия обязательно добьётся большего, потому что всегда добивалась.

— Пап, именно это я и пытаюсь объяснить. Когда Софии нужно оставить Нину, вы помогаете. Когда Бьянка не может выбрать профессию, вы говорите ей не торопиться. И правильно делаете, я вовсе не хочу, чтобы вы перестали, но когда я теряю работу, у меня почему-то не появляется права растеряться. Все уверены, что через неделю я уже должна выбрать другую компанию и начать строить новую карьеру.

— Мы не говорим, что ты должна, — возразила Тереза.

— Вы спрашиваете, когда я собираюсь. Для меня это почти одно и то же. Бьянка закрыла ноутбук, София посмотрела на старшую сестру с тревогой, но не перебивала.

— Я всю жизнь старалась быть той, кто всё делает правильно. Когда я приносила хорошие оценки, папа спрашивал, почему не отличные. Когда поступила в университет, мы сразу обсуждали, где я смогу работать. Когда устроилась в VELA, вы так мной гордились, что я боялась вас разочаровать и мне нравилось ваше одобрение. Правда нравилось. Только где-то по дороге я перестала понимать, чего хочу сама.

Энцо нахмурился.

— Джулия, мы никогда не ставили тебе условие, что будем любить тебя только за успехи.

— Не ставили, пап. Но я всё равно чувствовала, что должна. Может быть, вы даже не замечали, насколько часто обращались ко мне за советом или помощью, потому что я старшая, разумная, самостоятельная. Я помогала с магазином, с девочками, с документами, со всеми вашими вопросами, и мне было приятно быть полезной, но сегодня мне самой нужна помощь, и я понятия не имею, как её попросить.

Она говорила уже тише. Слова выходили сложнее, чем обычно, и Джулс с досадой почувствовала, что глаза становятся влажными. Она могла провести напряжённую презентацию перед сотней человек, выдержать спор с Кэмероном Хейзом и даже спокойно ответить на оскорбление Гранта, но за собственным семейным столом способность держать лицо куда-то исчезала.

— Последнюю неделю я смотрю ток-шоу, ем суши и пытаюсь придумать, как провести завтрашний день. У меня есть деньги, прекрасная квартира и предложения о работе, а я не понимаю, почему мне так страшно остаться одной без календаря и списка задач. Мне тридцать один год, и я впервые не могу ответить, кем хочу быть дальше. А вы спрашиваете, когда я выйду замуж.

Тереза посмотрела на неё с растерянностью.

— Милая наша девочка, я не знала, что тебе настолько тяжело. Ты почти ничего нам не рассказывала.

— Потому что я привыкла приезжать с хорошими новостями, а когда новостей нет, мне кажется, что и говорить не о чем.

За столом стало тихо. Из гостиной доносился голос Нины, которая требовала от игрушечного кролика немедленно закрыть глаза. София поднялась, заглянула к дочери и, убедившись, что всё в порядке, вернулась. Энцо смотрел на руки, лежавшие перед ним, а Тереза наконец перестала поправлять салфетки.

— Я тоже иногда думаю, что ты всё знаешь лучше нас, — сказала София. — Когда Нина была маленькой и мне было страшно даже выйти из дома одной, ты приезжала после работы, покупала всё необходимое и говорила, что мы обязательно справимся. Ты очень помогла, но

иногда я боялась признаться тебе, что не справляюсь, потому что не хотела снова слышать, как нужно правильно всё организовать.

Джулс подняла глаза.

— Я никогда не считала, что ты обязана справляться одна, Соф.

— Знаю. Просто, может быть, мы все привыкли, что ты обязательно придёшь с решением и никто не заметил, что самой тебе иногда хочется просто посидеть и пожаловаться на жизнь.

— Или чтобы тебя вообще не просили ни о чём, — негромко добавила Бьянка. — Прости, что я сразу принесла ноутбук. Ты только приехала, а я уже требовала бесплатную консультацию. Я правда хочу закончить этот проект сама, даже если мне придётся несколько раз ошибиться. Джулс взглянула на сестру и слабо улыбнулась.

— Особенно приятно слышать слово «закончить» применительно к одному из твоих проектов.

— Да, я тоже чувствую исторический момент, — согласилась Бьянка и немного придвинулась ближе.

Тереза осторожно взяла Джулс за руку.

— Ты права, дорогая, мы слишком часто спрашиваем, что ты собираешься делать. Наверное, потому что я не могу спокойно смотреть, когда кому-нибудь из вас плохо. Мне хочется сразу дать совет, накормить, что-то исправить. Иногда я забываю, что вы уже взрослые и имеете право сами выбирать, когда вам нужна помощь.

Энцо вздохнул.

— Когда мы открывали магазин, я боялся каждое утро, что покупатели не придут. Никому не рассказывал, даже Терезе иногда говорил, что всё прекрасно, хотя у нас едва хватало денег оплатить счета. Наверное, поэтому мне так важно, чтобы вы были уверены в завтрашнем дне. Я смотрел, как ты строишь карьеру, и думал, что наконец тебе ничего не угрожает, а потом увидел, как несправедливо с тобой обошлись, и первым делом попытался придумать, что ты должна сделать, чтобы этого больше не случилось.

— Я понимаю, пап. Но мне сейчас не нужен список мер предосторожности. Я просто хочу, чтобы вы меня выслушали.

— Тогда будем учиться слушать, — ответил Энцо и потянулся за её ладонью.

Они ещё немного посидели, не пытаясь закончить разговор красивыми словами. Потом Тереза неожиданно спросила, хочет ли кто-нибудь тирамису, и все четверо почти одновременно ответили, что хотят. Нина услышала это из гостиной и немедленно заявила о собственных правах на десерт, после чего серьёзное семейное обсуждение пришлось прервать ради спора о количестве крема на одной маленькой тарелке. Джулс была даже рада. Ей не хотелось, чтобы в этот вечер все продолжали смотреть на неё с сочувствием. Она сказала то, что давно держала в себе, и на сегодня этого было достаточно. Завтра никто не станет идеальным, родители наверняка снова начнут беспокоиться о будущем, а Бьянка, вероятно, через месяц увлечётся каким-нибудь совершенно новым направлением, но сейчас рядом сидели люди, которых она любила, и никто не требовал от неё ответа на вопрос, каким должен быть следующий этап её жизни.

Перед уходом Нина потянула её за руку и отвела в гостиную. На ковре лежали фломастеры, игрушечные овощи и несколько листов бумаги, превращённых в деньги местного производства. Девочка вручила Джулс рисунок: шесть фигур с огромными улыбками, одна из которых была заметно выше остальных и имела тёмные волосы и ярко-красные губы.

— Это ты, — сообщила Нина. — А это я. Видишь, мы держимся за руки. — Очень красиво, amore mio. Только почему я такая высокая? Неужели ты наконец оценила мою любовь к каблукам?

— Потому что ты старшая, — объяснила Нина, удивившись, что взрослому человеку приходится растолковывать столь очевидные вещи. — Бабушка говорит, что старшие должны помогать маленьким.

Джулс посмотрела на рисунок, потом присела перед племянницей.

— Знаешь, малышка, иногда маленькие тоже помогают старшим. Например, сейчас ты сделала меня намного счастливее, чем могла себе представить.

— Тогда я нарисую ещё один, — пообещала Нина. — Только в следующий раз у тебя будут туфли, а то здесь я забыла.

— Прошу тебя, не экономь на обуви. Это может серьёзно сказаться на моей репутации.

Девочка рассмеялась и обняла тётю за шею.

Когда пришло время уходить, Тереза собрала ей два контейнера лазаньи, фокаччу, соус, коробку печенья и столько сыра, что Джулс начала подозревать подготовку к длительной осаде. Энцо, разумеется, положил сверху новый пекорино, чтобы дочь обязательно оценила поставку.

— Пап, ты понимаешь, что мне не нужно кормить целый отдел? Я теперь живу одна, а не возглавляю рекламную кампанию.

— Вот и прекрасно. Значит, хватит надолго.

Тереза проводила её до двери и обняла дольше обычного.

— Приезжай просто так, Джулия. Не нужно ждать хороших новостей или нового повышения. Мне достаточно того, что ты приходишь к нам на ужин. Джулс кивнула, уткнувшись на мгновение в мамино плечо. Ей хотелось верить, что родители действительно услышали её, хотя хорошо знала: завтра они проснутся и снова станут теми же людьми, которые всю жизнь пытались уберечь своих дочерей от ошибок, иногда мешая им ошибаться самостоятельно.

На лестнице Энцо перехватил один из пакетов и донёс до такси.

— Ты всегда можешь помочь мне в магазине, если совсем заскучаешь, — сообщил он, укладывая продукты на сиденье.

— Пап, пожалуйста, не предлагай мне новую должность прямо сейчас. — Я и не предлагаю. У меня совершенно нет бюджета на специалиста твоего уровня.

Джулс рассмеялась и поцеловала его в щёку.

Квартира на Верхнем Ист-Сайде встретила Джулс той безупречной тишиной, которой она ещё несколько месяцев назад искренне гордилась. В прихожей автоматически включился свет. На стеклянном столике лежал журнал, который она так и не открыла, в гостиной стояли кресла, выбранные для уютных вечеров с книгой, а за огромными окнами горел вечерний Нью-Йорк. Всё выглядело именно так, как Джулс когда-то представляла, когда впервые пришла сюда с агентом по недвижимости и решила, что однажды обязательно сможет позволить себе этот вид на город.

Она действительно смогла. Купила квартиру, долго выбирала диван, спорила с дизайнером о ковре и однажды потратила неприличные деньги на лампу, которая, по её убеждению, должна была сделать каждое возвращение домой особенным. Проблема заключалась лишь в том, что большую часть вечеров она возвращалась настолько поздно, что успевала оценить лампу исключительно по дороге в спальню. Теперь у неё имелось сколько угодно времени. На лампу, на книги, на диван, на прекрасный вид из окна. Даже на тот большой набор посуды, который она покупала для ужинов с друзьями, но до сих пор использовала только на Рождество.

Джулс поставила пакеты на кухонный остров, убрала лазанью в холодильник и прикрепила рисунок Нины к дверце маленьким магнитом. Красные губы на рисунке оказались заметно больше всего лица, но это обстоятельство её не смутило. Если уж и было в семье Моретти что-то достойное наследования, то любовь к хорошей помаде явно входила в список.

Телефон лежал возле сумки. Джулс могла написать Мэдди, позвонить Харпер или снова посмотреть очередной выпуск ток-шоу, в котором обязательно нашёлся бы человек, принимающий ещё более сомнительные решения, чем Грант Бомонт. Но почему-то ничего из этого не хотелось. Она подошла к окну, внизу такси ползли по проспекту, люди выходили из ресторанов, где-то играла музыка. Город проживал обычный воскресный вечер и явно не заметил, что одна тридцатиоднолетняя женщина больше не знает, в какой компании собирается провести следующую часть собственной жизни.

А ведь она всё продумала: в двадцать два года пришла в VELA, к двадцати семи получила команду, затем новые направления, серьёзные проекты и уверенность, что однажды займёт ту самую должность. У неё имелся план повышения, список профессиональных целей и даже примерное представление, чем она будет заниматься через пять лет. Единственного пункта не существовало: что делать, если всё это исчезнет за один четверг.

Примечание к главе

Иногда за привычным семейным теплом скрывается то, о чём не принято говорить вслух. Ведь быть старшей — значит не только заботиться о младших, но и однажды привыкнуть к тому, что от тебя всегда ждут немного большего. А кто позаботится о той, которая привыкла справляться сама?

Визуализация "Быть старшей": ссылка на Pinterest

Глава 9. Незаменимых нет

Саундтрек главы:
Stop and Stare — OneRepublic

— Доброе утро, Нью-Йорк! На календаре суббота, одиннадцатое октября. За окном одиннадцать градусов, к обеду обещают пятнадцать и немного солнца, хотя ветер на улицах Манхэттена по-прежнему не располагает к прогулкам без пальто. Если вы собираетесь в Сохо, желаю удачи с поиском свободного столика и напоминаю, что фраза «я только посмотрю» ещё ни разу не спасла мои выходные.

— А теперь о том, что приготовили нам звёзды. Овны, прежде чем праздновать победу, убедитесь, что соревнование действительно закончилось. У ваших соперников могут оказаться совершенно другие планы на этот счёт. […] Рыбы, не отказывайтесь от приглашений только потому, что за последнее время ваша жизнь немного изменилась. Возможно, именно там, куда вам совсем не хочется идти, вас ждёт разговор, которого вы давно ждали. А пока не забудьте шарф, возьмите кофе и подарите себе хорошую субботу.

Радиоведущая пожелала слушателям приятных выходных, уступив эфир композиции «Stop and Stare» группы OneRepublic. В уютном бутике на Принсстрит пахло дорогим парфюмом и свежесваренным кофе, осеннее солнце пробивалось сквозь широкие витрины, а Джулия Моретти, с недавних пор располагавшая неприличным количеством свободного времени, с завидной убедительностью объясняла Харпер необходимость очередной покупки. Впрочем, судя по скептическому выражению лица подруги, девять лет работы в маркетинге совершенно не гарантировали Джулс успеха в этих переговорах.

— Джулс, я тебя умоляю, не говори, что собираешься купить ещё один чёрный жакет. Если ты начнёшь объяснять мне, чем он отличается от восьми остальных, я позвоню Мэдди. У неё наверняка найдётся таблица, доказывающая, что тебе необходим хотя бы один предмет одежды другого цвета.

Джулия Моретти поправила лацкан перед высоким зеркалом. Мягкая шерсть, безупречная линия плеч, узкая талия — у жакета имелись все достоинства, которые она ценила в одежде. И воротник, между прочим, был совершенно другим. Джулс повернулась боком, всерьёз рассчитывая, что теперь Харпер точно заметит разницу.

— Во-первых, это будет седьмой, потому что один я отдала маме. Во-вторых, я не понимаю, почему желание хорошо выглядеть теперь считается преступлением, особенно когда знакомые смотрят на меня так, будто я недавно пережила стихийное бедствие.

— Потому что ты выбираешь его с таким видом, будто в понедельник тебе предстоит выступить перед советом директоров, — возразила Харпер, вручая подруге кофе. — А у нас суббота, мы в Сохо, и я пришла развлечься. Можем хотя бы сегодня притвориться, что судьба фондового рынка не зависит от твоего воротника?

Харпер стояла посреди светлого бутика в короткой кожаной куртке поверх кремового шерстяного свитера, а на ручке её сумки висел шарф, от которого она избавилась сразу у входа. Рыжие волосы были небрежно подколоты, несколько прядей выбились у лица. За те десять минут, что Джулс провела у зеркала, Харпер успела познакомиться с консультанткой, похвалить живые цветы возле кассы и узнать адрес кофейни, где, по уверениям продавщицы, пода-

вали лучшие круассаны во всём квартале. У подруги был редкий талант превращать случайную встречу в начало приятного знакомства.

За широкими витринами Сохо наслаждался редким октябрьским солнцем. Оно скользило по чугунным фасадам и пожарным лестницам, золотило верхушки деревьев, но совершенно не справлялось с холодным ветром, разгуливавшим между домами. У бордюров кружились сухие листья, мимо проносились жёлтые такси, а люди в шерстяных пальто терпеливо стояли в очереди за тыквенным латте. Девушка в огромных солнечных очках выскочила из магазина с тремя покупками, прижала к груди разлетающиеся бумажные пакеты и тут же остановилась у следующей витрины. Джулс прекрасно её понимала: в октябре Нью-Йорк особенно убедительно доказывал, что для полного счастья человеку недостаёт всего одного хорошего пальто.

— Напомни, пожалуйста, как мы от твоих новых сапог перешли к моему гардеробу? — спросила она, возвращая жакет консультантке. — Я прекрасно помню, что вчера ты жаловалась на отсутствие подходящей обуви, хотя в твоей прихожей скоро придётся прокладывать пешеходные дорожки.

Харпер предпочла не развивать тему собственной прихожей и направилась к вечерним платьям, по пути прихватив с соседнего рейла пару вещей, которые, на её взгляд, определённо следовало примерить Джулс.

— Сапоги подождут, я уже знаю, какие хочу, — ответила Харпер, вытаскивая из ряда вешалок тёмно-синее платье. — Но завтра день рождения Эвелин, и мне хочется пойти туда с тобой. Я могу, конечно, изображать светскую даму в одиночку, однако тогда некому будет вовремя отобрать у меня третью порцию десерта. Да и смеяться над гостями про себя гораздо менее интересно.

Приглашение от Эвелин Роуз пришло четыре дня назад. Джулс несколько раз открывала сообщение, собиралась ответить, но всякий раз представляла зал, полный прежних коллег и деловых знакомых, и откладывала телефон. Она слишком хорошо знала, как легко доброжелательная беседа превращается в расспросы о карьере.

— Ты так уверенно распоряжаешься моим воскресеньем, будто уже купила мне билет. И, кстати, с каких пор тебя саму приглашают на дни рождения голливудских актрис? Я, кажется, пропустила весьма интересный этап твоей карьеры.

— Пока ты изучала вакансии, где «дружный коллектив» предлагается вместо нормальной зарплаты, я успела познакомиться с твоей любимой актрисой, — с удовольствием сообщила Харпер. — Эвелин увидела мои фотографии моделей с интерьерными букетами и пригласила на личную съёмку. Никаких рекламных контрактов, агентов над душой и ретуши, после которой у человека меняется форма носа. Мы провели вместе почти целый день, потом пошли ужинать и проговорили ещё два часа. Ты не представляешь, какая она смешная, когда ей не приходится произносить заученный текст.

Джулс улыбнулась, представив Эвелин в студии Харпер. После истории с украденными личными фотографиями актриса долго не хотела позировать даже для рекламных материалов No. 9. То, что она решилась на съёмку ради собственного удовольствия, было хорошей новостью. Выбор фотографа Джулс одобряла безоговорочно: Харпер умела разговаривать с людьми так, что им не приходилось изображать кого-то другого.

— Ты могла бы рассказать мне раньше, — мягко заметила Джулс. — Я бы порадовалась за вас обеих, особенно зная, как непросто Эвелин было снова поверить фотографам.

— Я пыталась в четверг, — напомнила Харпер, широко улыбнувшись. — Но вместо ответа получила четырёхминутное голосовое сообщение о вакансии, где один человек обязан выполнять работу троих, а в качестве компенсации ему разрешают брать фрукты на кухне. Я даже прервала монтаж, потому что хотела услышать, чем закончится эта трагедия корпоративного масштаба. Джулс со стоном прикрыла глаза, а Харпер со смехом увела её к примерочным.

За следующие двадцать минут они успели забраковать платье, в котором, по мнению Джулс, невозможно было одновременно дышать и ужинать, поспорить о длине юбки и вспомнить, как Мэдди однажды купила наряд для свидания, на которое так и не пошла. После третьей примерки Харпер вдруг перестала шутить и осторожно вернула вешалку на место.

— Можно я спрошу тебя кое о чём, а ты не станешь рассказывать, что проблема исключительно в платье? Ты не отвечаешь Эвелин уже четыре дня, хотя сама говорила, как по ней соскучилась. Я ведь правильно понимаю, что дело вовсе не в платьях?

Джулс провела пальцем по гладкой ткани платья и посмотрела в зеркало. Она могла сколько угодно спорить с Харпер по поводу фасона, но на этот вопрос у неё не находилось остроумного ответа.

— На таких вечерах меня годами представляли одинаково: Джулия Моретти, руководитель маркетинга VELA. Даже если мы с кем-то спорили, люди хотя бы знали, кто я и чем занимаюсь. А завтра кто-нибудь по привычке спросит о работе, и мне придётся объяснять, что её больше нет. Знаешь этот взгляд, когда человек ещё улыбается, но уже выбирает между сочувствием и быстрым отступлением? Я не уверена, что готова к нему.

Харпер оставила платье на рейле и встала рядом с подругой, так что обе теперь смотрели не в зеркало, а друг на друга.

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, ты слишком строга к себе. После увольнения прошло чуть больше двух недель, а ты уже требуешь от себя такого спокойствия, будто эти девять лет ничего не значили. Но, Джулс, разве должность сделала тебя талантливой? Разве название компании научило тебя отстаивать собственное мнение, разбираться в людях и находить выход из ситуаций, в которых остальные предпочитали разводить руками? Это всё твои заслуги, а не заслуги VELA. И ни один документ об увольнении не способен их перечеркнуть. К тому же я помню не только женщину, которая могла заставить всех в переполненной переговорной слушать себя. Я помню, как ты приехала ко мне посреди ночи просто потому, что услышала по телефону, что я плачу. Как отменяла собственные планы, когда Мэдди нуждалась в компании, и как умудрялась рассмешить нас даже в самые паршивые дни. Чёрт возьми, я даже помню, как мы познакомились, хотя понятия не имела, кем ты работаешь! И, представь себе, ты мне понравилась без рекомендации совета директоров. Поверь, ни одно из моих любимых воспоминаний о тебе не начинается со слова VELA. Поэтому перестань думать, что вместе с должностью ты потеряла всё то, за что люди тебя любят и уважают.

Джулс хотела отшутиться, но почему-то не смогла. Накануне она в который раз открыла календарь и обнаружила пустоту на месте совещаний, съёмок и созвонов. Даже напоминание о записи к стоматологу вызвало у неё почти неприличную благодарность: наконец-то хоть кто-то ожидал её в назначенное время. Она едва не подтвердила визит дважды.

— Я всё понимаю, Харпер, просто никак не привыкну к мысли, что по утрам никому не нужны мои решения. Боюсь, если завтра меня начнут расспрашивать, я опять проведу весь вечер, доказывая, что девять лет не зря ходила на работу.

— Тогда, если кто-нибудь вздумает тебя жалеть, мы возьмём шампанское и уйдём туда, где играет хорошая музыка, — заявила Харпер и сжала её ладонь. — А если серьёзно, Эвелин звала женщину, которая осталась рядом, когда весь интернет решил обсуждать её личную жизнь. Ты ведь тогда не спрашивала, пригодится ли это для твоего резюме. Вот и она сейчас не собирается спрашивать.

Джулс вспомнила Эвелин, сидевшую на полу возле дивана в мягком сером халате, с опухшими от слёз глазами и телефоном, который она боялась взять в руки. В тот день Джулс меньше всего волновали коммерческие показатели No. 9 и репутация VELA. Ей хотелось, чтобы Эвелин перестала стыдиться того, в чём не было её вины, и не позволяла чужому мнению определять, как ей жить дальше. Какая ирония заключалась в том, что теперь Джулс сама не решалась последовать собственному совету.

— Ладно, я подумаю о вечеринке. Но новое платье покупать не обещаю, иначе получится, что ты сперва убедила меня в способности существовать без работы, а потом заставила потратить на это столько, сколько хватило бы небольшому отделу на канцелярские принадлежности.

— Мне хочется, чтобы ты хоть что-нибудь выбрала просто потому, что тебе это нравится, — отозвалась Харпер, снова оживляясь. — Давай примерим вон то бордовое. Если не подойдёт, я капитулирую и лично отнесу тебе твой драгоценный седьмой жакет. Даже выражение лица постараюсь сделать одобрительным.

Она протянула Джулс платье из бордового шёлка: тонкие бретели оставляли плечи открытыми, а длинная юбка ложилась мягкими складками и при каждом движении переливалась от тёмно-вишнёвого до винного. Под тёплым светом бутика на сгибах ткани вспыхивали золотистые отблески. Цвет был близок к её любимой помаде, а простой крой не нуждался в сложных украшениях. Джулс уже прикидывала, какие серьги подойдут лучше, когда со стороны кассы донёсся раздражённый мужской голос.

Мужчина требовал позвать управляющего и размахивал коробкой, явно намереваясь добиться своего исключительно громкостью. Консультантка терпеливо объясняла условия возврата, но он не давал ей закончить ни одного предложения. В тот момент, когда его голос сорвался на крик, кто-то задел металлическую стойку. Она рухнула на пол, разметав плечики по светлой плитке. Джулс обернулась на грохот и с удивлением обнаружила, что Харпер застыла рядом с ней. Улыбка исчезла, пальцы намертво вцепились в ремешок сумки. Подруга смотрела даже не на упавшую стойку, а на мужчину у кассы. Её взгляд метнулся к двери, и на короткое мгновение Джулс показалось, что Харпер ищет самый быстрый путь наружу.

— Харпер, ты меня слышишь? — тихо спросила Джулс, осторожно тронув её за локоть. — Пойдём отсюда, если хочешь. Мы ведь не обязаны оставаться.

Харпер повернулась не сразу. Она моргнула, будто возвращаясь издалека, и попыталась улыбнуться, но Джулс успела заметить, как побледнело её лицо.

— Терпеть не могу таких типов, — ответила Харпер, всё ещё поглядывая в сторону кассы. — Девушка должна улыбаться ему только потому, что получает здесь зарплату, а он пользуется этим, чтобы орать сколько ему вздумается. Если честно, я бы сейчас с удовольствием сказала ему пару слов, но лучше давай отойдём. Не хочу, чтобы он испортил нам день.

Они переместились к дальним примерочным. Харпер попросила воды, потом несколько минут молча крутила в пальцах бумажный стакан, а вскоре сама заговорила о платье. Через некоторое время она снова шутила и рассматривала туфли, словно ничего не произошло. Джулс не стала расспрашивать её при посторонних, но то, как подруга смотрела на выход, осталось в памяти.

Когда Джулс наконец вышла из примерочной, Харпер подняла голову от телефона и расплылась в улыбке.

— Вот теперь ты понимаешь, ради чего я вытащила тебя из дома? — Она подошла ближе и поправила край шёлковой юбки. — Только не начинай считать, сколько рабочих презентаций тебе пришлось бы провести, чтобы оправдать эту покупку. Просто посмотри на себя. Ты невероятно красивая, Джулс.

Джулс повернулась перед зеркалом, а Харпер, окончательно проникнувшись ролью персонального стилиста, отступила на несколько шагов. Бордовый шёлк красиво двигался вслед за Джулс, и на несколько секунд она забыла и о VELA, и о том, что собиралась воздержаться от необдуманных расходов. Ей хотелось пойти куда-нибудь, где играет хорошая музыка, выпить шампанского и хотя бы один вечер не думать, насколько убедительно выглядит её резюме. Потом она нашла ценник, спрятанный среди складок ткани, и праздничное настроение подверглось первому серьёзному испытанию.

— Madonna mia, за такие деньги они могли хотя бы включить в стоимость билеты до Италии и обратно. Желательно с недельным проживанием на побережье, чтобы я успела оправиться от покупки.

— Ты однажды купила сумку дороже и целую неделю убеждала нас с Мэдди, что это разумная инвестиция, — напомнила Харпер, смеясь. — Если платье не нравится, оставим. Но если нравится, почему бы хоть раз не позволить себе хорошую вещь без необходимости оправдываться карьерными перспективами?

Джулс ещё раз взглянула на себя и попросила консультантку упаковать платье. Пока та заворачивала бордовый шёлк в тонкую бумагу, Харпер с такой радостью наблюдала за происходящим, словно только что удачно выдала подругу замуж. Джулс предупредила, что новые сапоги Харпер будет покупать исключительно за собственный счёт: бюджет спасательных операций на сегодняшний день исчерпан.

Из бутика они вышли ближе к вечеру, когда солнце уже опускалось за кирпичные фасады Сохо. На углу пахло кофе и жареными каштанами, в витринах зажглись лампы, а от порывов ветра приходилось прятать подбородок в воротник пальто. Харпер всё-таки купила сапоги, которые, по её словам, принципиально отличались от трёх предыдущих пар. Джулс попросила продемонстрировать эти принципиальные отличия и получила подробную лекцию об оттенках кожи и высоте каблука, во время которой с большим удовольствием прижимала к себе пакет с новым платьем. По взаимному согласию тему разумных трат закрыли до следующей выписки по кредитной карте.

Возле кофейни Джулс достала телефон и впервые за четыре дня открыла приглашение Эвелин не для того, чтобы снова отложить ответ. Она написала, что с удовольствием придёт, соскучилась по ней и обещает на этот раз не интересоваться бюджетом мероприятия. Эвелин ответила почти сразу: сообщила, что ужасно рада, запретила уходить раньше торта и между делом призналась, что Харпер уже поручилась за появление подруги.

— Ты успела пообещать Эвелин, что я приду, ещё до того, как спросила меня?

— Я обещала, что постараюсь тебя привести, потому что очень хотела, чтобы ты провела хороший вечер, — призналась Харпер и взяла подругу под руку. — Но, если тебя утешит, Эвелин сразу сказала, что ты сама должна решить. Так что ужин я тебе всё равно должна, а за самоуправство могу даже разрешить выбрать ресторан. Только умоляю, без тех мест, где равиоли подают по три штуки и называют это впечатлением.

Джулс убрала телефон в сумку. Теперь, представляя завтрашний вечер, она думала не только о возможных расспросах, но и о смехе Эвелин, музыке и друзьях, которых давно не видела. На один вечер ей очень хотелось оставить VELA за дверью, словно неудобное пальто, которое наконец разрешили снять.

В воскресенье к семи вечера уже горел тёплый свет в окнах частного клуба, занимавшего верхний этаж старого здания неподалёку от Мэдисон-сквер-парка. Октябрьский ветер раскачивал ветви деревьев внизу, по мокрому после недолгой вечерней мороси асфальту скользили отражения фар, а в самом клубе царило совсем другое настроение: здесь на несколько часов можно было забыть о непогоде. В холле пахло белыми розами, звучал джаз, и гардеробщик едва успевал принимать пальто прибывающих гостей.

Когда Джулс и Харпер оставили пальто в гардеробе, бордовый шёлк платья Моретти заиграл в золотистом свете люстр, а винная помада и маленькие золотые серьги придали её образу ту элегантность, за которую Харпер накануне так отчаянно боролась. Тёмные кудри спадали на одно плечо. Сама Харпер выбрала короткое изумрудное платье, великолепно оттенявшее рыжие волосы, и уже возле входа успела восхититься цветами и обменяться улыбкой с офици-

антом. Джулс, напротив, мысленно поблагодарила организаторов за то, что путь от гардероба до бара не пролегал через скользкий паркет.

За распахнутыми дверями открывался просторный зал с роялем, высокими зеркалами и столиками, на которых среди белых роз мерцали свечи. Серебро подносов отражало огоньки люстр, по паркету скользили длинные юбки, а мимо подруг проплыла женщина в платье, усыпанном серебристыми пайетками. Гдето у рояля раздался громкий смех. Ни пресс-волла, ни фотографов у входа: Эвелин действительно пригласила друзей, а не устроила очередную светскую премьеру. Харпер заинтересованно потянулась к цветочным композициям, Джулс — к ближайшему бокалу.

Джулс вошла, расправив плечи, и первым делом увидела женщину из руководства косметического холдинга, с которой ещё недавно обсуждала совместную кампанию. Она по привычке улыбнулась и приподняла руку, однако знакомая, уже сделавшая шаг навстречу, вдруг ограничилась коротким кивком и вернулась к собеседнику. Джулс пришлось завершить приветствие, поправив волосы. Чуть дальше мужчина, прежде непременно подходивший поспорить о рекламных бюджетах, заметил её и неожиданно заинтересовался телефоном. Всё происходило на фоне музыки, смеха и звона бокалов, отчего выглядело ещё нелепее. На секунду Джулс остановилась у входа, не понимая, нужно ли теперь самой подходить к этим людям. Она решила не делать выводов раньше времени: после увольнения, вероятно, даже самые обычные взгляды казались подозрительными.

Спасаясь от неловкости, Джулс принялась рассматривать оформление. Цветочные композиции были восхитительны, хотя одна ваза немного загораживала проход к бару. Она уже мысленно переставила её на полметра вправо, когда Харпер наклонилась к её уху.

— Джулс, я знаю этот взгляд. Если ты сейчас примешься руководить флористами на чужом празднике, мне придётся делать вид, что мы незнакомы, — прошептала Харпер, едва сдерживая смех. — Эвелин всё нравится, цветы стоят на своих местах, а мы с тобой пришли сюда веселиться. Включай свой внутренний отдел маркетинга только в случае пожара.

— Я даже рта не открыла, а ты уже предъявляешь мне обвинения, — возмутилась Джулс, хотя прекрасно понимала, что подруга её раскусила. — Если ты собираешься и дальше читать мысли по положению моих бровей, нам придётся пересмотреть условия дружбы.

Харпер добавила, что давно умеет определять по бровям Джулс, собирается ли та спорить с официантом, дизайнером или целым советом директоров. Джулс возмущённо толкнула её локтем, чем только сильнее рассмешила подругу. Впрочем, продолжить обсуждение особенностей итальянского темперамента им не удалось: лавируя между гостями и придерживая подол светлого атласного платья, к ним уже спешила Эвелин. Несколько белокурых прядей выбились из небрежно собранных волос, в тёплом свете люстр поблёскивало изящное бриллиантовое колье, а на лице сияла такая искренняя улыбка, что Джулс впервые за этот вечер почувствовала, что ей здесь действительно рады.

— Вы всё-таки пришли! — воскликнула Эвелин, обняв их по очереди и задержав Джулс в объятиях чуть дольше. — Харпер обещала, что доставит тебя лично, иначе я уже собиралась посылать машину с очень убедительным водителем. Я так соскучилась, дорогая!

— Поверь, Харпер вполне справилась без охраны, — рассмеялась Джулс, отстраняясь, чтобы рассмотреть именинницу. — Ты прекрасна, bella, и у тебя восхитительный праздник. Я даже готова простить, что меня заставили ради него надеть каблуки, на которых невозможно догнать уходящее такси.

Эвелин восхищённо оглядела бордовый шёлк и попросила обязательно сообщить адрес бутика, но, заметив смущённую улыбку Джулс, не стала превращать встречу в обсуждение нарядов. Она повела подруг к столику возле окна, где можно было разговаривать без необходимости перекрикивать музыку, и на мгновение взяла Джулс за руку.

— Я ужасно рада, что ты здесь, — сказала Эвелин тише, когда у них появилась возможность поговорить без посторонних. — И спасибо за всё, что ты для меня сделала. Я не забыла, как ты тогда приехала и осталась, хотя у тебя наверняка был миллион других дел. Очень хочу, чтобы сегодня мы просто хорошо провели время.

Джулс посмотрела на неё и неожиданно ощутила, как ослабевает напряжение, с которым входила в зал. В этом разговоре не прозвучало ни слова о должности, увольнении или новых контрактах. И именно этого ей сейчас не хватало.

— Спасибо, tesoro. Я тоже соскучилась, просто, кажется, слишком долго придумывала, как буду себя чувствовать среди всех этих знакомых. А надо было всего лишь прийти к тебе на день рождения.

Эвелин тепло сжала руку Джулс, а затем повернулась к Харпер и с воодушевлением принялась рассказывать, какое впечатление на неё произвели фотографии с недавней съёмки. Впервые за долгое время ей хотелось не оценивать собственную внешность и выискивать недостатки, а просто любоваться снимками. Несколько из них она даже успела распечатать и расставить в гостиной. Вдохновлённая результатом, Эвелин предложила Харпер организовать ещё одну съёмку, на этот раз среди цветов и, к обоюдной радости, без участия её агента.

— Если мы снова устроим съёмку, я привезу столько цветов, что твой агент наверняка решит, будто у тебя тайная помолвка, — рассмеялась Харпер. — И знаешь, мне очень понравилось с тобой работать без всей этой суеты. Когда ты перестала спрашивать, куда повернуть голову, кадры получились самыми красивыми. Так что на этот раз я вообще запрещаю тебе позировать.

— О моём решении агент узнает после того, как мы получим фотографии. Мне кажется, такая последовательность будет полезна для развития наших рабочих отношений, — ответила Эвелин и расхохоталась вместе с ними.

Эвелин почти сразу позвали встречать новых гостей, но прежде она настояла, чтобы девушки попробовали лимонные пирожные, из-за которых три дня спорила с кондитером. Харпер закрыла глаза от удовольствия после первого кусочка и отправилась за второй тарелкой, объявив, что обязана оценить стабильность качества всей партии. Джулс рассмеялась: у подруги, кажется, тоже имелись задатки весьма талантливого специалиста по контролю производства.

Поначалу Джулс даже поверила, что тревожилась напрасно. Редактор модного журнала похвалила её платье, старый приятель из агентства пригласил её на обед, а знакомый фотограф с восторгом рассказывал о дочери, недавно поступившей в колледж. С ними было легко: они интересовались ею самой и ничуть не спешили превратить разговор в обсуждение обстоятельств увольнения. Джулс смеялась, слушала музыку и понемногу забывала, сколько сомнений вызвало у неё приглашение Эвелин.

Но с людьми из бьюти-индустрии всё складывалось иначе. Директор по маркетингу, который прежде неизменно приглашал её на профессиональные встречи, теперь ограничился любезным приветствием и не стал развивать разговор даже тогда, когда Джулс упомянула их общего знакомого. Две женщины, ещё весной расспрашивавшие о команде VELA, замолчали, когда она подошла, а потом с таким воодушевлением принялись обсуждать ресторан, где ни одна из них не бывала, что Джулс невольно пожелала познакомиться с его специалистом по рекламе. Ещё одна гостья выразила сочувствие таким тоном, каким принято сообщать о семейном несчастье, и поспешно отвела глаза, когда Джулс попыталась отшутиться. Всё было слишком вежливо, чтобы назвать это оскорблением, и слишком непривычно, чтобы не заметить.

Больше всего раздражало отсутствие ясности. Никто не говорил ей ничего дурного, но люди, ещё недавно охотно споривших с ней о рекламных кампаниях, теперь словно опаса-

лись даже упоминать работу. Джулс поправила серьгу и заставила себя улыбнуться очередному гостю. Возможно, она действительно стала слишком чувствительной и окружающие просто не знали, как вести себя после её увольнения. Ей хотелось верить именно в это, потому что другое объяснение было куда неприятнее.

Харпер отправилась к знакомому фотографу спорить о достоинствах плёночной съёмки, а Джулс остановилась у бара и попросила воды со льдом. После второго бокала шампанского её высокие каблуки начали казаться удивительно удобными, что само по себе служило достаточным основанием больше не пить.

— Моретти, неужели это ты? — раздался за спиной знакомый голос. — Я ожидал увидеть тебя за очередной презентацией, а ты, оказывается, умеешь проводить воскресные вечера без ноутбука. Должен сказать, результат тебе идёт.

Джулс узнала голос прежде, чем обернулась, и с трудом удержалась от вздоха. В Нью-Йорке проживало несколько миллионов человек, но ей почему-то с завидной регулярностью доставался именно Кэмерон Хейз. Он расположился у стойки в тёмном костюме, с бокалом виски в руке; светлые волосы были аккуратно уложены, на подбородке темнела лёгкая щетина. Кэм улыбался с таким удовольствием, что Джулс уже пожалела, что заказала воду. Этому разговору определённо не помешало бы нечто покрепче. Рядом стоял Джек Уоррен, чьи тёмные кудри уже успели выбиться из укладки. Он первым подошёл к Джулс, тепло поздоровался и поцеловал её в щёку, не забыв похвалить платье.

— Джулия, ты великолепна. Бордовый цвет определённо придумали для тебя, и я теперь вынужден всерьёз задуматься, почему столько лет видел тебя преимущественно в деловых костюмах. Это совершенно несправедливое распределение красоты.

— Хейз, запоминай, как здороваются воспитанные мужчины, — сказала Джулс, отвечая Джеку улыбкой. — Возможно, если Уоррен согласится дать тебе несколько уроков, следующая женщина не убежит после первой же твоей фразы.

— Я предлагал ему свою помощь, — сообщил Джек, подцепляя с подноса тарталетку. — Но Кэмерон совершенно не умеет принимать конструктивную критику от мужчин, которые нравятся женщинам больше него. Пришлось ради нашей дружбы прекратить занятия.

Кэм бросил на друга насмешливый взгляд, а затем вновь повернулся к Джулс, явно наслаждаясь тем, как легко она подхватила их обычную перепалку.

— Как трогательно. Вы ещё даже не выпили вместе, а уже объединились против меня. — Кэм поочерёдно указал на них бокалом. — Джек, если тебе удастся добиться расположения Моретти, я с радостью признаю твои выдающиеся способности в области переговоров. Мне лично за четыре года удалось добиться только того, что она научилась произносить мою фамилию с удивительным разнообразием интонаций.

— Некоторые из них ты заслужил, приятель, — отозвался Джек, успев улыбнуться проходившей мимо гостье. — А я предпочитаю не начинать разговор с красивой женщиной с обсуждения её профессиональных недостатков. Можешь взять на заметку, за совет денег не возьму.

Джулс невольно рассмеялась. С Джеком ей всегда было легко, хотя за его непринуждённостью скрывался прекрасный переговорщик: он умел добиваться выгодных условий, не превращая каждую встречу в демонстрацию собственной победы. Кэм, разумеется, придерживался противоположной философии.

— Кстати о конкуренции, — продолжил Кэм, будто именно к этому и вёл разговор. — С твоего увольнения прошло чуть больше двух недель, а я всё ещё машинально жду, что после каждой презентации кто-нибудь потребует показать расчёты на дополнительном слайде. Организаторы последней конференции даже успели вовремя поужинать. Представляешь, какое облегчение?

Джулс взяла со стойки стакан воды, чтобы чем-нибудь занять руки. По довольному лицу Кэма было ясно, что это лишь вступление.

— Не сомневаюсь. Твои выступления всегда проходят особенно гладко, если рядом нет никого, кто умеет читать цифры, — ответила она, улыбнувшись краешком губ. — Но, если ты вдруг по мне скучаешь, можешь заказать запись прошлогоднего форума и посмотреть, как я снова нахожу ошибку в твоей модели.

Кэм рассмеялся и лениво покрутил бокал в пальцах.

— Скучать по твоим замечаниям было бы странно, Rossa, особенно когда ты сделала мне такой подарок. В VELA, похоже, окончательно решили, что смогут обойтись без самого неудобного для нас руководителя. Я не знаю, кто посоветовал Бомонту этот ход, но у AURELLE теперь появился замечательный повод поднять тост.

Джек перестал улыбаться и взглянул на друга поверх бокала. Джулс это заметила, но отвести взгляд от Кэма уже не могла. Ей даже стало интересно, хватит ли ему наглости поднять тост прямо при ней.

— Значит, решил поздравить меня с увольнением? Прямо на дне рождения Эвелин? Как изысканно, Хейз. Надеюсь, хотя бы подарок предусмотрен, раз уж событие так тебя обрадовало.

— Не изображай удивление, Моретти. Ты четыре года заставляла нас всерьёз готовиться к каждому шагу VELA, а теперь ваша компания самостоятельно избавилась от человека, который знал, как доставить конкурентам неприятности. Я могу уважать твою работу и при этом не оплакивать решение Бомонта. Одно другому совершенно не мешает.

Ей было неприятно, что Кэм произнёс это так открыто, почти весело. С точки зрения бизнеса он, конечно, имел право радоваться. Но получить подобное признание в лицо, на празднике, куда она с трудом уговорила себя прийти, оказалось совсем другим делом.

— Забавно. Ты столько лет рассказывал, что AURELLE впереди исключительно благодаря гениальным решениям её маркетинга, а теперь с восторгом признаёшь, что самая приятная новость месяца — увольнение женщины из конкурирующей компании. На твоём месте я бы хотя бы постеснялась так радоваться.

Кэм даже не попытался изобразить смущение. Наоборот, его улыбка стала шире.

— Зачем? Я достаточно хорош в своей работе, чтобы замечать чужие ошибки и пользоваться ими. К тому же ты сама прекрасно понимаешь, что рынок не награждает за благородное молчание. Думаю, тебе было бы куда интереснее спорить со мной на равных, чем слушать мои соболезнования.

— Соболезнования оставь при себе. И не забывай, что моя карьера не закончилась только потому, что Бомонт решил сэкономить на здравом смысле.

— Кэм, дружище, оставь подробный разбор кадровой политики VELA на рабочую неделю, — вмешался Джек, уже без прежней беспечности. — Сегодня у Эвелин день рождения. Я бы предпочёл провести остаток вечера без необходимости объяснять охране, почему тебя облили водой.

— А я почти уверен, что Моретти не станет портить столь прекрасное платье ради моего воспитания, — невозмутимо возразил Кэм и, заметив, как Джулс перехватила стакан поудобнее, благоразумно отодвинулся от неё на полшага. — Хотя, судя по твоему лицу, Rossa, на всякий случай мне всё-таки стоит держаться подальше от бара.

Джулс возмутило не только его самодовольство, но и то, с каким удовольствием он наблюдал за её попытками сохранить приличия. Разумеется, она не собиралась обливать его водой. Во-первых, Эвелин пригласила их на день рождения, а во-вторых, с учётом стоимости этого платья Джулс намеревалась провести в нём хотя бы один вечер без происшествий.

— Когда решишь выразить благодарность за улучшение рыночных перспектив AURELLE, пришли цветы, — предложила она. — У букета значительно больше шансов сделать мой вечер приятным, особенно если доставку оформят без твоего личного участия.

— Непременно, Rossa. Только оставь адрес и предпочтения, чтобы я мог учесть пожелания нашей самой требовательной бывшей конкурентки, — ответил Кэм с такой любезностью,

что Джулс на мгновение совершенно серьёзно задумалась о том, не отправить ли ему в ответ букет кактусов.

Джек рассмеялся и пообещал лично проверить курьера на наличие хороших манер. Он перевёл разговор на Эвелин и предстоящее поздравление, не дав Кэму снова вернуться к увольнению. Джулс была ему благодарна: Уоррен, в отличие от друга, умел замечать момент, когда шутка переставала быть смешной.

— Когда найдёшь новую компанию, обязательно дай знать, — напоследок бросил Кэм, поднимая бокал. — Мне хотелось бы заранее подготовиться к возвращению знакомых неприятностей, хотя, признаюсь, нынешнее спокойствие мне тоже по душе.

Джулс выпрямилась, заставив себя улыбнуться так, чтобы не выдать, насколько её задел этот разговор.

— Не волнуйся, Хейз, ты узнаешь одним из первых. Обещаю, на следующей встрече я постараюсь испортить тебе настроение с прежним профессионализмом.

Кэм довольно усмехнулся, явно посчитав перепалку собственной победой. Джулс попрощалась с Джеком и направилась к гостям. Она не сомневалась, что Кэм искренне рад ослаблению VELA: на его месте любой конкурент отметил бы открывшееся преимущество. Но он наслаждался не только деловой перспективой, а ещё и тем, что ей было больно, и именно этого она простить не могла.

Через несколько песен Джулс уже смеялась вместе с Эвелин над историей о режиссёре, который попросил актрису изобразить перед камерой «сложную внутреннюю свободу», но так и не сумел объяснить, какие именно мышцы лица для этого понадобятся. Кто-то узнал первые аккорды старого хита и с восторгом потянул друзей на танцпол, где две дамы в вечерних платьях уже исполняли весьма вольную версию танца из музыкального клипа. Официанты ловко лавировали между гостями, а Харпер увлечённо спорила со знакомой, убеждённой, что цифровые камеры лишают людей терпения.

Джулс решила не отдавать Кэму весь свой вечер. Эвелин была счастлива, Харпер смеялась у рояля, и какое-то время музыка действительно заглушала мысли о работе. Но при появлении очередного отраслевого знакомого она снова ловила себя на том, что прислушивается к интонациям и заранее готовится оправдываться, хотя никто не предъявлял ей обвинений. В конце концов Джулс отправилась к десертам: вопрос о том, сколько лимонного крема помещается в крошечную тарталетку, казался гораздо приятнее разговоров о карьере.

— Джулия Моретти! Как давно мы не виделись! — услышала она рядом и обернулась к женщине в тёмно-зелёном платье, с аккуратным каре. — Я заметила тебя ещё у входа, но всё не удавалось подойти. И теперь понимаю, почему гости расспрашивают, откуда у тебя такое прекрасное платье.

Вивиан Кросс, директор по развитию бренда Meridian Beauty, познакомилась с Джулс несколько лет назад на профессиональной конференции. Они пересекались на отраслевых мероприятиях и однажды проговорили почти весь благотворительный завтрак о том, насколько бесполезны презентации, подготовленные людьми, ни разу не видевшими настоящую торговую точку.

— Вивиан, как приятно тебя видеть! — обрадовалась Джулс, принимая объятие. — Я слышала, вы готовите запуск новой линейки. Очень надеюсь, что тебе удаётся хотя бы иногда спать, потому что мне прекрасно знаком этот этап.

— С переменным успехом, — рассмеялась Вивиан, но затем её улыбка стала сдержаннее. — Я давно хотела с тобой поговорить и всё не решалась. Мне жаль, что история с VELA так закончилась. Я действительно думала, что у тебя там большое будущее.

Джулс удержала лёгкую улыбку. Она уже научилась отвечать на подобные слова, не превращая обычный разговор в подробный отчёт о собственном увольнении.

— Я тоже рассчитывала на другой финал, но, к счастью, Нью-Йорк не перестал производить косметику, — ответила Джулс. — Сейчас присматриваюсь к возможностям, на которые раньше не хватало времени. Хотя должна признать, свободный календарь пока выглядит несколько подозрительно.

Вивиан кивнула, однако вместо вопроса о планах неуверенно поправила браслет. Джулс узнала это движение: собеседница подбирала слова, которые едва ли доставят кому-нибудь удовольствие.

— Именно поэтому я и хотела тебя найти. Мы ищем руководителя международной бренд-стратегии: премиальное направление Meridian расширяется, а новую команду нужно создавать практически с нуля. Вакансию пока не публиковали. Мы сначала обсуждали кандидатов внутри индустрии, и я почти сразу назвала твоё имя. Мне казалось, нам было бы о чём поговорить. Джулс удивилась, но сразу обратила внимание на то, что Вивиан говорила о её кандидатуре в прошедшем времени. Если её действительно рассматривали, почему никто даже не назначил встречу?

— Звучит очень интересно, особенно с вашей международной программой. Только со мной никто не связывался, и я даже не знала, что вы открыли такую позицию. С поиском что-то изменилось?

— Поиск продолжается, — ответила Вивиан после паузы. — Но твою кандидатуру отклонили на этапе предварительного обсуждения, хотя я предлагала сначала хотя бы встретиться с тобой. Я не уверена, что стоило заводить этот разговор сегодня, однако скрывать от тебя случившееся мне казалось ещё хуже.

Джулс перестала улыбаться. За спиной звучала музыка, смеялись гости, и от этого разговор у стола с десертами показался особенно неуместным. Она аккуратно поставила на стол тарелку с нетронутым пирожным.

— Вивиан, спасибо за откровенность, но теперь я хотела бы понять, почему меня не пригласили даже на беседу. Если причина в опыте или требованиях к должности, я готова выслушать честный ответ.

Собеседница понизила голос, и Джулс пришлось немного приблизиться.

— Наш коммерческий директор давно знает Гранта Бомонта по работе с торговыми сетями. Когда выяснилось, что ты ушла из VELA, он позвонил Гранту, чтобы узнать его неофициальное мнение. Это не была официальная проверка рекомендаций: тебя, насколько я понимаю, никто не предупреждал. А после их разговора на заседании комитета возникли вопросы о европейском проекте.

При упоминании Гранта и европейского проекта Джулс почувствовала, как всё внутри неприятно сжалось. Она прекрасно помнила спор о бюджете, однако не перебила Вивиан. Сначала нужно было понять, какую именно историю услышали в Meridian.

— Я не присутствовала при разговоре и могу передать только то, что наш директор рассказал комитету, — осторожно продолжила Вивиан. — Грант будто бы заявил, что прогноз европейского запуска был слишком оптимистичным, а тебе трудно давались замечания к финансовой модели. Ещё он упомянул последнее выступление на конференции и выразил сомнение, легко ли ты принимаешь решения, с которыми не согласна. Никто не произносил слова «некомпетентность», но вывод, боюсь, сделали именно такой.

Джулс едва не переспросила, уверенная, что ослышалась. Речь шла о прогнозе роста продаж на восемнадцать процентов при европейском запуске. Именно Грант сократил расходы на обучение консультантов, пробники и рекламную поддержку, но оставил прежний прогноз. Она настаивала на пересмотре показателей, направляла замечания в письменном виде и вновь под-

нимала этот вопрос на заседании дисциплинарной комиссии. Теперь же ситуацию представляли так, будто ошибочные расчёты отстаивала она сама.

— Боюсь, Вивиан, я не могу обсуждать детали внутренних проектов VELA, поскольку даже после увольнения связана соглашением о неразглашении, — произнесла Джулс, стараясь говорить ровно, хотя пальцы всё крепче сжимали клатч. — Но могу заверить тебя, что у меня были веские профессиональные основания не соглашаться с некоторыми решениями руководства, и свою позицию я неоднократно аргументировала в письменном виде. Мне искренне жаль, что теперь принципиальность в рабочих вопросах преподносится как неспособность признавать собственные ошибки.

Больше всего Джулс возмущала абсурдность сложившейся ситуации. Пока она добросовестно соблюдала условия соглашения о конфиденциальности, Грант совершенно беспрепятственно распространял собственную версию событий, прекрасно понимая, насколько ограничены её возможности защитить себя. Вивиан слушала внимательно, не пытаясь оправдывать собственных коллег.

— Это похоже на тебя гораздо больше, чем та версия, которую услышали мы, — тихо ответила она. — Я пыталась настоять на разговоре, но решение принимал комитет, и недавний конфликт с VELA тоже сыграл свою роль. Мне очень жаль, что ты даже не получила возможности ответить. Только прошу понять: я рассказываю это тебе как знакомой, а не выступаю от лица Meridian.

Джулс оглядела зал. За ближайшим столиком звонко смеялась компания гостей, официант с серебряным подносом ловко обходил танцующих, Эвелин принимала поздравления у рояля. Ничего вокруг не изменилось, только привычно красивый вечер вдруг показался ей чужим. Она вспомнила женщину у входа, ограничившуюся коротким кивком, мужчину, внезапно заинтересовавшегося телефоном, и то, как замолчали две знакомые, стоило ей к ним приблизиться.

Она всё время убеждала себя, что просто стала болезненно воспринимать чужие взгляды. Теперь слова Вивиан объясняли слишком многое. Среди старых друзей ей были рады, но почти каждый встреченный сегодня человек из профессионального круга смотрел на неё с осторожностью, а некоторые — с едва скрываемым недоверием. Получалось, что, пока Джулс училась жить без должности, кто-то уже успел рассказать её профессиональную историю в совершенно другом свете. Она не знала, сколько людей слышали именно Гранта; возможно, в индустрии ходили и другие слухи. Но в Meridian после одного разговора с ним ей закрыли дверь ещё до собеседования. Неужели он решил подстраховаться, чтобы она не оказалась у конкурентов? Доказательств у Джулс пока не было, зато неприятное чувство, что её будущее обсуждают без неё, стало почти невыносимым.

— Я не хочу портить Эвелин вечер и втягивать тебя в чужие неприятности, — сказала Джулс, глядя на Вивиан. — Но я не собираюсь оставлять это без ответа. У меня есть документы, и если мою работу будут обсуждать с потенциальными работодателями, я хочу, чтобы они хотя бы знали факты, а не чужую версию.

— Я потому тебе и сказала, — ответила Вивиан. — Мы можем встретиться на неделе, я выслушаю всё спокойно, без музыки и толпы вокруг. Обещать, что комитет пересмотрит решение, не стану, но мне важно понять, что произошло в действительности.

Джулс поблагодарила её. На прощание Вивиан коротко обняла её и вернулась к гостям, а Джулс осталась возле десертов, которые ещё минуту назад казались лучшей частью вечера. Теперь ей было трудно смотреть на знакомые лица. Она вспоминала, как защищала интересы VELA, спорила за реалистичные бюджеты и принимала на себя ответственность за чужие ошибки. Именно осторожность, за которую её когда-то ценили, Грант, похоже, сумел представить недостатком. Это было гораздо хуже увольнения: после увольнения у неё хотя бы остава-

лась свобода начать заново. Теперь кто-то пытался заранее объяснить другим, почему ей не стоит давать такой шанс.

Первым порывом было немедленно позвонить Бомонту и потребовать объяснений. Но она знала, как быстро гнев заставляет говорить лишнее. Сначала нужно восстановить переписку о бюджетах, связаться с Генри и разобраться, какими документами можно воспользоваться, не нарушив обязательств перед бывшей компанией. И уж точно не стоило устраивать выяснение отношений на дне рождения Эвелин.

Джулс попросила в гардеробе своё пальто и вышла на террасу. Прохладный октябрьский воздух после душного зала показался почти спасением, хотя от ветра пришлось придерживать пальто у груди. Внизу вдоль авеню тянулись красные огни машин, на мокрых улицах отражались вывески ресторанов, а среди тёмных крон Мэдисон-сквер-парка мерцали фонари. Из-за двери доносилась музыка. Город продолжал жить своей прекрасной, равнодушной жизнью, и ей отчаянно захотелось хотя бы на десять минут перестать решать чужие проблемы.

В памяти уже выстраивался план: письма, Генри, разговор с адвокатом, возможно, официальное обращение. Защищать своё имя она собиралась всерьёз. Но вместе с решимостью пришла усталость: даже теперь, когда VELA официально больше не была её работой, все дороги почему-то снова вели к прежнему начальнику.

— Я обыскала почти весь зал, пока не догадалась выйти сюда, — произнесла

Харпер, появляясь рядом в пальто и с двумя стаканами воды. Она посмотрела на Джулс и уже мягче спросила: — Хочешь, мы уедем? Не обязательно дожидаться торта, если тебе тяжело.

Джулс взяла стакан. Несколько минут они стояли рядом, разглядывая поток такси у светофора, пока из зала доносились знакомые аккорды старой песни.

— Похоже, одного моего увольнения Бомонту было мало, — сказала наконец Джулс. — Сегодня я узнала, что он успел поговорить обо мне с людьми, которые рассматривали меня на новую должность. И, поверь, мне совсем не понравилось, какой предстала перед ними Джулия Моретти в его рассказе.

Она рассказала Харпер о Вивиан, неофициальном разговоре с Meridian и европейском бюджете. Подруга слушала, всё сильнее хмурясь; к концу рассказа даже забыла о стакане, который держала в руке.

— Он сам урезал бюджет, а теперь рассказывает людям, будто ты не умеешь считать? — Харпер с возмущением посмотрела в сторону зала. — Джулс, я ведь знаю, сколько ночей ты провела с этим проектом. Если бы за наглость выдавали награды, Бомонт давно освободил бы для них отдельную полку в кабинете.

— И прикрепил бы табличку «В интересах компании», — сухо добавила Джулс, не удержавшись от улыбки.

— Ты сохранила письма, в которых просила пересмотреть прогноз? — спросила Харпер, когда немного успокоилась. — Тогда поговори с Генри, а если понадобится — с юристом. Я бы с радостью зашла к Гранту и высказала всё, что думаю, но, боюсь, после этого тебе придётся ещё и вызволять меня из полицейского участка.

Джулс благодарно посмотрела на неё. Харпер не пыталась изображать беспристрастного советника: она злилась вместе с подругой и в то же время не давала ей ввязаться в очередную ссору, о которой можно было бы пожалеть. — Честно говоря, я уже приготовилась услышать предложение вылить на него шампанское. Такой разумный совет слегка нарушает твой образ опасной женщины.

— Если хочешь, я сначала полью его шампанским, а потом мы составим список документов, — совершенно серьёзно предложила Харпер. — Хотя, пожалуй, не стоит. У Эвелин день рождения, и она не обязана узнавать, насколько хорошо я умею ругаться. А вот ужин втроём с Мэдди, посвящённый недостаткам Бомонта, я тебе обещаю.

Джулс рассмеялась и придвинулась к подруге. Они некоторое время смотрели на ночной город, прежде чем она решилась произнести то, в чём сама едва успела признаться.

— Знаешь, что смешно? Я ведь всё ещё ждала звонка из VELA. Представляла, как возвращаюсь в свой кабинет, встречаю ребят, разбираю их отчёты. И каждый раз почему-то убирала из этой картинки Гранта, хотя теперь он руководит компанией. Похоже, я скучаю не по той VELA, которая осталась, а по той, которой больше нет.

— Тогда не заставляй себя в неё возвращаться, — мягко ответила Харпер. — Я знаю, как ты любила свою работу. Но хороших проектов в Нью-Йорке достаточно, а вот ты у нас одна. Мне хочется, чтобы у тебя снова загорались глаза, когда ты рассказываешь о любимом деле, а не только когда вспоминаешь, кому из бывших начальников хочется свернуть шею.

Джулс невольно улыбнулась, но слова подруги задели её сильнее, чем хотелось признать. Она скучала по работе: по запускам, которым предшествуют бессонные ночи, по спорам о концепциях, по моменту, когда идея наконец начинает жить своей жизнью. А вот возвращаться к человеку, который теперь распоряжался всем этим в VELA, ей совершенно не хотелось.

За стеклом мелькнула высокая фигура Джека Уоррена. Он разговаривал с женщиной в серебристом платье, жестикулируя так увлечённо, будто уговаривал её купить половину Манхэттена. Чуть дальше Кэм смеялся над чем-то, что показывал ему знакомый. Джулс вспомнила сентябрьский благотворительный вечер и неожиданное предложение Джека возглавить бренд-стратегию AURELLE. Тогда она отказалась почти сразу. Она любила VELA, считала будущее этой компании своим собственным и не собиралась делить рабочие будни с Кэмероном Хейзом, способным превратить даже обсуждение расположения логотипа в состязание характеров. Но Джек предложил ей эту должность задолго до увольнения. Ему были интересны её идеи и опыт, а не обстоятельства, в которых она теперь оказалась. Он говорил о самостоятельном направлении, новой команде и настоящих полномочиях. Отказаться тогда было легко; теперь воспоминание об этом разговоре неожиданно вызвало у Джулс знакомое предвкушение нового проекта.

— Помнишь, как на благотворительном вечере Джек Уоррен предложил мне работу? — спросила она Харпер. — Я почти не дала ему закончить, так была уверена, что из VELA никогда не уйду. Пожалуй, стоило хотя бы выслушать человека, прежде чем гордо сообщать о своей принципиальности.

— Ох, я помню! — Харпер приподняла брови и заглянула сквозь стеклянную дверь в зал. — Тогда я решила, что Джек либо очень смелый, либо не представляет, на что обрекает своего приятеля. Только скажи мне одну вещь, Джулс: ты правда хочешь эту работу или просто мечтаешь увидеть лицо Кэма, когда он об этом узнает? Потому что второе, конечно, ужасно заманчиво, но на нём нельзя строить карьеру.

— Я хочу хотя бы узнать, действует ли предложение. Джек говорил со мной, когда я ещё работала в VELA и никто не собирался меня жалеть. Тогда речь шла не о моих проблемах, а о возможности возглавить новое направление. И сегодня мне вдруг стало ужасно важно поговорить с человеком, которого интересует моя работа, а не слухи обо мне.

Харпер внимательно посмотрела на Джулс, потом широко улыбнулась. В глазах подруги появилась та самая радость, с какой она всегда встречала чужие хорошие новости.

— Тогда иди. Только пообещай мне одну вещь: если он всё ещё заинтересован, дай себе право всерьёз обдумать предложение, даже если Хейз окажется совершенно невыносим.

— Конечно, сначала я выясню, что именно Джек может предложить, — ответила Джулс. — Возможно, он уже нашёл другого человека. Но я устала отказываться от хороших вариантов только потому, что когда-то поклялась быть верной VELA.

— Тогда пойдём и выясним, — предложила Харпер, легонько подтолкнув её к двери. — Я буду неподалёку, если тебе понадобится подруга, шампанское или машина для поспешного бегства. А если ты действительно начнёшь работать с Хейзом, обещай хотя бы иногда звонить

мне с подробностями. Только не в рабочее время, иначе я буду смеяться прямо посреди съёмки, а клиенты у меня, между прочим, ни в чём не виноваты.

Джулс крепко обняла Харпер. Та ответила без привычных шуток, а потом весело подмигнула ей, словно отправляла не на деловой разговор, а на свидание, от которого зависят сразу несколько жизней. Вернувшись в тепло, подруги снова оставили пальто в гардеробе, и Джулс направилась в зал.

В зале музыка звучала громче, на зеркальных панелях дрожали отражения танцующих, а на столиках среди роз уже появились чашки эспрессо и маленькие десерты. Эвелин танцевала с подругами, гости фотографировали ночной Манхэттен. Джулс нашла Джека возле бара, рядом с Кэмом, который попрежнему держал бокал виски и о чём-то оживлённо говорил с приятелем. По дороге ей пришлось обойти танцующую пару, увернуться от подноса и на мгновение задержаться, чтобы не наступить на чужое платье. Но сейчас перед ней наконец появилась цель, ради которой стоило пересечь зал. Уоррен заметил её первым и с улыбкой отступил от стойки.

— Джулия, а я уже решил, что ты сбежала, и собирался возложить всю ответственность на Кэма, — сказал Джек. — Не ожидал, что после вашей последней встречи ты так скоро снова добровольно подойдёшь к нашей опасной компании.

— Она просто не умеет надолго отказываться от удовольствия спорить со мной, — вмешался Кэм, поворачиваясь с привычным самодовольством. — За четыре года я изучил эту особенность Моретти гораздо лучше, чем многие мои собственные рабочие привычки.

В другое время Джулс непременно ответила бы, но сейчас она смотрела только на Джека. Соперник рядом был слишком привычной помехой, чтобы позволить ему испортить ещё одно важное решение.

— Джек, помнишь наш разговор на благотворительном вечере? Ты предложил мне кое-что, а я отказалась, даже не попытавшись представить, что обстоятельства могут измениться. Я хотела бы вернуться к этому разговору, если ты ещё не передумал.

Джек перестал улыбаться так широко, отставил бокал и посмотрел на неё внимательнее. Кэм тоже затих, но Джулс не повернула к нему головы.

— Не передумал, — ответил Джек, и в его голосе впервые за вечер не было ни капли легкомыслия. — Тогда я говорил совершенно серьёзно, но если ты спрашиваешь, хочу ли я по-прежнему этого, то мой ответ не изменился.

Джулс ощутила облегчение, в котором неожиданно проступило знакомое волнение.

— Тогда я согласна, Джек.

Кэм медленно опустил бокал, он переводил взгляд с Джека на Джулс и, кажется, впервые за весь вечер забыл, что собирался улыбаться.

— Будьте добры, объясните и мне, раз уж я здесь случайно присутствую, — произнёс он наконец. — Какое ещё предложение ты успел сделать Моретти за моей спиной, Джек, и почему я узнаю о нём прямо посреди вечеринки?

Джулс повернулась к нему. Ещё недавно Кэм с явным удовольствием рассказывал, насколько выгодным оказалось её увольнение для AURELLE. Теперь его самоуверенность впервые за вечер дала трещину, и Джулс подумала, что новый этап карьеры, возможно, начнётся значительно веселее, чем она предполагала.

— Работать в AURELLE.

Примечание к главе

Одно воскресенье, безупречное платье и наивная надежда Джулс провести вечер без разговоров о работе. Но у судьбы, как и у Кэмерона Хейза, весьма своеобразное чувство юмора. А ведь вечер только начинается…

Визуализация «Искусство выводить друг друга из себя»: ссылка на Pinterest

Глава 10. Без гарантий

Саундтрек главы:
New Shoes — Paolo Nutini

— Доброе утро, Нью-Йорк! Сегодня понедельник, тринадцатое октября, и за окном всего девять градусов. Если вы потратили выходные на поиски идеальной осенней обуви, самое время выяснить, умеет ли она плавать. После ночного дождя город снова стоит в пробках, зато кофе продают буквально на каждом углу.

— А теперь посмотрим, что приготовили нам звезды. Овны, сегодня вам предложат кое-что, с чем вы совершенно не согласны. Попробуйте сначала дослушать собеседника до конца. Да, даже если вы уже придумали три возражения. […] А Рыбам советую не отказываться от нового пути только потому, что он ведет не туда, куда вы собирались еще месяц назад. Иногда большие перемены начинаются с решения, принятого в последний момент.

Кэмерон Хейз усмехнулся и прибавил громкость, когда вслед за прогнозом заиграла New Shoes. Утро начиналось вполне сносно: он успел выпить кофе, не попал в пробку на подъезде к офису и даже нашел свободное парковочное место. Единственным обстоятельством, способным испортить эту маленькую полосу везения, оставался его лучший друг.

Накануне вечером, на дне рождения Эвелин Роуз, Джулс Моретти преподнесла Кэму сюрприз, к которому тот оказался совершенно не готов. Подойдя к нему и Джеку у барной стойки, она как ни в чем не бывало сообщила, что принимает предложение о работе в AURELLE. Кэм даже не сразу нашелся с ответом. Во-первых, о существовании самого предложения он услышал впервые. Во-вторых, исходило оно, судя по всему, от человека, которого он последние несколько лет считал своим лучшим другом. И, в-третьих, Моретти, женщина, девять лет посвятившая VELA и готовая защищать компанию едва ли не с кулаками, добровольно согласилась перейти на сторону конкурентов. Если бы кто-нибудь рассказал ему об этом неделю назад, Кэм наверняка посоветовал бы человеку меньше пить.

Допрашивать друга посреди чужого праздника Кэм не стал. Вокруг стояли гости, Джулс явно не собиралась объяснять свое решение, а Джек с невинным видом предложил вернуться к разговору в понедельник. Утром он прислал короткое «Все объясню на заседании» и пропал на звонках. Кэм решил подождать. Ему было даже любопытно, как Уоррен собирается убедить руководство в необходимости нанять женщину, которая годами спорила с их подходом к маркетингу.

Манхэттен за окнами автомобиля выглядел так, как и полагалось выглядеть городу в середине октября: мокрые тротуары, желтые такси, прохожие с зонтами и витрины, украшенные тыквами к приближающемуся Хэллоуину. У перехода девушка в светлых ботильонах осторожно обходила лужу, а мужчина у кофейни пытался удержать под газету, пакет с завтраком и телефон. Кэм проводил его сочувственным взглядом. Иногда самым сложным решением утра оказывался выбор между горячим кофе и возможностью ответить на звонок.

В штаб-квартире AURELLE было тепло и светло. Огромные окна атриума выходили на серые после дождя небоскребы, а внутри мягкая подсветка отражалась в полированном камне. Возле стойки ресепшена выставили образцы новой косметической коллекции. Чуть дальше двое дизайнеров спорили перед экраном с макетами упаковки. За прозрачной стеной лаборатории специалисты проверяли текстуры, а в зоне отдыха небольшая группа сотрудников устро-

ила совещание за чашками кофе. В AURELLE не придавали большого значения закрытым кабинетам и служебным церемониям. Если младший сотрудник мог доказать, что предложенное им решение лучше, его выслушивали независимо от должности. Иногда это экономило несколько недель, иногда превращало обычное обсуждение в спор на два часа. Кэму такой порядок нравился: идею здесь оценивали прежде всего по тому, что она могла дать компании. VELA работала иначе. Ее сила заключалась в традициях, устойчивых правилах и четкой иерархии. Там гордились историей компании, помнили старые кампании и не спешили менять то, что годами приносило результат. Кэм не считал такой подход плохим. Соперники прекрасно умели превращать покупку косметики в приятный ритуал. Но он искренне сомневался, что Джулс, построившая всю карьеру в этой системе, так легко примет правила AURELLE. На верхнем этаже

Кэм встретил Джека возле переговорной. Тот с планшетом под мышкой разговаривал по телефону, но, заметив друга, поспешно закончил беседу.

— Доброе утро. Ты успел посмотреть материалы?

— Еще нет. Не хотел лишать тебя удовольствия, — улыбнулся Кэм.

Джек покачал головой.

— Давай хотя бы сегодня обойдемся без сюрпризов.

— После вчерашнего? Уоррен, ты требуешь невозможного.

Заседание начиналось в половине десятого. За длинным столом уже сидели финансовый директор Малкольм Рейнс, руководитель розничного направления Блэр Кинкейд, операционный директор Нолан Беккет и директор по разработке продуктов Тесса Уинслоу. Малкольм проверял расчеты, Блэр листала отчет о продажах в универмагах, а Нолан обсуждал с Тессой сроки ближайшего запуска. Кэм занял свое место и открыл ноутбук. Джек подключил презентацию к большому экрану. Последней вошла Маргарет Стоун, генеральный директор AURELLE. Она поздоровалась, дождалась, пока стихнут разговоры, и попросила вывести свежий Premium Beauty Index.

На экране появился рейтинг десяти крупнейших компаний премиального косметического рынка. Индекс учитывал сразу несколько показателей: объем продаж, узнаваемость бренда, лояльность покупателей, эффективность маркетинговых кампаний и позиции в розничных сетях. Для компаний индустрии он давно стал чем-то большим, чем просто красивой таблицей с цифрами. На его результаты ориентировались инвесторы, потенциальные партнеры и крупные универмаги, решая, каким брендам стоит доверить самые выгодные торговые площади. Первую строку занимала VELA с результатом девяносто баллов из ста. AURELLE шла следом — восемьдесят восемь целых две десятых.

— Мы закончили квартал лучше прогноза, — начала Маргарет. — Но уже третий год остаемся вторыми. Я хочу понять, что нам нужно изменить, чтобы в следующем году действительно претендовать на первое место. Кэмерон, начнем с маркетинга.

Кэм вывел графики последних четырех кварталов. За год компания снизила стоимость привлечения новых покупателей и увеличила долю повторных заказов. Несколько крупных рекламных кампаний принесли результаты выше прогноза. Он объяснил, какие решения помогли этого добиться, а затем вернулся к рейтингу.

— Наша стратегия работает. Мы лучше понимаем аудиторию, точнее выбираем каналы продвижения и сократили расходы на рекламу, которая не приносит результата. Если сохраним темп, продолжим сокращать разрыв. Только обещать первое место ровно к первому января я бы не стал. Покупатели, к сожалению, не обязаны подстраиваться под наш годовой план.

Маргарет сдержанно улыбнулась. Когда Кэм закончил, Джек попросил слово.

— С маркетингом у нас действительно все в порядке. Проблема в другом, — сказал он, выводя фотографии торговых зон двух компаний. — Когда человек приходит в магазин за

конкретным кремом AURELLE, мы обычно получаем покупку. Но если он заходит просто посмотреть, до нашего стенда часто даже не доходит.

На экране рядом с лаконичной белой стойкой AURELLE появилась фотография торгового пространства VELA. Теплый свет, витрины с золотистыми деталями, зеркала в тонких рамах и цветочные инсталляции превращали косметический корнер в небольшой бутик. Над центральной стойкой возвышалась композиция из бордовых роз, пионов и орхидей, а за ней располагался рекламный постер с известной голливудской актрисой, лицом последней кампании бренда. Под фотографией красовался слоган: «Красота начинается с тебя». На соседних стендах показывали кадры рекламных кампаний со знаменитостями, а среди флаконов стояли небольшие букеты живых цветов. Все было продумано до мелочей: от бархатных кресел до мягкого освещения, при котором даже обычный тестер помады выглядел маленькой роскошью. У стендов толпились покупательницы. Одна рассматривала оттенки помад, другая с помощью консультанта подбирала уход, а несколько девушек увлеченно фотографировались на фоне цветочной композиции. В отличие от почти безупречной, но немного холодной стойки AURELLE, пространство VELA выглядело живым. Здесь хотелось задержаться, попробовать новый аромат, сделать пару фотографий и, вполне возможно, уйти с покупкой, за которой изначально никто не собирался.

— VELA умеет заинтересовать человека, который еще не собирался ничего покупать, — продолжил Джек. — Покупательница подошла посмотреть новую коллекцию, попробовала помаду, разговорилась с консультантом и через десять минут добавила к покупке крем. Мы отлично рассказываем о качестве своих продуктов, но для начала нужно, чтобы человек захотел подойти и послушать.

— Наши консультанты тоже умеют продавать, — заметила Блэр.

— Умеют. Только им трудно начать разговор с человеком, который прошел мимо стойки, — ответил Джек. — Нам не хватает заметного пространства и причин задержаться в нем.

Кэм с едва заметной усмешкой наблюдал за выступлением лучшего друга. Надо отдать Джеку должное, начал он превосходно. Цифры, графики, убедительные доводы. Даже Малкольм, который обычно защищал бюджет с упорством банковского охранника, слушал с интересом. Кэм понимал, кого Уоррен собирается предложить в качестве решения проблемы, и пока предпочитал наслаждаться моментом, когда все, кроме него, еще ничего не подозревали.

— Именно поэтому я предлагаю участвовать в конкурсе Bellamy Beauty Atelier.

В мире люксовой косметики Bellamy занимала особое место. Ее универмаги располагались на престижных торговых улицах крупных американских городов, а среди постоянных покупателей были состоятельные клиенты, знаменитости и люди, для которых покупка флакона духов за несколько сотен долларов была таким же привычным делом, как утренний кофе. Получить заметное место на косметическом этаже Bellamy было непросто. Сеть тщательно отбирала бренды, оценивая не только качество продукции, но и репутацию, узнаваемость и способность предложить покупателям нечто большее, чем красивую упаковку. Поэтому предстоящий конкурс вызывал такой интерес. Участникам предстояло предложить не просто оформление торговых пространств, а полноценную концепцию взаимодействия с покупателем: от первого взгляда на витрину до момента, когда консультант упакует выбранную покупку в фирменный пакет. Победитель получал возможность занять самые привлекательные места на косметических этажах, вблизи центральных проходов, куда ежедневно попадали тысячи посетителей.

— Это не просто вопрос красивой стойки, — объяснил Джек. — Bellamy даст победителю доступ к покупателям, которые сейчас до нас не доходят. Контракт сам по себе не поднимет нас на первое место в рейтинге, но сильное розничное присутствие и рост продаж способны со временем закрыть тот самый разрыв.

— VELA участвует? — спросила Маргарет.

— Да. И у нее есть преимущество: она давно умеет работать с такими пространствами.

Малкольм уточнил бюджет подготовки, Нолан — требования к будущему обслуживанию магазинов. Джек объяснил, что сейчас предстоит выиграть конкурс, а расходы на запуск и оборудование будут согласовываться отдельно, если Bellamy выберет их предложение.

— Я предлагаю собрать отдельную проектную группу, — продолжил Джек, переключая слайд. — Нам понадобятся специалисты по дизайну торговых пространств, чтобы разработать концепцию, которая привлечет внимание покупателей и при этом сохранит узнаваемость AURELLE. Аналитики помогут разобраться в поведении аудитории Bellamy, а команда по работе с клиентами продумает, как превратить случайную покупку в долгосрочную лояльность к бренду. Маркетинговую стратегию мы будем разрабатывать вместе с Кэмом, коммерческие переговоры и финансовую сторону проекта я беру на себя. Разумеется, потребуется и проектный менеджер, который будет координировать работу всех направлений и следить за сроками.

Джек ненадолго замолчал, позволив коллегам оценить масштаб предстоящей работы.

— Но есть еще одна позиция, которую я считаю ключевой. Нам нужен человек, способный взглянуть на AURELLE со стороны, увидеть то, к чему мы сами давно привыкли, и предложить совершенно новый подход к тому, как покупатель воспринимает наш бренд.

Кэм поставил чашку на блюдце. Теперь Уоррен подошел к самому интересному, и Кэм с удовольствием предоставил бы ему слово без подсказки, если бы не слишком соблазнительная возможность немного усложнить другу задачу. Он взглянул на Джека и невинно приподнял брови.

— Ну что, Джек, — протянул Кэм с ленивой улыбкой. — Не заставляй нас гадать. Кто этот незаменимый специалист, без которого AURELLE, судя по всему, больше не обойтись?

Джек невозмутимо выдержал его взгляд и нажал на кнопку пульта. На экране появилась фотография Джулии Моретти, сделанная во время одной из отраслевых конференций. На снимке она стояла у трибуны с микрофоном в руке, уверенная в себе, с той самой улыбкой, которую Кэм за годы их профессионального соперничества научился узнавать безошибочно. Рядом располагался внушительный список ее достижений: девять лет работы в VELA, успешные рекламные кампании, крупные проекты и участие в разработке No. 9. По переговорной прокатился удивленный шепот. Кто-то подался вперед, разглядывая фотографию, кто-то недоверчиво посмотрел на Джека. Кэм же с куда большим интересом наблюдал за лицами коллег. Желаемого эффекта Уоррен добился. Теперь ему предстояло доказать, что шок руководства — подходящее начало переговоров.

Несколько секунд Маргарет читала список, затем сняла очки.

— Джулия Моретти? Та самая, которую недавно уволили из VELA?

— Та самая, — подтвердил Джек. — И один из сильнейших специалистов, с которыми мне доводилось сталкиваться. Моретти умеет заинтересовать человека еще до того, как он узнает состав продукта. Для Bellamy нам нужен именно этот навык.

Кэм коротко усмехнулся. Но стоило Маргарет повернуться к нему, как он оставил шутки и заговорил по существу.

— Я не оспариваю ее результаты. В VELA Моретти была превосходна, — ответил Кэм. — Но все девять лет она работала в одной корпоративной системе, где на первое место ставят впечатление от бренда. Мы выстраивали другой образ: наши сильные стороны — исследования, качество и измеримая эффективность. Джулс не раз называла этот подход слишком рациональным. Откуда уверенность, что она захочет разобраться в AURELLE, а не попытается превратить нас во вторую VELA?

— Потому мы и приглашаем ее не переделывать компанию, а работать над конкретной задачей, — ответил Джек. — Сначала она изучит наши продукты, аудиторию и торговые пространства. Потом предложит концепцию, которую мы проверим вместе с аналитиками и роз-

ничным отделом. Маркетинг останется за Кэмом. Никакая красивая идея не попадет в заявку только потому, что она красиво звучит.

— И я хочу заранее понимать, кто будет проверять рекламные обещания, — заметила Тесса. — У нас есть результаты исследований. Они не должны затеряться за эффектной подачей или превратиться в то, чего мы не можем доказать.

— Здесь я с тобой согласен, — ответил Джек. — Твоя команда проверит каждое утверждение о продукте. Джулс отвечает за то, почему покупатель захочет остановиться, а не за то, какие чудеса мы пообещаем ему на упаковке.

Блэр подалась вперед.

— Почему тогда не привлечь кого-то из нашего розничного отдела? У меня есть люди, которые знают покупателя не хуже внешнего специалиста.

— И именно они помогут оценить новые предложения, — ответил Джек. — Но свои привычные решения мы давно перестали замечать. Нам нужен специалист, который задаст неудобные вопросы и не побоится услышать ответы. А люди Блэр проверят, применимо ли все это в настоящем магазине.

Кэм видел, что коллеги сомневаются, и не собирался спешить им на помощь. Джек предложил сильную кандидатуру, но еще не объяснил, почему именно ее опыт должен подойти AURELLE. К тому же оставалась проблема, о которой в переговорной пока никто не заговорил.

— И есть репутационный риск, — заметил Кэм. — Увольнение Моретти обсуждает вся индустрия. В разговорах всплывает ее конфликт с VELA и подозрения в слишком тесных контактах с конкурентами. Если сразу после этого она появится у нас, внимание может достаться не заявке Bellamy, а обстоятельствам ее перехода. Некоторые наверняка решат, что мы получили доступ к чужим внутренним данным.

Маргарет нахмурилась.

— До меня доходили и более неприятные версии, — сказала Маргарет. — Вплоть до намеков на передачу конфиденциальной информации. Я не намерена принимать на работу человека только потому, что вокруг него разгорелся скандал. Джек, на чем основана твоя уверенность?

— На ее работе, а не на слухах, — ответил Джек. — У нас нет доказательств, что она кому-то передавала документы, и я не собираюсь выдавать чужие предположения за установленный факт. С Джулией бывает непросто спорить, но ее результаты легко проверить по открытым кампаниям.

Кэм отложил ручку.

— Одна из историй касается меня, — сказал Кэм. — После конференции я подвез Джулс домой. Это была обычная поездка. Никаких документов VELA я не видел, о внутренних проектах мы не разговаривали. Но мое имя уже оказалось рядом с ее именем в слухах. Если она перейдет к нам, разговоры начнутся снова, и на этот раз заденут всю компанию.

На этот раз Маргарет внимательно посмотрела на него, прежде чем обратиться к Джеку. — Что ты предлагаешь?

— Обычную юридическую проверку при оформлении, — ответил Джек. — Юристы уточнят, какие обязательства по конфиденциальности остаются у Моретти перед VELA, а мы письменно закрепим, что в работе используем только исследования AURELLE и общедоступные данные. Никаких чужих презентаций, клиентских списков или внутренних расчетов. Нам нужен ее опыт, а не секреты конкурента.

— Хорошо, — сказал Малкольм. — А кто оплатит этот эксперимент, если он не оправдается?

Джек показал предварительную смету. Подготовка заявки делилась на этапы: исследование аудитории, разработка концепции, тестирование и финальные материалы. Расходы на каждый следующий этап предполагалось согласовывать после оценки предыдущего. Малкольм

уточнил несколько цифр и сделал пометку в планшете. Улыбаться он не стал, но возражать перестал. Кэма по-прежнему не убедили. Сомневаться в таланте Моретти было бы глупо, но успехи, которых она добилась в VELA, еще не означали, что ее методы подойдут AURELLE. К тому же до подачи заявки оставалось слишком мало времени, чтобы тратить недели на выяснение, чей подход правильнее. — Я бы не стал недооценивать период адаптации, — сказал он. — Мы не можем позволить себе потратить половину подготовки на попытки объяснить Моретти, почему наша стратегия отличается от ее привычной. Кому будет принадлежать последнее слово, если мы не сойдемся во мнениях?

— По рекламной эффективности и маркетинговым решениям — тебе. По концепции покупательского опыта — ей. Если возникнет спор, я соберу вас вместе и приму решение по заявке после оценки аргументов, — ответил Джек. — За результат перед руководством отвечаю я.

Маргарет сложила руки на столе.

— Ты говоришь об ответственности очень уверенно, — заметила Маргарет. — Допустим, через шестьдесят дней мы увидим, что предложенный подход не подходит AURELLE. Что мы тогда будем делать с новым сотрудником и уже потраченными деньгами?

— Мы заранее определим критерии испытательного срока. Если они не будут выполнены, примем решение о дальнейшем сотрудничестве в соответствии с договором, — ответил Джек. — А за потраченный бюджет и собственное предложение я отвечу лично. Если из-за моей инициативы компания понесет серьезный ущерб, я готов поставить на кон свою должность.

Кэм поднял глаза. Он ожидал, что Джек станет отстаивать кандидатуру до последнего, но не думал, что тот так далеко зайдет. На мгновение ему захотелось вмешаться. Маргарет, однако, уже вернулась к материалам, а Малкольм сверял смету и уточнял, какие расходы можно будет остановить после первого этапа.

— Решение принято, — произнесла наконец Маргарет. — AURELLE участвует в конкурсе Bellamy. Джек отвечает за коммерческую часть, Кэмерон — за маркетинг. Подключаем дизайн, аналитику, CRM и проектного менеджера. Моретти предлагаем должность бренд-стратега с испытательным сроком шестьдесят дней. Завтра отдел кадров обсудит с ней условия и подготовит трудовой договор. Критерии оценки зафиксируйте письменно: качество концепции, результаты тестирования и работа с командой. Если она не справится, дальнейшее сотрудничество пересмотрим в рамках договора. Юристы проверят обязательства по конфиденциальности, Малкольм проконтролирует бюджет. Промежуточные результаты хочу видеть каждые две недели.

Она посмотрела на Джека, затем на Кэма.

— И никаких попыток сделать из AURELLE вторую VELA. Мне нужна сильная заявка от нашей компании. Ясно?

— Да, — ответил Джек.

К вечеру дождь почти прекратился, оставив после себя блестящие тротуары и тот особенный октябрьский холод, от которого хотелось спрятать руки поглубже в карманы. На Бликер-стрит с козырьков магазинов еще срывались редкие капли, а ветер с таким упорством забирался под пальто, что Джулс в который раз пожалела о своем утреннем выборе в пользу тонкой блузки. Расплатившись с таксистом, она вышла на тротуар и привычным движением достала телефон. До встречи оставалось семь минут. В другое время она непременно потратила бы их на рабочую переписку, проверку презентации или очередной звонок кому-нибудь из команды. Но сегодня отвечать было некому, проверять нечего, а завтрашний список задач, впервые за девять лет, составляла не она. Казалось бы, прекрасный повод расслабиться. Однако свобода, о которой Джулс еще недавно могла только мечтать, на деле оказалась на удивление неуютной.

В половине четвертого ей написал Джек Уоррен: «Заседание прошло. Завтра ждем тебя в девять утра. Если есть ребята, которых ты хотела бы взять с собой, мы готовы рассмотреть их кандидатуры». Никаких подробностей или хотя бы намека на то, как все прошло. Только короткое приглашение, после которого завтрашняя встреча в AURELLE перестала быть чем-то гипотетическим. Джулс перечитала сообщение. Облегчение быстро сменилось радостью, а следом пришла тревога. Все девять лет в VELA она знала, чего ждать от рабочего дня. Теперь впереди было неизвестное будущее, и даже мысль о том, что Кэм Хейз наверняка не упустит возможности испортить ей первое утро, не добавляла уверенности. Она поблагодарила Джека, затем открыла старый чат команды и предложила встретиться вечером. Мысль, что кто-то согласится пойти вместе с ней, немного успокаивала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.